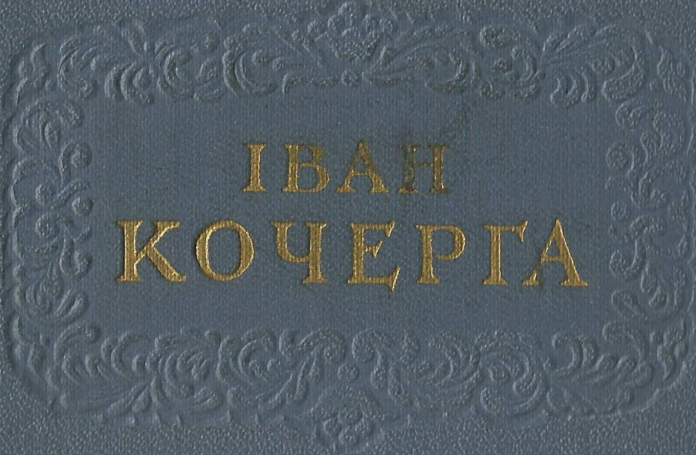

821(477)'06

К-75

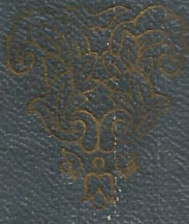

ІВАН
КОЧЕРГА

ДЕРЖЛІТТИДАВ
УКРАЇНИ

ІВАН
КОЧЕРГА

ІВАН
КОЧЕРГА

ТВОРИ

В ТРЬОХ
ТОМАХ

ДЕРЖАВНЕ ВИДАВНИЦТВО
ХУДОЖНЬОЇ ЛІТЕРАТУРИ
КИЇВ ~ 1956

ІВАН КОЧЕРГА

ТВОРИ

ТОМ
ТРЕТІЙ

ДЕРЖАВНЕ ВИДАВНИЦТВО
ХУДОЖНЬОЇ ЛІТЕРАТУРИ
КИЇВ ~ 1956

ПЕРЕДМОВА

Поетові чи драматургові — а по суті, це синоніми, бо кожен справжній драматург є поет, — який би взявся до відтворення великого образу Ярослава Мудрого, неминуче доведеться натрапити не тільки на надзвичайну складність цього суперечливого характеру, а й на труднощі формального порядку: які саме події з довгого і бурхливого життя Ярослава взяти в основу твору? Особливу проблему утворює це питання для поета драматичної форми, бо ця форма вимагає насамперед значної конденсованості зовнішніх подій, звичайно, якщо спинитись на жанрі трагедії, а не драматичної хроніки. Інакше кажучи, в творі з драматичним конфліктом на історичну тему неминучі певні анахронізми та інші відступи від зовнішньої історичної правди, право на які давно вже визнано за драматичними поетами.

В нашій драмі таких порушень небагато. З довгого політичного життя Ярослава я взяв невеликий порівняно відтинок — з 1030 по 1036 рік, тобто ті роки, коли Ярослав після довгої боротьби з Святополком, Болеславом, Брячиславом і Мстиславом нарешті «витер пота» і зайнявся «нарядом» об'єднаної під його владою руської землі; цей період завершився блискучою перемогою над печенізькими ордами і остаточним розгромом їх під Києвом. З інших зовнішніх подій до цього періоду належать лише похід Ярослава на Чюдь (1030 р.), відвоювання червенських городів у Польщі (1031) і невдалий похід Улеба (Ульфа) в зирянську землю до «Залізних воріт» (1032). Все це лишається в драмі без змін і хронологічних порушень, крім одного: на 1032 р. я відношу шлюб Ярославової дочки Єлизавети з Гаральдом норвезьким, — ця подія насправді відбулась пізніше — в 1044 р., порушення не таке вже істотне, бо в 1032 р. в Інгігерди вже могла бути доросла дочка, якщо згадати,

що в 1014 р. вона була в Новгороді дружиною Ярослава і обставала за варягів, побитих в славнозвісному «Поромонь дворі». Віддаляти ж сватання Гаральда на 12 років і на такий же строк розтягувати час драми було незручним, так само як і відмовитись від цього вдячного епізоду.

Друге порушення історичних, вірніше — літописних, фактів вже зовсім дрібне — це обставини знаменитої битви з печенігами під Києвом 1036 року. За даними літопису, в той час, коли величезна орда печенігів обложила Київ, Ярослав перебував в Новгороді, де «собрав воя многи и приде Киеву и вьниде в град свой», і вже потім «выступи из града» і прийняв бій з печенігами, які напали на нього («приступати начаша»). В моїй драмі Ярослав довідується про рух печенізької орди, перебуваючи в самому Києві, причому новгородська допомога приходить за напружених і драматичних обставин, заздалегідь вмотивованих попереднім ходом подій. Думаю, що мав право на таку неістотну зміну, тим більш, що літописна версія не вільна від деяких суперечностей: чому печеніги не використали відсутності князя і його війська в Києві для розгрому міста, маючи очевидну численну перевагу («бе же печенег бещисла»), а потім пропустили Ярослава із стомленими дальнім переходом полками в Київ замість одразу напасти на нього?

Нарешті, вигадані мною драматичні подробиці оборони Києва мають таке ж право на художнє існування, як і інші поетичні домисли та образи драми — як месник за вчинені Новгороду кривди Микита (син історичного посадника Коснятина), як заколот Ульфа і Інгігерди проти Ярослава, як пригоди Свічкогаса і т. ін.— без яких не обходиться жодна історична драма чи роман,— аби вони відповідали внутрішній правді зображуваної епохи. До речі, щодо активної ролі в драмі Інгігерди, дружини Ярослава, про яку літописи згадують лише в рік її смерті і не дають інших відомостей, довелось користуватись західними джерелами, а саме відомими ісландськими сагами (Еймундова сага), де Ярославу і Інгігерді приділено чимало уваги і де нехай ідеалізована постать скандинавської принцеси і властолюбної дружини руського князя змальована в сильних і мальовничих рисах.

Щодо самого Ярослава, центрального образу драматичної поеми, то в змалюванні його треба було прагнути не тільки історичної та художньої правди, але й якогось філософського узагальнення, якогось свіжого розкриття цього надзвичайно суперечливого характеру. І справді, образ історичного Ярослава складається з таких несхожих рис, як честолюбство, нерозбірливість в засобах його задоволення і щира любов до культури й освіти, великодушність і лукравство; рицарська одвага і поряд з цим малодушна лякливість у

вирішальну мить (згадаймо драматичний епізод 1017 р., коли Ярослав, розбитий Болеславом, готовий був тікати за море, але був силоміць примушений новгородцями продовжувати боротьбу за престол); щедрість і скупість; невдячність за зроблені йому послуги тощо. В цілому — це риси монументальної трагічної постаті, однаково величної і в своїх чеснотах, і в своїх пороках, характер надзвичайно активний і палкий.

Дуже цікаві дані для усвідомлення цього характеру дають недавно опубліковані (в 1940 році) підсумки анатомічного і рентгенологічного вивчення кістяка Ярослава при відкритті знаменитого саркофага в Софійському соборі. Цілий ряд висловлених при цьому дотепних гіпотез і висновків відтворюють не лише фізичний образ дужої людини з чималими пошкодженнями в коліні і правому крижостегновому суглобі (кульгавість), з підвищеною функцією щитовидної залози, а й повною мірою духовний образ — людину, яка відзначалася жвавістю уяви, запальністю, схильністю до вибухів і бурхливих реакцій, людину, чий величезна енергія і активність, проявлені за молодих років, неминуче повинні були спрямуватись пізніше на мирну творчу діяльність, як воно і було насправді.

Проте ця характеристика здавалася мені надто елементарною, вірніш — однобічною. Розкриваючи цей бурхливий характер в діяльності, я прийшов до висновку, що справа була не в простій сублімації енергії, в скеруванні її під старість в більш спокійне річище. Мені захотілося побачити Ярослава у внутрішньому конфлікті, в боротьбі обох напрямків його творчої енергії — бойового і мирнобудівничого.

Та справа не тільки в цьому роздвоєнні прагнень. Ярослав розуміє, що славне варязьке минуле вже відіграло свою роль, що «годі вже цих ярлів без землі, які на Русь по золото плили», що варяги, які, на думку Інгігерди, здобули йому престол, були лише наемниками, які «продавали свій меч тому, хто дав дорожче». І коли Інгігерда із зневагою дорікає йому за домішку до шляхетної варязької крові рабинині крові (натяк на матір Володимира Малушу), Ярослав з гнівом і гордістю парирує цей удар:

З усіх небесних благ
Найвищим благом кров я цю вважаю,
Що є з народом вірний мій зв'язок.
Мені не треба пишних тих казок,
Що предків нам шукають десь за морем,
Народ мій тут, на рідних цих просторах,
Від Києва до Ладоги живе...

І, нарешті, ще одним, неминучим у драмі про Ярослава Мудрого мотивом є, звичайно, мотив мудрості: що вона є і як вона

дається людям? Відповідь єдина, її висловлюють багато разів як сам Ярослав, так і інші персонажі поеми:

Береться мудрість не із заповітів,
А із шукань і помилок гірких...

В цілому ж ідею поеми можна визначити як нелегке і часом болісне шукання правди і мудрості життя разом з народом на користь вітчизні, шукання, в якому Ярославу допомагають не тільки друзі, але й ті, хто, як Микита, повставали проти нього зі своєю особистою правдою, або ті, хто, як Журейко, були скривджені князем, але врятували його в біді, бо всіх їх єднала і примиряла любов до вітчизни, до Києва, причаровувала приваблива особистість Ярослава. І в цьому світлі для нас особливо зворушливим є історичний факт незмінної вірності Ярославу Великому Новгороду — факт, що дав мені дорогоцінну можливість для створення цілого ряду драматичних положень і сцен.

АВТОР

ПРОРОК

Драматична поема на 5 дій

ДІЙОВІ ОСОБИ:

Шевченко
Куліш
Графиня Толстая
Катя, її дочка
Кржисевич Марія Степанівна
Одарка Соколенківна
Максимович
Максимовичка Марія Василівна
Чернишевський
Анненков, декабрист
Енгельгардт
Анюта, дівчина
Якимаха, дідич
Добржинський, становий
Прикажчик Максимовича
Лікар
Селяни

Поліцаї, студенти, народ.
Діється в 1858—1861 рр. у Петербурзі
і на Україні.

ПЕРЕДМОВА

Тільки 47 років, день у день, прожив Шевченко на світі, причому і з цього короткого віку свого понад 34 роки він провів у неволі — в кріпацтві, на засланні. Але стільки пережив, стільки зробив він за цей недовгий час свого життя, що цілком неможливо вкласти всі бодай визначніші події біографії геніального поета в художній твір — і особливо в драму. Ця трудність залишається великою мірою і тоді, коли взяти навіть один період Шевченкового життя, наприклад, як в моїй драматичній поемі — від повернення з заслання і до смерті. Бо і за ці три роки життя Шевченка було виключно багате подіями, кипучою творчою роботою, революційною діяльністю, зустрічами з видатними людьми того часу, а головне, переживаннями. З цих тяжких і болісних переживань досить згадати такі, як невпинні турботи про викуп з неволі братів-кріпаків, як прагнення, бодай на схилі днів, знайти відпочинок у власній оселі і у власній сім'ї, а звідси всі даремні спроби одружитись і придбати землю на березі Дніпра, як таке ж невпинне вболівання за наближенням сподіваної і вже обіцяної волі для селян.

Отже, годі й думати про включення хоча б головніших з цих зустрічей і подій в драматичний твір, обмежений і зосереджений вже самою природою цього жанру.

Єдиним засобом для побудови такої драми було обрати з великої кількості подій, зустрічей і фабульних мотивів лише ті, що сприяли розкриттю головної ідеї, покладеної до основи твору, — ідеї, що визначається вже його назвою «Пророк». Ідея, що була пророко зазначена самим поетом вже в «Перебенді» і проходила червоною ниткою через все його життя і всі твори, ідея борця за правду, для якого органічна непримиренність, неможливість хоч чим-небудь поступитись з своїх вистражданих переконань. Цілком

усвідомлюючи всю невідгідність для особистого життя свого демократичного і революційного світогляду, Шевченко, як справжній пророк, ніде не зраджує свого «неугомонного», як він сам висловлюється, «призвання», яке потягло його з світу радісного мистецтва на тернистий шлях служіння народу і любимої вітчизні — Україні. Але як в усякій трагедії (а що життя Шевченка було високою і справжньою трагедією, сумніву, здається, нема), були, звичайно, і у Шевченка хвилини слабкості, навіть розпачу, пекучого суму по приступному ж усім іншим особистому щастю... «Як добре бути поетом», каже він десь. «Якби можна було бути тільки поетом і не бути громадянином». В світлі всіх цих моментів стають зрозумілими і художньо переконливими всі даремні шукання поетом власного куточка землі, притулку, дружини...

Керуючись такою задачею в розкритті образу Шевченка, я свідомо обмежив фабульні й історичні компоненти своєї драматичної поеми, а також її учасників тільки тими подіями і особами, які були безпосередньо для цього потрібні. Внаслідок цього я дав у 1-ій відміні драми експозицію Шевченка, яка доручена людям, що знали його до заслання (Куліш, Кржисевич), що потім доповнюється самим поетом, який рішуче відкидає запропоноване йому декабристом Анненковим гасло: «Минулому навіки забуття».

Друга відміна присвячена дальшому розвитку цієї колізії — вибору Шевченком невдячного і тернистого шляху демократа-трибуна замість спокійного і нібито «радісного» шляху аполітичного художника-маляра, який пропонують йому Куліш і Кржисевич. Тут же, внаслідок фабульного повороту — приходу кріпачки Одарки як натурщиці — викривається облуда і неможливість радісного мистецтва при кріпосницькому ладу.

Третя відміна, яка змальовує подорож Шевченка в 1859 році на Україну і відбувається на хуторі М. О. Максимовича Михайлова Гора, знайомить нас з революційною роботою поета, з його невдалими спробами знайти притулок на березі Дніпра і закінчується арештом Шевченка. Сюжетно ця відміна пов'язана з попередньою, оскільки Шевченко викриває в ній злочин дідича Якимахи, який, щоб помститись Одарці, віддає її нареченого, а свого кріпака, Івана в рекрути.

В четвертій відміні показано хвилину слабкості поета, який під впливом Куліша і Кржисевич на мить похитнувся на своєму тернистому шляху і починає думати про своє право і на особисте щастя. Але це «хитання» можна назвати хитанням тільки з погляду такої непримиренної вдачі, яка була властива Шевченкові, як цілком справедливо каже про це Чернишевський, коли поет кається йому в цій «слабкості»:

Шевченко

Так... я здригнувся. Може, лиш на мить,
Але ця мить жахливою була,
Мить слабкості. Коли я став просить
Свою судьбу, щоб повз мене пройшла...
Гірка ця чаша...

Чернишевський

Чую думку вашу —
Але яка ж це слабкість, коли ви
Усе життя пили страждання чашу
Й ні перед ким негнули голови.

Тут же, в четвертій відміні, продовжується і наскрізна фабульна лінія — прихід схвильованої Одарки, яка повідомляє Шевченка про заарештування її Івана, який втік від Якимахи, і негайне втручання Шевченка й Чернишевського в цю справу.

П'ята відміна присвячена остаточному розриву поета з Кржисевич і введенню нового персонажа Анюти. І, нарешті, 6 і 7 відміні являють собою фінал трагедії, коли Шевченко, доведений до розпачу всіма невдачами в своїх спробах викупити братів, оселитись на Україні, а також затримкою сподіваної волі, гине, не маючи вже сил боротися з хворобою, що непомітно підкралась до нього. В цих же відмінах показані признання Кулішем незрівнянної переваги над ним генія Шевченка і запізниле каяття Кржисевич, яка розуміє тепер свою провину перед поетом.

Я навіть цей стислий виклад основних ідей моєї драми головним чином для того, щоб з'ясувати і виправдати свій вибір, вибір навмисно обмежений, тих осіб, які в ній діють. Мушу передусім підкреслити, що крім однієї лише постаті Якимахи, що є збірним образом поміщика, геть усі дійові особи моєї драми є історичними особами, що дійсно існували, їх знав Шевченко і згадує про них в «Журналі» та листуванні. Такі: Куліш, Толстая та її дочка Катя, Кржисевич, Одарка Соколенківна, Максимович і Максимовичка, Чернишевський, Енгельгардт-син, Анненков, Анюта — всі вони розроблені мною в драмі саме в тому напрямі, в якому їх характеризував Шевченко або свідчення сучасників поета, і все, що я собі тут дозволив, — це розвернути цю характеристику і доповнити там, де цього вимагали фабульні чи ідейні вимоги твору. І тільки два образи: Кржисевич і Анюти — вимагають, мабуть, трохи більших пояснень. Марію Степанівну Кржисевич Шевченко знав ще замолоду, коли вона була ще Марусею Задорожньою і жила в Качанівці у Тарновських як одна з тих «молоденьких дівчат, яким поет обіцяв переслати «Черницю Мар'яну». Через багато років після цього

Шевченко зустрів її в Петербурзі і кілька разів згадає її в «Журналі», щоразу дуже прихильно. «Зашли к землячке М. С. Гресевич (так помилково називав її поет) и она нас встретила резвая, веселая, молодая, как и 10 лет назад. Чудная женщина,— ее и горе не берет». Отже, я мав, гадаю, право ввести її в драму, як свого роду місток, перекинутий в молоді роки поета, та як образ жінки, яка своєю широю любов'ю до Шевченка і нерозумінням його душі, його прагнення не до «чужої» панянки, а до «рідної» сільської дівчини, могла послужити ще глибшому розкриттю його образу.

Щодо другої жіночої постаті — Анюти, то я не міг відмовитись від такого вдячного штриха, як введення в драму передзахідної любові Шевченка, останньої ласки, що зогріла його самотні сумні дні перед кінцем, хоч, правда, історичні відомості про цю дівчину дуже скупі (навіть ім'я її невідоме) і вичерпуються згадкою Полонського в його спогадах. Крім цієї далеко неповної характеристики про дівчину-міщаночку «в худых башмаках, в одном платке», що приходила до нього на побачення та крім останніх віршів поета, що звернені до «сусідоньки убогої», я скористався для змалювання цього лагідного образу ще одним, як мені здається, дорогоцінним натяком, який є в творах Шевченка. Я маю на увазі маленьку, у вісім рядків, поезію, датовану 15 січня 1860 р. про «дівча любе, чорнобриве», яке «несло з льоху пиво», дівча убоге і «босе», тобто саме таке, що відповідає характеристиці Полонського.

На закінчення хочу сказати ще про один жіночий образ, який я, навпаки, не вивів у драмі, хоч взаємини його з Шевченком і позначені чималим трагізмом. Це Ликера Полусмакова, образ цілком історичний і багато освітлений в спогадах. А не взяв я його з двох міркувань. По-перше, через те, що це, по суті, образ епізодичний і зовсім не пов'язаний ні з сюжетною, ні з ідейною постановою драми. А по-друге — і це головне, — взаємини поета з Ликерою носили надто хворобливий характер і показували Шевченка в не зовсім вигідному для нього світлі. Тому я обмежився лише згадкою про цей епізод в 5-й відміні драми, де все основне й істотне про Ликеру сказано.

АВТОР

ДІЯ ПЕРША

ВІДМІНА ПЕРША

«Минулому чи прийде забуття?»

1858

Голуба вітальня в домі Толстих, оздоблена з суворим смаком і простотою кімната, освітлена одним алебастровим ліхтарем, що спускається на позолочених ланцюжках з білої ліпної стелі. В глибині декорована квітами ніша з мармуровою статуєю німфи. Праворуч, за відхиленою голубою завісою, двері в залу, в глибині — в інші кімнати.

На голубій, оксамитній канапі сидить Анненков — величного вигляду старець з срібними кучерями і бородою, з лагідним обличчям мудреця. Він слухає музику, що долітає з зали — грає славетний піаніст Контський.

I

З глибини кімнати входять Катя, молодша дочка Толстих, дівча 15 років, в супроводі Марії Степанівни Кржисевич, молоді вродливої жінки, і Василя Павловича Енгельгардта. Кржисевич помітно схвильована. Вона стримує Катю, яка поривається бігти.

Кржисевич

Стривайте, Катя. Зараз-бо незручно.
Там грає хтось.

Енгельгардт

Це Контський.

К а т я

Менше з тим!

Я вам сюди покличу маму з зали.
Та ось вона!

З зали входить Толст а я.

К р ж и с е в и ч

(підходить до неї).

Дозвольте широко вам
Подякувати, графине, що мое
Бажання ви ласкаво вдовольнили.

Т о л с т а я

(вітаючись).

Зустрінутись з Шевченком? Він наш друг,
І друзів всіх поета ми, звичайно,
В своїй оселі раді привітати.
Ви ж друг його?

К р ж и с е в и ч

О ні! Не смію я

Таким ім'ям високим називатись...
Але в житті, з далеких юних літ
Я кращого не маю заповіту,
Ніж зустрічі з Шевченком. Перед ним
З побожністю ми всі тоді схилялись!

К а т я

(наївно).

А скільки ж літ тоді було вам?

Т о л с т а я

(з докором).

Катя!

Чи можна ж так!

К р ж и с е в и ч

(усміхаючись).

Таке ж було дівча,

Як зараз ви.

(Цілує Катю).

Г о л с т а я

(сміючись).

Так само і вона

Годинами з ним може розмовляти.

К а т я

(горнеться до матері).

Він знає все... і розуміє все!

К р ж и с е в и ч

Так, так, дитя! Він чує кожне серце
І має владу збуджувать серця!
Коли в той час з'явився він між нами
І заспівав про наш нещасний край,
Здавалося, що поклик лебединий
Солодким дрожем душі нам пройняв.
І в захваті дивились ми на нього,
Чи не горить над гнівними очами
Язик огняний на блідім чолі!
Це був пророк!

II

З глибини входять Шевченко і Куліш.

Ш е в ч е н к о

Пророк? Тоді ще ні!

Бо лисим я зробився лиш тепер,
Як Єлисей,— нема лише ведмедя,
Щоб розірвав насмішників моїх.
Добривечір! Графіне... Катря...

К а т я

(кидається до Шевченка).

Любий

Тарас Григорович! Дивіться — ось
Землячка ваша.

Шевченко

Боже мій! Маруся!
Маруся Задорожня! І така ж,
Яка була тому дванадцять років,
Приваблива і гарна... Я ж старий...

Кржисевич

(вкрай схвильована).

Дванадцять літ! О боже, що вони
Зробили з вами, любий наш Тарасе!
(Вибухає нестримними сльозами).
Які ж ви муки мусили знести,
Щоб стать тепер таким... таким...

Шевченко

(з сумом).

Поганим?

Кржисевич

Ні, ні, неправда!

(Раптом хапає і цілує його руку).

Ви завжди для нас
Залишитесь прекрасним і любимим.

Шевченко

(в роздумі).

Так, справдилось, про що колись я мріяв
В неволі, на далекім засланні...

...А може, тихо за літами
Мої мережані сльозами
І долетять коли-небудь
На Україну і падуть,
Неначе роси над землею,
На шире серце молодее
Сльозами тихо упадуть...
І покиває головою
І буде плакати зі мною
І, може, господи, мене
В своїй молитві пом'яне!

(Зворушений цілує Кржисевич в чоло).

Так, варт було стерпіти стільки муки
За цю любов народу мого...

Куліш

На цю любов відповідай любов'ю
І коли знов на рідну ниву вийдеш,
Щоб розкидати щедрою рукою
Зерно добірне правди і добра,—
То не забудь оглянути торбину,
Щоб не потрапив в золото пшениці
Осот гіркий, бур'ян чи молочай.
Лиш той пророк, хто має серце чисте
І зла в народ і краплі не несе.

Голста

Святі слова! Такий і наш Тарас.
Його душа, як у дитини, чиста,
І в серці зла ніколи він не мав.

Шевченко

Авжеж дитина! Як колись писав
Я сам про себе в Орській тій фортеці
І нарікав на долю, що мене
Покинула малого на розпутті.
Хоч це мале було вже сивоусе,
Та опинилось з розуму дурного
В пустині за Уралом! Ну, хіба ж
І справді не дитина!

Кржисевич

(палко).

Так, це ми —
Це ми тоді не берегли той скарб,
Що нам послала доля — і життя,
Всього життя не стане, щоб таку
Спокутувать провину нам тяжку.

Шевченко

(бере її руки).

Ви все така ж нестримна і палка,
Марусе люба, як були колись
Дівчам принадним в Качанівці вашій.

І роки вас, мабуть, не вгамували
І доля вас од горя зберегла.
Недурно ж ви звалися Задорожня,
Що всі тривоги життєвих доріг
Пройшли повз вас і вас не зачепили.

К р ж и с е в и ч

(з сумом хитає головою).

О ні, ще й як, мій любий, зачепили,
Багато я в житті перенесла...
В чарівних мріях линула на небо,
Прокинулась розбита на землі...

Ш е в ч е н к о

Чому ж розбита — цілі ваші крила
І ще не раз на небо вознесуть.
Хоч вірте, любя, тільки на землі —
В борні, в тривогах, в широму коханні —
Шукати треба щастя молоде...
А небеса...

Е н г е л ь г а р д т

Дозвольте нагадати,
Що є випадки, коли дві душі,
Дві різних вдачі жінку поривають,
А надто ту, що, як Маруся наша,
Нестримно шири в почуттях своїх.
Про неї це наш геніальний Глінка
Скомпонував славетний свій романс
«Не називай її небесною
І у землі не віднімай...»

К р ж и с е в и ч

(збентежена).

Чи можна ж так соромити мене...

Ш е в ч е н к о

Так чи не так — лиш будьте завжди щирі.
Єдина ця чеснота, що жінкам
Спокутує багато їх пороків.

К р ж и с е в и ч

(палко).

Які б в душі не мала я пороки,
Але до вас, Тарасе, лиш одне
Плекатиму я завжди почуття
Безмежної пошани і любові.

Ш е в ч е н к о

Дивіться, не зречіться, як апостол,
Аж поки півень встигне проспівать...

Т о л с т а я

(успіхаючись).

Це почуття однакове у всіх,
Ми всі Шевченка любим і шануем.
Дозвольте познайомить вас, мій друже

. (підводить Шевченка до Анненкова),

З таким же, як і ви колись, вигнанцем,
Що з заслання недавно повернувся.

Ш е в ч е н к о

Знайомі ми: я в Нижньому торік
З Іваном Олександровичем бачивсь
І радий був мою найглибшу шану
Віддати тому, хто в лавах декабристів,
Хто в лавах перших руських сміляків
За правду і за волю стяг підняв.
Коли мене назвали ви пророком,
На що ніяк я права не набув,—
То ось він, наш апостол первозванний,
Що в рудниках сибірських слово правди
Для нас своїм стражданням освятив.

А н н е н к о в

(добродушно).

Ну що це ви, мій добрий, любий друже,
Лиш для книжок годиться пафос цей!
В житті ж буває все не так врочисто
І все простіш далеко. А проте
З того часу пройшло багато років.

І мудрий час цілющим забуттям
Загоєє всі горесті життя.
А щодо мук і до страждань, що їх,
Здається вам, було у мене надто,
То й це не так — життя є скрізь життя,
І в засланні я згадую чимало
Щасливих днів і радісних хвилин.

Ш е в ч е н к о

Хай навіть так — це можна зрозуміти.
Та як простить вельможним тим катам,
Що вас було на плаху засудили
І все життя згубили лиш за те,
Що склад думок у вас ніяк не схожий
З думками Чернишова чи царя!

А н н е н к о в

Ну, що це ви! Чи можна ж вимагати,
Щоб був суддя філософом якимсь.

Ш е в ч е н к о

Однак не псом скаженим, що кидався,
Як Чернишов, на зв'язаних людей.
Мерзотність це!

А н н е н к о в

(*усміхається*).

Це правда: він казився
На допитах, але лиш через те,
Що мав сварливу жінку і йому
Пантофлею частенько попадало.
Це знали всі.

Т о л с т а я

(*сміючись*).

Ну, значить, все гаразд,
І все в житті знаходить рівновагу.

Ш е в ч е н к о

О ні, не все.

А н н е н к о в

(підводиться і кладе руку Шевченкові на плече).

Повірте, любий друже,
Що саме нам, кому судила доля
Чимало мук і кривди пережить,
Що саме нам годиться рівновагу
В своїм житті скоріше відновить.
І ось тому я взяв собі девізом:
Минулому — навіки забуття,
Теперішньому — згода і любов!

Т о л с т а я

(протягає руки Анненкову).

Як радісно мені од вас це чути,
Ці золоті, ці мудрії слова:
Минулому — навіки забуття,
Теперішньому — згода і любов!

(Бере руку Шевченка).

Я знаю, ви і ви такої ж думки,
Тарас Григорович — адже ж не раз
Мені ви це давали зрозуміти —
І вірю я, що знову вам життя
Надією і щастям усміхнеться.

К у л і ш

Минулому навіки забуття!
Святий девіз! І він немов для тебе,
Тарасе, друже, складений. Амінь!

(Тисне йому руку).

Чи правда, друже?

Ш е в ч е н к о

Так, девіз чудовий.
Шкода лише, що не для мене він.
Та і чи можна ж, друзі, кожну шапку
На кожен лоб надіти? Ось мені
Вже одягли було картуз солдатський,
А все ж солдата з мене не зробили,
Хоч десять років я його носив.

Чи можу ж я сказати разом з вами:
«Минулому навіки забуття?»

К у л і ш

Та це ж тобі — тобі, Тарасе, краще
Дивитися вперед, а не назад!
Воно ж пройшло, те лихо...

Ш е в ч е н к о

(*гнівно*).

Як пройшло!
Хіба мої на волі браття, сестри?
Хіба не може завтра же той пан
Послать сестру Ярину на конюшню,
Щоб там її...

(*Закриває очі рукою*).

О боже! І згадать,
Згадати навіть страшно.

К а т я

(*кидається до Шевченка*).

Годі, любий!
Тарас Григорович!

Ш е в ч е н к о

О сестри, сестри!
О сестри любі! Як же ви росли!
Чи бачили ви роки молодії,
Дівочі роки! В наймах, все життя
Без радості, без хати, без любові
На панській праці коси побіліли,
На панській праці, сестри, умрете!
А ви... хотіли, щоби я сказав:
Минулому навіки забуття!

К р ж и с е в и ч

Так, забуття не треба, треба лиш,
Щоб ви вперед дивилися з довір'ям.

Толст а я

Я саме це хотіла вам сказати,
Мій любий друже... Хай ще зараз ніч,
Але зоря вже близько світова,
Самі ви в тім могли переконатись.
Чи ви не ждали десять довгих літ
Своєї волі, а тепер вона
Для всіх селян готується, і скоро
Її об'явить милостивий цар.

Енгельгардт виходить в залу.

Шевченко

Її об'явить! Ах, коли б я міг
Вам передати гаряче хвилювання,
Що довелось зазнати мені торік,
Коли вертався я Волгою з заслання, .
Було вночі це... Сонний пароплав
Між берегів чарівних тихо линув,
І раптом спів чудовий пролунав—
Це грав на скрипці ніжну каватину
Незнаний бідний музикант, кріпак.
Весь біль душі він вклав в цей спів чудесний,
Весь гнів, всі муки тисяч кріпаків,
Що залишили незгладимий знак
На співі тім, і міг би звід небесний
Він захитати, коли б досяг туди!

Толст а я

Так, він досяг! Вже волю цар збудив,
Вона вже близько!

Шевченко

Так, вона іде,
Її не цар, віки підготували,
І людський геній, що для всіх людей
Полегшив працю силою машини,
Яка несе в життя суспільні зміни
І розхитає феодалський лад.
І ось тоді ж, на тому ж пароплаві,
Я зрозумів, що і Фультон і Ватт,
Які створили цей корабль чудовий,
Разом поклали і фундамент новий

Нових часів, нових людських законів.
Я зрозумів, що витвір цей Фультонів,
Його могутнє вогняне дитя,
Пожре кнути, престоли і корони
І створить на землі нове життя!
Тоді й настане бажана свобода,
Коли людина підкорить природу
І установить правду на землі.
Назвали щойно ви мене пророком,—
Хай буде так! Я бачу шлях широкий,
Який в майбутнє люди повели!

Т о л с т а я

Його ведуть всі кращі наші люди,
Ми вдячні їм, і волі ждати будем
З надією.

Ш е в ч е н к о

(про себе).

Нікчемні лиш уми
Надією втішаються в недолі...
На інший шлях вступити мусим ми —
Шлях боротьби.

(Голосно).

Ну що ж... нехай живе
Прекрасная дурисвітка надія
І розважає душу в хмурий час...
Адже ж так хочеться душі бездольній
Хоч слова тихого серед тяжких думок...

(Сідає знесилений в крісло).

Катя бере низенький ослінчик і сідає біля ніг Шевченка.

ІІІ

Енгельгардт вертається з зали

Е н г е л ь г а р д т

(до Толстої).

Настасія Іванівна, вас просить
До зали граф — він каже, зараз Контський
Ноктюрн Шопена гратиме.

Толстая

Я йду.

Куліш, Енгельгардт, Кржисевич і Анненков ідуть за нею.

К а т я

Тарас Григорович — ну, годі, годі..
Облиште сум... І розкажіть мені
Про Київ, про Дніпро, зелені гори,
Про ночі дивні в місячній імлі...

З зали долітають мрійні звуки ноктюрна Шопена, що його грає
Контський.

Шевченко

Ні, серденько... цього не розказати..
Це треба бачить, навіть ні, не те..
Це треба втратити, втратити, як мати,
Щоб згадувати як краще і святе.
І плакати кривавими сльозами,
І з пристрастю безумною бажать.
Тоді в душі встають, як хмарні замки,
Як музика, як дивна благодать —
Дніпрові кручі, неспокійні хвили
І тьмяні стежки в чарівній імлі..
Ті стежки, що по них колись ходили
При місяці і співах солов'їних
Моеї любки ніженьки малі..
І не згадаю, де вона сама,
Бо і слідів її тепер нема...

(Опускає голову на руки).

К а т я

Ну, годі, годі, любий мій Тарасе,
Не плачте, любий... Вернуться назад
І Київ ваш, і Дніпр, його окраса,
І зачарований казковий сад.
І з новим другом над Дніпром прозорим
Під спів чарівний солов'їв лунких
Побачите ви ті ж одвічні зорі,
І вдвох нові протопчете стежки.

(Цілує його руку).

Завіса

ВІДМІНА ДРУГА

«Радість мистецтва»

Майстерня Шевченка в його квартирі при Академії мистецтв в Петербурзі. Вхідні двері праворуч, в глибині сходи наверх до кабінету. Мольберт, на якому закрита завіскою незакінчена картина «Дніпрові русалки». Ранок восени 1858 р.

I

Шевченко прощається з Чернишевським, що, вже стоячи біля дверей, тисне йому руку.

Чернишевський

І те, що ви чудовий ваш талант
Без жодного вагання віддали
На боротьбу за звільнення народу,—
І робить вас безмежно дорогим
І близьким всім, хто б'ється в перших лавах
За ідеали людства і прогрес.
І знайте, що якраз в цій боротьбі
За гуманізм і щастя всіх людей
Мистецтво знайде справжню ту свободу,
В якій воно розвинеться цілком.

Шевченко

Для мене це не подвиг, а потреба,
Бо я лиш частка мого народу,
Що, як і я, в неволі під ярмом...
І щоб збудити волю...

Чернишевський

Так, її

Приспати знов силкуються сатрапи,
Коли ледь-ледь прокинулась вона.
Тому тепер, якраз тепер нам треба
Нових борців до себе залучать.
З цим поспішати треба! І коли
Ми зберемо й згуртуем всіх, хто хоче
За волю і за правду в бій піти,—
Не буде сили, що була б спроможна
Спинити рух визвольний.

(Стук у двері).

Шевченко

Треба миром,
Громадою обух сталить
Та добре вигострить сокиру.

Входить Куліш. Він мовчки уклоняється Чернишевському, який виходить.

Куліш

(дивлячись на двері).

Це Чернишевський? А чого б це він
Ходив до тебе? Гей, дивись, Тарасе,
Щоб через цих вовків в овечій шкурі
Не вскочив ти в лиху неволю знов.
І ще тебе біда не научила.
Не чув хіба, що кілька днів тому
Взяли підписку з графа і графині,
Щоб стежили і берегли тебе
Від вчинків і знайомств необережних?
Чи не вони ж дали тобі притулок
В своїй оселі...

Шевченко

Не для того я
Звільнився від неволі однієї,
Щоб опинитись в другій!

Куліш

Ну, якщо
Тобі неволя ці священні стіни,
Що юнаком тебе колись ввели
В чарівний світ мистецтва і свободи,
Ті стіни, де тепер ти знов знайшов,
Про що даремно мріяв десять років,—
Якщо це все неволя, ну тоді,
Тоді, звичайно...

Шевченко

Так, це все було...

Куліш

Було і є. Навіщо ж хочеш ти
Цей міст до щастя знову зруйнувати
І кинутись в безодню!

Шевченко

(*хмуро*).

Тісно тут.

Куліш

Тобі вже тісно! Що ж, шукай простору!
Але тоді не ремствуй на судьбу,
Коли потрапиш знов в стели широкі,
В незамкнуту, але страшну тюрму.

Шевченко

В такій тюрмі, безмежній і жахливій,
Вже сотні літ томиться мій народ.
Чи можу ж я забути це!

Куліш

Народу

Ти вже віддав свої найкращі роки
І маєш право тут йому служити!
Служити тут, в цих стінах, де колись
Тебе Брюллов великий привітав
І в радісне мистецтво посвятив.
Віддайся ж знов цим радощам чудесним,
Шукай в ігрі сполучень гармонійних,
Гармонії і миру для душі.

Шевченко

(з *гірким почуттям*).

Гармонії і миру...

Куліш

А коли

Захочеш знов палким натхненним віршем
З народом розмовляти, пам'ятай,
Що божий дух не в блискавці і громі,
А в тихім сяйві, в лагідній росі.
Прощай, мій друже. Ввечері приходь,
Проглянемо з тобою на дозвіллі,
Що слід тепер з твоїх поем і дум
Пустити до друкарні, хоч боюсь,

Що прийдеться крізь решето багато
Гарненько процідити. Ну, бувай!
(*Тисне руку Шевченкові і виходить*).

II

Шевченко стоїть якусь мить розгублений, потім підходить до мольберта, одсуває завіску і дивиться на картину. Знову засуває. Сідає в крісло.

Гармонії і миру...

Боже мій!

Чи маю ж право їх в душі плекати,
Коли народ мій стогне у ярмі!
Коли у праці виснажена клятій
Ще молода в труну лягає мати,
А паничами зведені дівчата
У розпачі кидаються в ставки!
Гармонії і миру! Навпаки,
Я шлях обрав не мирний і гіркий...
Але навіщо, мов спокуси дух,
Збудив Куліш подій далеких круг,
Що зрушили усе моє життя...
Чи можу я забути давні дні,
Коли з неволі й злиднів раптом я
Потрапив чудом в зали чарівні,
До генія, став учнем між майстрами...
Але й тепер не в силах зрозуміть,
Як міг я там, в мистецтва дивнім храмі,
Нікчемний учень, вбогий неофіт,
Замість шукать сполучень гармонійних
І вчитись тайн, що ними володів
Великий Карл,— став кликати буйні тіні
Кривавих гайдамаків, козаків.
І як же доля потім відплатила
За цю зневагу до її щедрот,—
Мої поеми, мов з гірських висот,
На мене впали і життя розбили.
І з зал розкішних кинули в тюрму..
Ну, що ж — нехай!

(*Підводиться*).

Я сам обрав цей шлях.

Я ним горджусь і з нього не зверну.
Шукають хай гармонії в піснях
Поети інші — я ж шукав свободи
І совісті і з гнівом розірвав
Запретную завісу, що ховала
Тяжкі страждання мого народу.
Я їх відкрив для світу і невтомно
До правди-мсти знедолених волав.

(Стук у двері).

III

Хто там? Ввійдіть! Ввійдіть, будь ласка!

К р ж и с е в и ч

(заглядає з відхилених дверей).

Можна?

Ш е в ч е н к о

(йде назустріч, радо).

Марусе, ви! Звичайно, прошу вас.
Який це вітер вас приніс сюди,
В сумну цю келью, мов вишневий цвіт?
Проте, гай-гай, вже осінь, і слідів
Немає вже ні квітів...

К р ж и с е в и ч

Ні дівчат?

Чи це сказати хотіли ви?

Ш е в ч е н к о

Атож...

Коли зима-бабуся входить в сад,
Тоді не знайдеш ні дівчат, ні рож...

К р ж и с е в и ч

То це ж од вас залежить лиш самих
Знайти дорогу до колишніх втіх.

Шевченко

Ні! Заросли колючими тернами
Квітучі стежки... Щоб пройти цю путь,
Сандалії пророка треба взуць
І радості забути...

Кржисевич

(палко).

Зовсім ні!

Є шлях у вас квітучий і спокійний —
Мистецтво ваше.

(Підходить до мольберта і відсуває завіску).

Ось таку красу

Повинні ви плекати гармонійну,
Вона всі хмурі тіні прожене.

Шевченко

І ця гармонію!

Кржисевич

Послухайте мене!

На полотні повинні ви створити
Поезію вечірньої зорі,
Як та, що нею дивно так ловити
Жінки й дівчата в вашім «Кобзарі»,
Бо всі русалки — вибачте на слові —
Бругальні трохи і до них рівнять
Ніяк не можна образи чудові,
Що в «Кобзарі» мов яхонти горять.

Шевченко

(збентежений засуває завіску).

Гай-гай, це правда... це великий гріх...
Та де б я тут знайшов красу богині,
Таких дівчат, принадних і струнких...
Це ж тільки там, у нас на Україні,
Стрічаються дівчата, що на них,
На їх красу молитись тільки можна,—
Такі в очах їх ласка, поклик, біль!
Чи могу ж я відчуть порив тривожний

В ігрі бездушній цих брутальних тіл?
Тимчасом є... є дівчина чудесна,
Яка б одна прославила мене,
Коли б я міг її красу небесну
Увічнити як наше, як земне,
Як втілення моєї України
В усім її величчі лебединім,
В усій її печалі віковій!

К р ж и с е в и ч

(насмішливо, трохи ревново).

То в чім же справа? Бачу я, що ви
Захоплені вже неабияк нею,
То йдіть, покличте...

Ш е в ч е н к о

Кликав, та дарма...
Вона невільна — також як сама,
Як і сама страдалиця Вкраїна.
Вона кріпачка.

К р ж и с е в и ч

А, то ось причина.
Її до вас не відпускає пан.
Ну, звісно ж бо...

Ш е в ч е н к о

Ні,— зовсім інший стан,—
Це князь Голіцин, він же за кордоном

К р ж и с е в и ч

Його немає? Ну, то в чім препона,
Що заважає?

Ш е в ч е н к о

Їй сімнадцять літ,
Вона вже рік в науці у кравчихи,
І мати з хати нікуди у світ,
Опріч кравчихи...

К р ж и с е в и ч

(вражена).

Їй сімнадцять літ!

То в неї ви безумно... ось в чім лихо!

А ще казали — облетіли квіти

І заросли тернами.

Ш е в ч е н к о

О, якби-то

Мені з плечей хоч десять років.

К р ж и с е в и ч

(вражена).

Боже!

Чаклунство це! Ви знову молодий,
На давнього Тараса стали схожі!
Вогонь в очах, і погляд як тоді,
Ви весь такий, яким були в той час,
Коли ми всі, дівчатка молоденькі,
Закохані були страшенно в вас!
Там, в Качанівці. (*Важко дихає*).

Ш е в ч е н к о

Боже мій! І ви!

І ви, моя гарненька!

К р ж и с е в и ч

Так, і я!

Я більше всіх... Та смілості не мала
Признатись вам. Лиш по́тай од усіх
З палким стражданням ніжно цілувала
Я речі ті, що ви торкались їх...
І плакала солодкими сльозами,
І кожен крок ваш стежила.

Ш е в ч е н к о

І я,

І я пройшов повз щастя, що слідами
Моїми йшло, повз щастя, до якого
Було лиш досить руку простягнути.

Мое дівчатко! Молодість моя!
Невже тебе я зможу повернути!
Притягає її до себе і палко цілує. Стук у двері.

К р ж и с е в и ч
(*виривається з обіймів*)

Безумство це! Хтось стукає!

Ш е в ч е н к о
(*отямившись*).

Ввійдіть!

IV

Двері відчиняються. Входять Катя Толстая і Одарка Соколенківна, 17-літня дівчина, дуже вродлива, з розумним лагідним обличчям, вдягнена в розкішний український костюм.

Ш е в ч е н к о
Що бачу я! Одарка, Катя. Боже!
Яка ж то радість!

К а т я
Добрий ранок вам,
Тарас Григорович!

Ш е в ч е н к о
І справді добрий ранок! Я своїм
Очам не вірю власним.

К а т я
Честохівський
Умовив врешті матір і до нас
Одарочці дозволити прийти,
А потім і до вас — разом зі мною.
Ось і вона — яка ж бо чарівна,
Яка гарненька...

(*Ніжно цілує Одарку*).

Не зведеш очей.
І лиш тепер я справді розумію,
Як рідний край повинні ви любити!

Шевченко

(тисне руки Катрі й Одарці).

Спасибі, Катре, серденько моє,
Й тобі спасибі, дівчино розумна,
Що завітала і в душі моїй
Мов сонце України засвітила.
Сідайте ж бо.

Кржисевич

Прощайте, я піду,
І заважать не буду.

(Хутко виходить).

Шевченко

От жінки!

Катя

(обіймаючи й сідаючи з Одаркою).

Сідаймо, люба. А вона ж боялась
До вас іти.

Одарка

Авжеж боялась...

Шевченко

Справді?

Хіба вже я такий страшний?

Одарка

Аякже!

Ви ж мудрі і учені і такі
Складаєте пісні й чудові вірші,
Що їх без сліз і слухати не можна...
Я ж дівчина звичайна, і мені
Аж соромно вам заважати...

Шевченко

Люба!

Чи міг би я складати ті пісні,
Коли б не мав у розумі і серці
Таких, як ти, дівчаток, що зберіг

В душі як скарб найкращий України...
Аж ось коли на десять довгих літ
У мене злая доля відняла
Мій рідний край.

О д а р к а

(схоплюється і підбігає до Шевченка).

Я знаю — це за нас,
За кріпаків ви муку прийняли,
За нашу правду... Шана вам за це!
(Рвучко бере й цілує його руку).

Ш е в ч е н к о

(Вкрай зворушений, цілує Одарку в чоло).

Розумнице... сердечко золоте!
Спасибі, люба... І коли з тих пір
Я стільки років мов в густім тумані
Не бачив сонця, то й мої пісні
Були замовкли...

Ти ж тепер влетіла,
Як пташка божа, в мури ці сумні...
Ти принесла з собою подих дивний
Пахучих нив і запашних садків.
З тобою сонце радісно засяло,
З тобою оживуть пісні!

(Дивиться на Одарку з захопленням).

І щоб тебе в душі запечатліти,
Дозволь, тебе змалюю... Сядь отут,
Отак... чудово... добре... Трохи ближче...
Так... добре... так... сюди голівку... так.
Дивись туди... Отак, голубко.

(Бере картон, етюдник, пензлі).

О д а р к а

Боже!

А як зомлію! Як поворухнусь!
Або всміхнуся...

Шевченко
(працюючи).

Ластівко моя!
І ворущись, і усміхайся, люба,
І розмовляй.

О д а р к а
І розмовляти можна?
От добре... А в кравчихи і не думай!
Сиди та ший...

К а т я
А голосок який,
Немов дзвіночок.

О д а р к а
(наївно).
Тільки я боюся.

К а т я
Чого, голубко?

О д а р к а
Розмовлять, бо ше
Утну якусь дурницю, боронь боже,
Помовчу краще.

Шевченко
(малює).

Бач, яка стидлива,
Немов засватана — а може, справді?
Ну, звісно, то хіба такий алмаз
Сховаеш в хаті — признавайсь, небого,
Напевно вже пообіцяла серце
Комусь віддати... А проте, кому ж?
Я і забув, що в цьому Петербурзі
Нема людей... самі пани.

К а т я
(сміється і вклоняється).

Спасибі
На добрім слові!

Шевченко

Серденько моє!

Яка ж ви панна — ви живе срібло.

Катя

Да, да, викручуйтесь! А папа, мама?

Шевченко

(серйозно).

Вони мої заступники святі,
Писання ж каже, що без трьох святих,
Не встоїть жоден город...

Катя

Добре вже!

Викручуйтесь...

Шевченко

(дивиться на Одарку).

Стривайте!

(Підводиться і підходить до Одарки).

Що це ти,

Моя дитино, наче зажурилась?

Ну, так і є! І слізонька в очах.

Чого це ти?

Одарка

Ні, дядечку, це так...

Спитали ви, чи є у мене хтось

До серця близький...

Шевченко

(сумно).

Так... А ти згадала,

Що ти кріпачка... І що любий твій

Такий же, як і ти, кріпак бездольний?

Голубонько...

О д а р к а

Та це би ще нічого...
Але в панів ми різних... Ось в чім горе...
Я у Голіцина... а він у Якимахи...
Під Каневом...

Ш е в ч е н к о

Ой, горенько на світі!
І доки ж це терпіти...

(Катя витирає сльози).

Бачте, Катрю,
Яка ганьба... То не дивуйте ж, любя,
Що в кріпаків — а я ж і сам кріпак,—
Вже з молоком всмокталась материнським
Ненависть до панів... Що й за людей
Їх спересердя часом не вважаєш...
Ну, відпочинь, небого, ти ж втомилась.

О д а р к а

Ні, ні, малюйте.

(Витирає очі).

Вже пройшло...

К а т я

(схоплюється і цілує Одарку).

Стривайте,

Тарас Григорович! Я побіжу
До нас нагору й принесу чогось:
Цукерків, яблук, пиріжків солодких,
У вас, я знаю, крім поганих кильок,
Анічогісіньки. Я вмить!

(Убігає, не причинивши дверей).

Ш е в ч е н к о

Дитя!

Ну, добре! Коли ти ще не втомилась,
Дозволь ще трохи.

(Береться до роботи).

В напіввідхилені двері спочатку заглядає, але зараз же і входить Якимаха. Це гладкий пан, дідич, в бекеші й смушквій шапці. Увійшовши, він одразу ж починає гучно й невимушено розмовляти.

Я к и м а х а

Драстуйте у хаті!

З неділею! Дозвольте привітати
Славетного народного співця
І кобзаря, борця за нашу неньку,
За Україну, славного Шевченка!
Я сам поет! І давній ваш поклонник.
«Кобзар» — напам'ять!

Світе тихий
Краю милий, моя Україно!
За що тебе сплюндровано,
За що, мамо, гинеш?

Дозвольте почоломкатись!

Ш е в ч е н к о

(розгублений підводиться).

Пробачте.

Я к и м а х а

Поміщик Якимаха.

(Одарка здригнулася і підвелась).

Дворянин.

Запеклий ліберал і патріот,
Вже двічі висилали з Петербурга.
Недавно сам полковник приїздив,
Просив, щоб тихше — каже, государ...

Ш е в ч е н к о

(роздратований).

Це все чудово... але зараз я
Працюю. Я художник.

Я к и м а х а

В цьому й річ!

Я ж друг мистецтва. І ось мені казав
Князь Кочубей, що він замовив вам
Чудовий твір — «Русалки на Дніпрі»,
І я хотів...

Шевченко

Картину лиш почато.

Якимаха

Я знаю це. Мені казала щойно
Мадам Кржисевич, що сьогодні ви
Прегарною натурницю знайшли
Для тих русалок.

(Дивиться в лорнет на Одарку).

Справді що гарненька!
Та ви знавець!

Шевченко

(стримуючись).

Пробачте, я не маю
Хвилини вільної...

Якимаха

Так, так — я на ходу...

(Проте сідає).

Я сам спішу, я тільки подивлюсь
На цю красуню.

(Схоплюється).

Але як же це!

Чого ж вона одягнута у вас!
Вона ж русалка, а русалки ж голі!
Це ж кожному відомо! Може, ви
Соромитесь мене — то прошу, прошу!
Хай роздягається — я ж сам артист.
Чи я дівчат не бачив голих.

Шевченко

(стримуючись).

Досить.

Розмову цю пора нам припинить.
Я зайнятий, і зовсім не русалок,
Мадонну я збираюсь малювать.
Тому мене пробачить прошу.

Я к и м а х а
(розгублений).

Як?
Мадонну з неї... теж для Кочубея?

Ш е в ч е н к о
Ні, лиш для себе.

Я к'и м а х а
Гм... Шкодá, шкодá...
Ну, добре. Але вас я теж попрошу,
Щоб ви її для мене змалювали,
Як голу німфу, чи якусь там фею,
Купальницю, русалку.

Ш е в ч е н к о
(гнівно).
Що таке!
Та як ви сміли!

Я к и м а х а
Я би заплатив
Карбованців... карбованців п'ятсот.

Ш е в ч е н к о
Та що, ви з глузду з'їхали!

Я к и м а х а
Що, мало?
Ну, тисячу...

Ш е в ч е н к о
(запалюючись).
Та хто дозволив вам!

Я к и м а х а
Дві тисячі!

Шевченко

Як сміли ви, кажу,
Цю дівчину зухвало ображати
Оцим безстыдним торгом?!

VI

Якимаха

Що таке?

Вбігає Катя з ошатним кошником з цукерками, яблуками, пиріжками і спиняється здивована на порозі.

Якимаха

Цю дівчину? Та ви дивак, їй-богу!
Її образити! Кріпачку!

(Регоче, потім до Одарки).

Ти чия?

Яких панів?

(Одарка мовчить і одвертається).

Ну, добре, я дізнаюсь!
Тоді згадаеш!

(Одарка зомліла і падає з стільця).

Шевченко

(скаженіючи).

Забирайся геть!

(Кидається на Якимаху).

Катя, впустивши кошик, біжить до Одарки. Яблука й цукерки посипались на підлогу.

Катя

(Якимасі).

Як сміли ви! Негідник! Зараз геть!

(Тупає ніжною).

Я к и м а х а

Ну й халепа! Й за кого! Із-за дівки,
Яка сама не варта тих грошей!

(Проте виходить).

Катя разом з Шевченком підводять Одарку.

К а т я

Одарко, люба! Заспокойся, годі.
Він вже пішов...

(Цілує її).

Ш е в ч е н к о

Ну годі-бо, сердешна...
Не плач, дитино... Ну, чого ж бо ти,
Тебе, дитя, в обиду не дамо...

О д а р к а

(в розпачі).

Та ви ж не чули! Він же Якимаха,
Це пан мого Івана... лютий пан!

Ш е в ч е н к о

Ось радість гармонійного мистецтва,
В якому мир і спокій для душі!

(Похилляє голову на руки).

З а в і с а

ДІЯ ДРУГА

«Марія»

Липень 1859 р.

Сад на хуторі Максимовича Михайлова гора в Прохорівці. Ліворуч веранда будинку, в глибині крізь дерева видно Дніпро. На авансцені, під гіллям величезного дуба, кругла лавка, що оперізує його стовбур.

Сонячний ранок.

I

На лавці сидять Шевченко і Марія Василівна Максимович, молода, дуже приваблива жінка з лагідним ласкавим обличчям, з тим виразом спокійної доброти і прихованої почуттєвості, що такі властиві для «чистого, нетронутого типу моєї землячки», як писав про неї Шевченко. Ніжні ямочки на щоках, лукавий трепет в куточках свіжих губ і ласкавий, але обережний скоса погляд великих очей і вся спокійна, сповнена гідності постава — роблять її справді чарівною. Вона щось гаптує, Шевченко сидить і читає вголос, тримаючи в руці кілька аркушків списаного паперу.

Шевченко

(читає).

О світе наш незаходимий!
О ти, пречистая в женах!
Благоуханний сельний крине!
В яких гаях, в яких ярах,
В яких незнаємих вертепах
Ти заховаєшся од спеки
Огнепаливої тії,
Що серце без огню розтопить

І без води прорве, потопить
Святії думоньки твої?
Де ти сховаєшся?

Перестає читати і схиляє голову, впустивши аркушики на землю.

·
М а р і я В а с и л і в н а
Ну, то чому ж спинились ви?

Ш е в ч е н к о

Ч о м у ?

Тому, що рій думок і мрій нахлинув
І я немов прокинувся від сну,
В якому десять довгих літ жахливих
Томився, як покладений в труну,
Далеко від моєї України...

(Підводиться).

І ось упало віко... Я воскрес
І бачу сонце... світ його привітний;
І дихаю повітрям і небес
Знов бачу купол осяйний, блакитний!
О Україно мила! Чи мене
Ти приймеш, люба... рідними сосцями
Чи напоїш вигнанця, чи вдихнеш
В безсиле серце негасиме плам'я!
Так, я на Україні, в ріднім краї
Серед гаїв далеких і полів,
Чи не Дніпро там в далині сіяє,
І чи не все як і було колись?
І чи не досить кинутись в життя,
Щоб стрінуть руку друга...

Боже, ні!

(Безсило опускається на лавку).

Минуло все.

(Похиляє голову на руки).

Пройшло без вороття...

М а р і я В а с и л і в н а

Ну, що це ви, ну, що це ви, Тарасе,
Чи можна ж так? Ну, ось моя рука.
Хіба вона не дружня?

Шевченко
(бере і цілує цю руку).

Так, прекрасна,
Але чужа... Бо поки я блукав
І поки я томився у неволі,
Позбавлений свободи, людських прав,
Всі радості, всі подарунки долі
Дістались іншим...

Я ж навек відстав
Навіки вбогим залишивсь в житті.

Марія Василівна
Та ні ж бо, ні... мій друже, мій святий.
Всі люблять вас.

Шевченко
Всі люблять! А хіба
Цих люблячих дала мені судьба?
Хіба не вас, прекрасну, чарівну,
Знайшов й забрав як подарунок долі
Старий ваш муж, неситий антиквар,
А я, убогий, не знайду ніколи
Такий, як ви, дорогоцінний дар,
І лиш тепер, коли ви вже в неволі,
Собі на горі палко покохав.

Марія Василівна
(лагідно).

Не треба, любий...

Шевченко
Цар життя відняв,
А решту розібрали добрі люди.
А всі шляхи, що йшли до щастя — всюди
Колючими тернами заросли...

Марія Василівна
Ну, годі, потерпіть, мій любий, трохи,
Розчистить хтось для вас нові путі,
І на кінці тернистої дороги
Ще прийде час вам радості знайти,
Й під явором завітчану княгиню,
Як ви мене просили...

Шевченко

(палко).

Хай загине

Дурна ця мрія! Лисому солдату
Не до лиця завітчані дівчата.
Пора про них забути... Тільки як?
Це значило б забути Україну...
Коли торік, немов квітучий мак,
В моїй майстерні хмурій на хвилину
З'явилась дівчина-землячка, то вона
Мов сонце України внесла в хату,
І восени настала враз весна.
Не думайте невірною — ні, кохати
Її не мав я права, бо Одарка
Закохана в такого ж кріпака,
Як і сама, але — біда тяжка —
У другого той пана — Якимахи,
Він ваш сусід...

Марія Василівна

І дурень. Наче Марко

Пекельний скрізь товчється і від страху
Кричить, що революція іде.

Шевченко

Хай дурень, але дурень цей є пан,
А від панів життя нема ніде.
На цю Одарку гнів його упав
І їй на злість її Івана здав
У рекрути, хоча він син вдови.

Марія Василівна

Який негідник лютий!

Шевченко

І коли

Нарешті я зібравсь на Україну,
Я обіцяв Одарці, що її
Івана я врятую від загину.

Марія Василівна

Ми зробим це!

Шевченко

То подвиг не малий —
Боротись з панством. Ось коли я сам
Знайшов собі нарешті шмат землі
Понад Дніпром, щоб оселитись там
Або хоч вмерти на Україні милій,
То наче клад — земля не йде до рук!
З усіх боків встають ворожі сили:
То ґрунт в опіці, то в від'їзді пан,
То землемір справляє десь весілля,
То документ важливий десь пропав,—
Так без кінця, — причина ж лиш єдина,—
Не хоче панство, щоб на Україні
Шевченко жив, возмездія пророк.

(По паузі).

Судьба жене пророків... і нехай
З тюрми, з кайданів вирвався я на волю,
Проте, хоч як притулку не шукай,
Все ж не знайду ніяк, ніде, ніколи,
Де б голову на старість міг схилить...

Марія Василівна

(зворушена).

Ну, що це ви, мій любий, потерпіть.

(Цілує його в голову).

Шевченко

(цілує їй руки).

Маріє, серце, о, якби ця мить
Спинилася і я був завжди з вами
На Україні милій.

Марія Василівна

Не спинять,

А цінувати треба мить щасливу...
Їх для життя збирайте бережливо,
Пишіть, малюйте.

Шевченко

Тільки вас весь час!

Марія Василівна
Нехай мене. А зараз із Марії
Знов почитайте.

Шевченко

Значить, теж про вас!

Марія Василівна
Як вам не сором!

Шевченко

Що ж, коли старії
Беруть в дружини молодих дівчат,
То будь вона свята Марія-діва
Чи іншая Марія — що ж мовчать?

Марія Василівна
(збентежена).

Та годі вам... Читайте лиш мерщій ви.

Шевченко

На чому ж ми спинилися. Ага.

(Читає).

Марія на його зирнула
І стрепенулась. Пригорнулась,
Неначе злякане дитя,
До Йосипа свого старого,
А потім гостя молодого...

II

З веранди тихо входить Максимович і деяку мить слухає.

Просила, ніби повела
Очима в кущу. Принесла
Води погожої з криниці
І молоко, і сир козлиці
Їм на вечерю подала.
Сама ж не їла й не пила,
В куточку мовчки прихилилась
Та дивувалася, дивилась.

І слухала, як молодий
Дивочний гість той говорив.
І словеса його святії
На серце падали Марії,
І серце мерзло і пеклось!
Во Іудей...

Максимович

(раптом гостро).

Досить! Годі!
Блюзнірство це! Дивуюсь я, Маріє,
Як ти могла дозволити таке...
Читати й слухать.

Шевченко

(підводиться).

Що ж — не в перший раз
Мені забороняють вільне слово
Й женуть із хати.

Максимович

Вас я не жену,
Тарас Григорович,— але щоб нас,
Щоб нашу думку, вірну чи дурну,
Всі поважали, треба, щоб і ми
Чужі думки й звичаї поважали.
З дитинства в нас, мов золоті скрижалі,
Марії образ чистий і святий,
А ви її позбавили святині
І обернули в дівчину земну.
І це я зву блюзнірством.

Шевченко

Навпаки!
Жінок, дівчат звичайних хочу нині
Піднести на таку височину,
Що досі лиш небесною звалась.
А я довести хочу, що жінки,
Земні жінки, в своїй святій любові,
Що до зірок небесних піднеслась,
На подвиги святі завжди готові.
І перед ними я схилю коліна,

Як перед вищим чудом на землі!
Прощайте!

(Йде до виходу з саду).

Марія Василівна

(біжить за ним).

Ні! Не будьте так жорстокі.
Ганьба тому, хто вижене пророка,
Ганьба тій хаті, ідучи з якої
Шевченко прах обтрусить з ніг своїх!
Спиніться! Заклинаю вас судьбою!
Пошаною до ваших сліз гірких!
Народом, правдою, жіночим серцем,
Що завжди вас...

Шевченко

(усміхаючись).

Закляття необорне,
І перед ним безсилий весь мій гнів.
Та я й не серджусь... Тільки до панів
Жорстокий я та лиш на кривду чорну
Готовий я завжди іти до герцю,
Моя голубко... А що мушу знов
Покинути прекрасну Україну
Й блукати цілий вік аж до загину,
То це мій шлях, яким я йду і йшов...
А виженуть сьогодні а чи завтра —
Різниця не велика.

Максимович

Друже мій!

Повірте, що моя до вас пошана
Така ж висока...

Шевченко

Як новий ваш чин?
Здається, ви вже «тайний».

Максимович

(наївно).

Поки ні,

Але надіюсь.

Шевченко

Помагай вам бог.
Тоді, напевно, доведеться в тайні
Тримать свої ризиковані зв'язки
Хоч би й зі мною.

Максимович

(повірих).

А хіба щось є?
Щось небезпечно? Ну, у вас все жарт...

Шевченко

Гай-гай, не все... Бувайте.

Марія Василівна

(тривожно).

Ви ж до нас

Ще прийдете?

Шевченко

(м'яко).

Хотів би назавжди,
Та, бачте, в рай нема таким дороги.
Прийду, прийду... Хоч гляну ще на вас.

(Виходить).

III

Марія Василівна знову береться до роботи. Максимович нервово ходить.

Максимович

Ні, справді-бо — від нього треба далі.
Ти надто вже необережна з ним.

Марія Василівна

Що це, наказ?

Максимович

Це не наказ, а просьба,
Це смішно, врешті. Що за преклоніння!

Гарячність, пафос, нібито на сцені!
І перед ким! Хто він такий?

Марія Василівна
(палко).

Шевченко!

Максимович
(розгублено).

Гм... гм... Шевченко... Звісно, це ім'я,
Але для тих, хто знає лиш «Кобзар»,
А не його живого...

Марія Василівна
(переконливо).

Бідні люди!
Як! Жити поряд з ним, в ті самі роки,
Топтати ту саму землю і не знати,
Не бачити, яка ж бо це людина,
Яка душа прозора й полум'яна,
Як голос цей до серця владно йде!

Максимович

Скажи, що ти закохана — і годі!

Марія Василівна

Закохана... А хто б не закохавсь,
Послухавши, як він співає.

Максимович
(несподівано).

Ну!

Хіба ж він так, хіба ж він так співав!
Послухала б його ти років десять
Або дванадцять... Боже, що за спів!
Ні в опері, ні в церкві, ні в концерті
Ніхто ніде такого не чував.
Тут не було мистецтва — лиш душа.
Всі плакали, коли він раптом пісню
Про явір зелененький починав,
Про зіроньку чи чумакову смерть...
Так... це був геній...

Марія Василівна

Бачиш!

Максимович

Ну, то що ж?

Поезія і правда не одне.
Хай він поет, але його всі вчинки
Ганебні вкрай. Він вештається скрізь,
По всіх шинках. Пиячить з мужиками,
Підбурює проти панів, царя
Й такі слова блюзнірські вимовляє,
Що волос дибом у людей встає!
І це в той час, коли за ним таємний
Влаштован нагляд! Жандари весь час
За ним полюють. Не сьогодні-завтра
Його ж бо схоплять! І напевно в нас!
От вам приємність!

Марія Василівна

Хтось до нас іде!

IV

Входить пан Якимаха, видимо збуджений і стривожений.

Максимович

Це Якимаха!

Марія Василівна

Ну! Про вовка мова!

Максимович

А, щоб його! Потрібний дуже...

Якимаха

(ще здалека).

Чули?

Чи чули, що ваш гість накоїв? Ну!
Бонжур, Мар'є Василівно! Бонжур!
Михайло Олександрович! Ну, й спека...
Да, знаєте, таких би я гостей
І на поріг...

Максимович

Та що таке?
Сідайте, прошу вас.

Якимаха

(сідає).

Як що таке? Скажений цей Шевченко...

Марія Василівна

Пробачте, пане Якимахо, я
Не можу допустити, щоб в нашім домі
Шевченка ображали.

Максимович

Справді, бо...

Хоча, звичайно...

Якимаха

Міль пардон, мадам!
Але ж терпіть не можна — ну, нехай
Образив він на ловах в Межиріччі
Якогось пана — це приватна справа,
Аж потім він у тому ж Межиріччі
На ярмарку відкрито закликав,
Щоб мужики панам не підкорялись,
Що скоро воля — це уже не жарт!
Це вже злочинство!

Максимович

Чув і я про це,

Але не вірю.

Якимаха

Липовий листок

Показував.

Максимович

Яке ж бо тут блюзнірство?

Якимаха

Казав в народі, що пречиста діва
Покриткою звичайною була,
І що Христос...

Максимович

Гм, гм, можливо,
Він це казав...

Якимаха

Ось бачите, який!
Та це б іще нічого! Баламутить
Моїх селян! Кричить на все село,
Що я не маю права віддавати
У рекрути Івана Смоляка —
Це ж неподобство!

Марія Василівна

Справді неподобство!
Бо він удовиченко!

Якимаха

Що ж з того!

Марія Василівна

І робите ви це на злість Шевченку,
На злість Одарці, на яку за щось
Розсердились і хочете помститись —
Як це не гідно!

Якимаха

(підводиться).

Бачу я, що тут
Захисники й поклонники Шевченка,
А надто дами.

Максимович

Пане Якимахо!

Не вадило б вам краще про свої
Подбати вчинки. Знаю я, чому
Розлютувались ви на ту Одарку —
За те, що не схотів її поет
Намалювать вам голу, хоч за це
Дві тисячі йому...

Марія Василівна

Та що ти кажеш!
Ось благородний вчинок!

Максимович

Потім ви

Її купить хотіли, тільки князь
Не згодився.

Якимаха

(кричить).

Це все брехня Шевченка!
Він скрізь! Він скрізь поширює брехню
І наклепи на благородне панство,
Селян бунтує і по всіх шинках
Панів одверто закликає різати!
Цього не досить! Заходився він
Тут оселитись. Господи спаси!
Вже й ґрунт обрав поблизу Пекарів,
Вже й землеміра викликав, та ба!
Спасибі, пан Парчевський схаменувся
І зрозумів, що значить оселити
На цих ґрунтах такого бунтаря,
Що всіх селян на панство поведе.

За сценою галас і шум юрби.

То він листа у Київ написав
До генерал... Стривайте... що таке...

(Переляканий).

Що це за шум... за галас... Що таке?

V

Входить видимо стривожений прикажчик.

Прикажчик

Дозвольте вам доповісти, Михайло
Олелькович! — Якісь селяни раптом
Прийшли на двір...

Максимович

Які селяни? Скільки?

Прикажчик

Та цілою юрбою.

Максимович

Звідки? Наші?

Приказчик

Ні, з різних сіл — чимало, мабуть, їхніх
(вказує на Якимаха).

А то з Миронівки, Рожівки, Вороб'ївки,
Багато звідки.

Якимаха

(вкрай переляканий).

Це ж одвертий бунт!

Максимович

Чого їм треба?

Якимаха

Слухай-но, Якиме,
Скажи, щоб хтось негайно поскакав
До станового і привіз сюди!
А де моя коляска?

Приказчик

Та її

Вже розпрягли, а коней я не бачив.

Якимаха

Як розпрягли? А де Юхим? Де кучер?

Приказчик

Та хто їх знає...

Шум натовпу ближче.

Якимаха

Караул! Біда!

Це змова! Бунт! Вони ідуть до мене!
Куди сховатись?

(Метушиться).

Максимович
Та стривайте ж бо!
Чи можна ж так.
Марія Василівна
Нам соромно за вас...
Якимаха
Ісправника! Жандармів! Станового!
Максимович
Та перестаньте.

VI

Входять трое-четверо статечних селян.
Якимаха
(*верещить*).
Не пускайте їх!
1-й селянин
Добрідень, пане, добрий день вам, пані!
(*Уклоняється*).
Інші селяни
Добрідень, пане, добрий день вам, пані.
Перший
Дозвольте нам од всіх селян спитать,
Чи можемо побачити ми зараз...
Якимаха
(*ховаючись за Максимовича*).
Кажіть, що ні! Мене нема!
Максимович
Кого?
Кого вам треба?

Перший

Треба нам Шевченка.

Другий

Еге, Шевченка!

Третій

Рідного... Тараса
Григоровича, батька всіх селян.

Максимович

Аж ось кого!

Селяни

Еге, еге, його!

Раптом чути чудовий чоловічий голос, який співає українську пісню «Ой зійди, зійди, зіронька та вечірняя». Коли він скінчив, сильний шум і вигуки: «Тарас! Тарас! Тарас наш рідний батько! Бувай здоров!»

VII

Входить Шевченко, оточений юрбою селян

Шевченко

Здорові, козаки!

Чого це ви зібрались, наче в церкві?

1-й селянин

Тебе прийшли побачити, наш батько!

Усі

Тебе, тебе! Надія лиш на тебе!
На тебе лиш надія, сокіл наш!

Шевченко

Спасибі вам, товариші брати!
За вашу ласку, за довіру вашу,
За щире серце, земляки мої.

(Обходить натовп і тисне всім руки).

І знаю сам, про що питать прийшли...
Мабуть, про волю?

Вигуки

Так! Про волю! Волю!
Чи буде воля? Де вона! Чи скоро!
Чи довго нам терпіти! Хто її
Затримує, ту волю!

Якимаха

Бачте... бунт!

Він бунтівник.

Один з селян могутнього вигляду наближається до Якимахи.

А ти чого, Іудо,
Недолюдок плюгавий! Я ж тебе!
(Жест).

Шевченко

(владно).

Не руште гада! Не поганьте рук.

Якимаха

Ви чуєте! Ви чуєте — мене
Образив він прилюдно. Закликав
На мене хлопів! Жандарів мерщій!
Ви свідками...

Шевченко

(через плече з зневагою до Якимахи).

Мовчи вже краще, дурню...
Артист паскудний, щирий патріот!
Що на селі як кнур скажений піну
Пускає з рила та псує дівчат!
Стривай, негідник! Краще утікай,
Бо вже тобі недовго панувати,
А як об'являть волю, то тебе
Повісять враз на першому суку!

Радісний гул селян
Еге, еге! Коли б скоріш! Коли б!

Я к и м а х а
(оскаженівши).

Він гайдамака! Заклик до повстання!
Ви теж за нього! Зараз їду в Київ
До генерал...

Ш е в ч е н к о

Під три чорти! Скажи,
Що склали вже на тебе протокола
За тих дівчат, що витягли з ставка,
За Смоляка, що втік... Тікай
(Якимаха тікає).

Та не втечеш від присуду народу...
І не сховаєшся ніде од правди мсти.
Так, друзі, воля йде, вона вже близько!
Але панам невігідна вона.
Та й цар дає її, згнітивши серце,
Не з ласки-бо,— неволею дає.
Бо як не дасть, то люди візьмуть самі.
Оце вам треба добре пам'ятати.
Не вірити брехливим обіщанкам,
Триматись дружно, головна це річ,
Не пристають на волю без землі!
Бо це одна облуда, а коли
Побачите, що волю хочуть вкрасти,
Тоді гостріть сокири і не ждїть
Вже більше ласки.

П р и к а ж ч и к
(вбігає).

Становий!

Ш е в ч е н к о
(перекрикує).

А силою беріть!

П р и к а ж ч и к

Десяцькі, соцькі! Становий Добржинський!
Всі йдуть сюди!

Ш е в ч е н к о

Ну що ж — нехай ідуть,
Розходьтесь, браття!

Максимович

Так — ідіть у двір.

(До Шевченка).

Ну, що це ти! Хіба ж так можна? Жах!

(Проте ніхто не рухається).

VIII

Входять становий Добржинський та інші поліцаї. Рух і гомін в натовпі. Максимович і Марія Василівна підходять до Шевченка.

Добржинський

Хто тут Тарас Шевченко?

Шевченко

Я.

Добржинський

Я мушу

Арештувати вас. Ідіть зі мною.

Рух. Гомін.

Шевченко

Яка підстава?

Добржинський

Ордер на арешт

Від вищого начальства. Прошу вас

Пробачити мене, пан Максимович.

Скажіть лише, чого тут ці селяни?

Шевченко

Вони прийшли зі мною.

(До селян).

Прошу вас

Негайно розійтись, бо тільки шкоди

Ви можете завдати цим мені.

Селяни

Бувайте здоровенькі, наш Тарасе.
Прощайте, батьку! Приїздіть до нас!
Спасибі, батьку!

Шевченко

Прощавайте, друзі!

Селяни

Живи, наш батьку!
 Ти заступник наш!
Прощай, наш рідний!
 Ти все знаєш, чуєш!
Ти кожну думку вмієш зрозуміть.

Шевченко

Спасибі, друзі... Та не легко це
За все боліти... думкою обнять...
Нема в людини крил, а на землі...
 А на землі лиш горе,
Бо на їй, широкій, куточка нема
Тому, хто все знає, тому, хто все чує,
Його на сім світі ніхто не прийма.

Марія Василівна

(кидається до Шевченка).

Тарасе, любий! Друже наш єдиний,
Невже ж немає правди на землі!
(Плаче, припавши на його груди).

Шевченко

Не бійся, люба... Правда оживе,
Натхне, накличе, нажене
Не ветхее, не древле слово,
Розтленнее, а слово нове
Між людьми криком пронесе
І люд окрадений спасе.
І на оновленій землі
Врага не буде супостата,
А буде син і буде мати,
І буде правда на землі!

Завіса.

ДІЯ ТРЕТЯ

«Чаша сія»

Осінь 1859 р.

Знову майстерня Шевченка в Академії в Петербурзі. Вечір. В темній кімнаті нікого нема. За вікнами дощ і осіння негода.

I

Входить Шевченко в виблискуючому від дощу плащі, з пакунком в руці. Він запалює на столі одну свічку, тоді знімає і струшує плащ, вішає його на стіну.

Шевченко

І знову та ж незамкнена тюрма,
Знов Петербург, який мене задушить
В похмурих стінах, в дощовій імлі...
А Україна, рідна, промениста,
Лишається недосяжна, як мрія.
Запретний рай, з якого знов женуть...
Та ні! Не кину, поки жив, боротись
За рідне місце над старим Дніпром!

(Бачить лист на столі).

Га! Лист нарешті! Може, хоч тепер
Всміхнеться доля!

(Розпечатує, читає листа).

Знов не те, не те!

І сам не бачив місця... та й село
На лівому, виходить, березу...
Такого ґрунту й за копу не хочу.
Знов незадача! І в котрий це раз!

(Бгає листа).

А я ж так мало, небагато
Благав у бога — тільки хату,
Щоб з неї вдвох дивитися на гори,
На Дніпр широкий, на яри
Та на лани золотополі...
Але ж... і цього не дають...

(Сідає в крісло, похиливши голову на руку).

О, де ти, небо радісне України...
Блакитні далі, гомінкі гаї!
Невже я вас ніколи не побачу,
Загину тут в оцій вогкій норі...
Ні, ні,— скоріш на волю! Світла, світла!
Ліпити скрізь свічки! Щоб тьму прогнать,
Яка *(вставляє скрізь свічки по свічниках)*...
Яка мене вже душить...

(Рве комір).

Світла!

II

Стук у двері і голос:

Можна?

Двері відхилиються, і вбігає Катя Толстая. Вона в ошатній
сукні, поверх якої накинута шубка.

Шевченко

(схоплюється).

Катруся! Серце! Горлице моя!
Сідайте, любачу...

К а т я

Я ж бо на хвилинку.

Ходім до нас — ось лист вам — од матусі.

Шевченко

(сумно).

Не можу, серце... в голові туман...
Я ж тільки тиждень з Києва.

Катя

(жваво).

Ну, як же вас приймали на Україні?
Ну, як!

Шевченко

(усміхаючись).

Приймали добре — навіть не хотіли
Пускати звідти — під арешт взяли...

Катя

(сплеснула руками).

Та що ви кажете! Тарасе, любий!
Сердешний мій! То як же ви втекли?

Шевченко

Самі пустили. Бо злякався князь
Васильчиков, що в Києві не стане
Сметани й сала годувать мене.

Катя

(сміється).

Ви кажете! А я, дурна, сиджу
І слухаю. Ну, годі-бо, ходім,
Ходім мерщій!

Шевченко

(серйозно).

Ні, серденько, серйозно,
Ніяк не можу. Дякуйте графіні.
Нездужаю...

Катя

Що з вами?

Шевченко

Мабуть, старість.

Катя

Хто? Ви старий? Чи бачили старого?
Та скільки вам? А чи відомо вам,
Що мій папа аж в п'ятдесят п'ять років
Побрався з мамою, і досі хоч куди!

Шевченко

(розчулений).

Ах, ви, дитино! Пташка ви небесна...
Ні, друже мій... Не зможу...

Катя

От біда...

Недобрий ви... Ну, що ж — тоді я вам
Пришлю тістечок, торту...

Шевченко

Краще рому.

Катя

(свариться пальчиком).

Ба ні! Цього не можна!

Шевченко

Це я в жарт!

Катя

Дивіться! Ну, бувайте здоровенькі!
Приходьте завтра!

(Швидко цілує, немов клює його в чоло, і вибігає).

III

Шевченко

Добре. Всім привіт.

(По паузі).

Яке дитя чудесне...

І хіба

Я б сам не міг таку дитину мати?
Таке дівча принадне... Та й тепер...

(Підводиться).

Хіба тепер утрачена надія?
Від почуття хіба не молодіє
Жива душа? Аж в п'ятдесят п'ять літ
Її отець удруге оженився,
Мені ж лиш сорок п'ять... Невже зав'язан світ?
А Максимович! Світ йому відкрився
На старості — дівча як маків цвіт
Він взяв собі, неситий антиквар...
Чого ж мені заказаний цей дар,
Чудовий дар любові і життя?
Чому мені немає вороття
На шлях звичайний радостей людських,
Хай надвечірніх, але чистих втіх...
Чому тепер, коли життєву путь
Пройшов я чесно й сміло по тернах,
Замкну себе в похмурих цих стінах,
Куди боїться сонце зазирнуть...
Та чи не сам я відштовхнув від себе
І радість і безхмарне, синє небо...

IV

Стук у двері.

Хто там такий? Заходьте!

Входить Куліш.

Га, ти дома!

Шевченко

Дивуєшся?

Куліш

Дивуюсь, бо тобі
Сидіть в хурдизі знову річ знайома.
Не каєшся?

Шевченко

Не каюсь — в боротьбі
Не каються, а гинуть, як несила.

Куліш

Не маєш права гинути, коли
Тобі Україна прапор свій вручила.
Чого ж дозволив, щоб тебе вели
Чужі на бій за прапори чужії,—
Оті всі Чернишевські, Добролюби,
Всі, що в петлю свою готують шию!
І ти туди? І ти за них на згубу?

Шевченко

Піду на смерть за їхні прапори,
Бо не чужий нам рух визвольний руський.
За нього кращі бились в Декабрі
На площаді Сенатській. Ми ж на вузькій
Лишимся стежці, що на хутір йде?

Куліш

З твоєї ж площі шлях один — в Сибір,
Якщо не в зашморг. І тебе це жде.
Прощай, опам'ятайся.

Шевченко

Бачить зір
Мій трохи далі. В спільній боротьбі
Всіх демократів доб'ємось ми волі!

Куліш

У боротьбі? Проти кого? Царя?

Шевченко

Царя й панів.

Куліш

Чи не казав тобі,
Що цар за нас, письменників. Ніколи
Проти нього я не піду.

Шевченко

Ну, що ж,

Ти шлях обрав — не жди ж бо, щоб зоря
Тобі зійшла «пленительного счастья»
І щоб твоє накреслили ім'я
Потомки на уламках самовластя.

Куліш

Прощай, безумче!

Шевченко

Не безумець я,
Бо бачу я ясну України долю,—
А ти лиш хутір свій.

Куліш

Не ти б казав!
Хіба не ти про власний хутір мрієш,
На береги Дніпра летять твої надії.

(Виходить, грюкнувши дверима).

v

Шевченко

(в гніві).

Спокусник клятий! На яку заграв!
Вразить мене не міг би він сильніше...
Але це гра... порожня гра, що пише
Самі слова,— а мислі в них не ті...
Адже ж ладен він в хутір обернути
Всю Україну, я ж хотів знайти
Собі садок маленький м'яти-рути,
Маленьку долю на своїй путі...
Невже все — подвиг, каторга, Сибір...
Все для других... а що собі... собі?
Не зрада це — садок вишневий, хата,
Дитячі теплі, ніжні рученята,
Що тягнуться тобі до борода...
Готовий я ще раз свій хрест підняти,
На ешафот без трепету зійти,
Але тепер цю чашу одведи
Від спраглих уст моїх, всесильна доле!
Я хочу жити, хочу, щоб мене

Знов обняли дівочі руки голі
І хай любов утому прожене...

(По паузі).

Так, годі суму!

Жити, в молоді
Дивитись очі, уст шукать палких...
Але ж ти сам їх відштовхнув тоді,
Коли б ще мить — і ти б припав до них!
Вернися, мить, вернись, ця мить... Маріє!
О, як би я тепер її обняв...
Але даремно... Марна то надія...
Її немає в місті... я б віддав
Усе на світі, щоб тепер її
Побачити...

Стук у двері, і зараз же входить Кр ж и с е в и ч.

Кр ж и с е в и ч

(з усмішкою).

Дозволено мені?

Ш е в ч е н к о

(вражений вкрай).

Маріє! Ви! Це навождення... чари!
В цю саму мить мій дух до вас летів.

Кр ж и с е в и ч

(весело).

І я прийшла... Жива, а не примара...
Дивіться ось... Не з неба, а з землі...

(Крутиться по кімнаті).

Ось бачите — це ручка.

(Дає йому поцілувати, він ледве торкається губами).

Ніжка...

Ш е в ч е н к о

(хмуро).

Та,

Що цілував Громека при мені?

К р ж и с е в и ч

Ревнуєте? Ніхто в мої літа
Приймать лицяння ще не боронив.
І взагалі прийшла я не для того,
Щоб слухати докори. Я прийшла
За'вами від Толстих — наказ вам строгий
До них іти — стряхніть-бо сум з чола
І йдіть зі мною...

Ш е в ч е н к о

(про себе).

О, якби була
Вона такою, як з'являлась в мрії,
Коли її я палко закликав...

К р ж и с е в и ч

Що ж мовчите? Прокиньтесь!

Ш е в ч е н к о

Маріє!

Ви чи не ви? Ні, мабуть, не зумію
Вернути мить, яку вже час умчав...
А з нею вас, ласкаву, чарівну...

К р ж и с е в и ч

Та що це ви? Прокиньтесь од сну,
Чи в темряві мене ви не пізнали?
Ну, то дивіться! Хай горять свічки!
Іх тут багато.

(Запалює свічки).

І нема печалі.

Де музика, де світло, де жінки,
Там радість, вгамування там бажань.
Ходім — тепер пізнали?

Ш е в ч е н к о

(з сумом).

Ні... чужа...

Так... ви чужа... Не та, кого я ждав
З таким поривом, мукою такою...
Так, ви прекрасна, але ви не та...

О, де ти, дівчино, ласкава і свята,
Яка мене колись поцілувала,
Коли я плакав, скривджений людьми,
Тоді мені так любо, любо стало,
Немов для мене сонечко засяло,
І цілий світ зробився раптом мій...

К р ж и с е в и ч

Прощайте!.. Годі! Я вже зрозуміла,
Чому я раптом стала вам чужа...
Одарка вам, мабуть, і досі мила,
Селянська дівка.

Ш е в ч е н к о

Й вам було не жаль,
Коли на це беззахисне дівча
Ви нацькували злого кабана,
Який на неї полювать почав.
Коли ж йому не піддалась вона,
В солдати здав її він жениха!
А він утік...

К р ж и с е в и ч

Прощайте, в цім гріха
Нема за мною — вся вина моя
Лиш в тім, що пані — не кріпачка я!
Тому й чужа...

(Виходить, не причинивши дверей).

VI

Ш е в ч е н к о

(один).

І ця чужа... хто ж рідний?
До кого серце притулю своє?
З ким розділю свою я долю бідну,
Чи вже нема... немає в мене долі?
(Йде до дверей з болісним вигуком).

Усі чужі! Хто ж рідний?!

Чернишевський
(з'являється в дверях).

Рідний хто?
Знедолені і ті, що у неволі.

Шевченко
(гаряче тисне йому руки).

Спасибі ж вам! Коли я під хрестом
Своїм здригнувся і хотів пощади,
Вдихнули ви одвагу — і від зради
На чесний шлях вернули...

Чернишевський
Шлях борця...
Тернистий шлях пророка... демократа.
Так, друже, треба мужності багато,
Щоб ним пройти без страху до кінця.

Шевченко
Так... я здригнувся... може, лиш на мить,
Але ця мить жахливою була,
Мить слабкості. Коли я став просить
Свою судьбу, щоб повз мене пройшла
Гірка ця чаша...

(Сідає).

Чернишевський
(ходить).

Чую думку вашу.
Але яка ж це слабкість, коли ви
Усе життя пили страждання чашу
Й ні перед ким не гнули голови.

Шевченко
Не подвиг це — я знов кажу вам широко —
Ненависть це до проклятих панів,
З якими в нас нема й не буде миру,
І до кінця моїх мандрівних днів
Я не знайду притулку і спокою
Я зараз це глибоко зрозумів!

Чернишевський

На жаль, це так. Ми з вами лиш для бою,
А не для щастя послані в народ.
Повинні ми готові бути завжди,
Віддати все за волю і за правду,
Піти в Сибір, в тюрму, на ешафот.
І коли я хотів свою судьбу
З'єднати з тою, що мене кохала,
Я чесно їй сказав, щоб не чекала
Зі мною щастя, що на боротьбу
Пішов я смертну і що в кожну мить
Ії зі мною можуть розлучить.

Шевченко

І що ж вона?

Чернишевський

(усміхаючись).

Не вам мене питати —
Хто показав, на що спроможна мати
І дівчина, що любить серцем всім...

Шевченко

Спасибі вам, мене ви воскресили,
І я клянусь,— віддам останні сили
На боротьбу з насильством віковим!

VII

Стук у двері.

Чернишевський

Хтось стукає.

Шевченко

.Це вітер.

Чернишевський

(прислухаючись).

Ні,— людина.

Шевченко
(відхилляє двері).

Хто тут? Заходьте. Боже мій, це ти!
Одарко! Люба! Бідная дитино!

Входить, хитаючись і тримаючись за стіни, Одарка. Вона в звичайному українському вбранні, але забризкана дощем, розпатлана, внесилена. Мабуть, вона довго бігла по вулицях, поки прийшла сюди.

Шевченко
Що сталося? Сідай... Ти вся тремтиш.

Одарка
Ой боже ж мій... Іван... його схопили!
Рятуйте, допоможіть!..

Шевченко
Та хто схопив?

Одарка
(плаче).

Він втік тоді... ще влітку... Боже милий!
Блукав десь потім... А оце прийшов
Сюди у Пітер... десь таємно жив,
Десь працював... тікав, ховався знов,
За ним вганяли — й раптом в нас зловили,
Скували руки! Боже! Повели...
Півголого, скривавленого, били!

(Падає непритомна).

Шевченко
(пробує привести її до свідомості).
Одарко, люба! Заспокойсь, дитино,
Ми зараз розшукаємо, де він.

Чернишевський
Хто він такий? І звідки втік?

Шевченко
Злочинно
Його поміщик в рекрути віддав,
Він син вдови.

Чернишевський

Стривайте! Я згадав,
Є постанова.— Зараз не здавати
Поміщикам своїх селян в солдати
Без дозволу комісії.— Ходім.

Шевченко

Ходім мершій! А як же залишить
Її саму? Адже ж вона зомліла.

Одарка

(очуняла).

Іване мій! Верніть його, верніть!

VIII

Двері відчиняються навстіж і вбігає Катя, за якою лакей несе велику тацю з ласошами й вином.

Катя

Ну, ось і я...

(Бачить Одарку, кидається до неї).

Ой боже! Даша, мила!

(До слуги).

Візьми і на канапу поклади.

Одарку кладуть на канапу.

Шевченко

Спасибі, Катре, що прийшла сюди...

Вона слаба ще, прошу посидіть

Ви з нею тут... Ми ж мусимо іти

Її Івана виручать з біди.

Скажіть їй це і відвезіть додому.

Одарка

Спасибі ж вам як рідному... святому.

(Тягнеться до нього, простягнувши руки, немов дитина).

Нагніться, батьку.

(Шевченко нагинається, вона, закинувши руки йому на шию, гаряче цілує).

Шевченко

Люба, рідна доня.

(Витирає сльози на очах).

Бувай здорова, заспокойся, жди!

Чернишевський

Ось наші рідні!

Шевченко

(одягає плащ).

І за їхню долю

Всі наші сили, все життя! Ходім!

(Виходять).

Завіса падає

ДІЯ ЧЕТВЕРТА

«Вінок»

1860 рік

Сквер на Васильєвському острові в Петербурзі, біля набережної Неву, недалеко від Академії художеств. Ранній вересневий вечір

Шевченко в плащі і капелюсі сидить на лавці майже безлюдного скверу і дивиться в глибокій задумливості на Неву, на жовте листя, що падає. Чути далеку музику духового оркестру.

I

Шевченко

І знову осінь... Цілий рік минув,
А воля все ж далека, як зірниця.
Нема надії... мов в вікні в'язниці,
Її даремно промінь промайнув.
Немає друга... та, до кого руки
З таким поривом чистим я простяг,
Лиш насміялась з мене на очах...
І знов самотність... розпач, злії муки...
А браття все в неволі... а зима
Вже холодом повіяла недолі...
Невже весна не вернеться ніколи...
А хати і дружини все нема...

На доріжках скверу з'являється Чернишевський. Він бачить Шевченка і, вітаючи його ще здалека, підходить.

Чернишевський

Я був у вас, і там мені сказали,
Що ви десь тут.

Шевченко

(тисне руку Чернишевському).

Спасибі, що зайшли.
Сідайте, друже. Так, тепер я мало
Буваю дома... Тисне там мене,
А злая доля звідусіль жене
І не дає притулку на землі.

Чернишевський

Так, це уділ борця і демократа
Життя прожити з посохом в руках...
Ви ж знаєте, який пророка шлях.

(По паузі).

Я чув, що ви зазнали знову втрати
В своїх шуканнях дружньої руки.
Не треба суму.

Шевченко

Келих цей гіркий
Я п'ю не вперше... Але біль без краю
В душі тому, що зрадила тепер
Вже не чужа, а рідна, і така ж,
Як я, селянка.

Чернишевський

Так, я чув — Ликера
Макарівна, кріпачка, покоївка.

Шевченко

І як же насміялася ця дівка
З моїх найкращих, чистих почуттів...

Чернишевський

Я чув і це... але, пробачте, гнів
Вам не дає тут правильно судити —
Ні, не її — картайте тих панів,
Що без пуття, без догляду, освіти
Везуть дівчат з села в столичну муть,
Де їх за рік розбестять і зведуть.

Шевченко

Гай-гай, це правда... О, коли б хоч та
Прийшла мерщій злиденна царська воля.
Дивіться — ось отримав я листа
Новицького — не хоче дати поля
Моїм братам Фльорковський, лиш садибу
Дає за гроші цей проклятий лях!
О, бестія хитрюща!

Чернишевський

Спільний шлях

У всіх панів — невже чекать могли би
Від пана українця кращих дій?
Не нація, а інтереси спільні
Судьбу людей гуртують на землі.
І скрізь пани, де мужики невольні,
І рабство там.

Шевченко

(палко).

Не тільки на селі.
Це рабство скрізь, де є закон звірячий,
Де пан царить і де убогий плаче.

II

Повз них проходить А н ю т а, молоденька дівчина, з скляним великим глеком в руці. Вона несміливо вклоняється Шевченкові.

Шевченко

(підзиває дівчину).

Анюто! Драстуй! Підійди сюди!
(Дівчина підходить).

Ось бачите... вона хоч не кріпачка,
Проте й не вільна... в злиднях і біді...

(Жалує її по голівці).

По пиво знов для пана? Йї знов роззута?
Де ж черевики?

Анюта

Відібрав хазяїн...

Шевченко

А плакала чого?

Анюта

Згадала маму,
Її могилку бідну і забуту
І домок наш колишній на Пісках.

Шевченко

(Чернишевському).

Цей домок відтягав у них цей каїн,
Отой кравець, в якого в наймичках
Вона живе безправна, мов раба...
Йди, Анюто...

III

Анюта йде ліворуч.

Бідная дитина.

Я помагаю часом їй — та ба —
Хазяїн одбирає все, що цінне...
Учу її потроху.

Чернишевський

Так, до всіх

Знедолених у вас душа прихильна,
Згадайте лиш Одарку, чий жених
Потрапив у тюрму.

Шевченко

Тепер він вільний.

Цього не я, а ви добились, друже.
А втім, його купив Одарчин пан,
Бо столяр він чудовий і одружить
З Одаркою, з'єднавши їх талан.
Вона уже приходила до мене
І дякувала щиро, гаряче.

Чернишевський

А знаєте, чому пани ласкаві?

Шевченко

Звичайно, знаю — скрізь панів пече,
І Якимаха чує — не втече
Від помсти і народної розправи.
Ще трохи — й спалахне селянський рух
І пролетить живлючою грозою
Над нашою державою гнилою,
Щоб вимести царів та їхніх слуг!

Чернишевський

А далі що? Пани знов візьмуть владу,
І що не пан, то буде той же цар.
Селян же знов придушуть і обкрадуть.
Ні,— не такий потрібен тут пожар.
З корінням треба знищить давній лад,
Щоб не було ні панства, ні царят.
Селянська ж революція сама
Стихийна і безсила і дарма
Лиш прогримить, її ж потрібну силу
На правильне річище скерувать
І указать до перемоги путь —
На це спроможний лиш робочий клас,
Що розуміє і мету і суть.

IV

Входить Кржижевич під руку з Енгельгардтом. Побачивши Шевченка, вони підходять до нього. Чернишевський підводиться, прощається з Шевченком і виходить.

Енгельгардт

(тисне руку Шевченкові).

Тарас Григорович! Вітаю широко вас,
Сердечно радий новину приємну
Сказати вам зараз — щойно сам пізнав.
Вам присудив учений наш конклав
Високе академіка звання,
І радий я вітати вас душевно.

Шевченко

Що ви сказали! Як! Із заслання
Та в академіки! Невже прийняти
З тих самих рук цю ласку, що мені
Колись заборонили малювати
І десять літ життя відняли!

Ні!

Енгельгардт

Тут ви не праві! Це звання дає
Вам сам народ, що зараз визнає
І правоту, і геній ваш, і труд,
Історії в цих лаврах правий суд!

Кржисевич

Так, так — це правда! Всі шанують вас,
І ми прийдем в торжественний цей час
В академічну залу осяйну,
Де вам вінок лавровий піднесуть
Під оплески і музику гучну!

Шевченко

(підводить схилену голову).

Ну що ж, нехай! Нехай мені кладуть
Вінок лавровий, терном перевитий,
На бідну лису голову мою!
На знак звитяги над життям прожитим
І стародавні греки возлагали
Такі вінки на голови мерців.

Енгельгардт

А це вже не до речі пригадали,
Тарас Григорович, перо в руці
Тримаєте ви міцно і не раз
Новим шедевром вradуєте нас.

Шевченко

Так чи не так, але своє життя
Прожив я чесно й не тікав від бою,
Не мав зерна неправди за собою,
І через терн до лаврів все ж достиг.

Е н г е л ь г а р д т

Хвала за це вам вічна знаменита,
Бувайте лиш здорові і міцні.

(Тисне Шевченкові руку).

К р ж и с е в и ч

Ви вже ідете — вибачте мені,
З Шевченком мушу я поговорити.

Е н г е л ь г а р д т

Гаразд, у вас я буду незабаром.
Та поспішайте — бачте, суне хмара.

(Виходить).

v

А н ю т а повертається з повнісіньким глеком пива.

К р ж и с е в и ч

Дозвольте сісти поруч?

(Сідає на лавочку).

Ш е в ч е н к о

(не сідає).

Місце вільче,

Але про що ми можемо говорити?
Все сказано...

К р ж и с е в и ч

(з ласкавим докором)

За що так неприхильно
Ви ставитесь до мене? Що, скажіть,
Я вам зробила злого, що мене
Цураєтесь ви вперто? Лиш одне
У вас до мене ставлення — «чужа»!
Чужа і досі... а чи знали ви,
Що ця «чужа» давно вас полюбила
І що ніхто так палко не бажав

Збудити в вас нові, ще кращі сили,
Щоб ви пізнали радості нові?
За що ж таку відкинули любов?
Невже за те, що в мене панська кров,
Яку ви скрізь собачою ганьбили!
Не сором вам!

Шевченко

(хмуро).

Не сором...

Кржисевич

Хай чужа...

Собача хай... А хто ж вас побажав?
Чи покохала вас своя? Селянка?
Знайшли любов в своїй ви, рідній сфері?
І хто ж тоді обраниця, жаданка?
Прийшла до вас Харитя чи Ликера?
Ликера надто! Чим відповісти
Зуміла вам Лаура ця новітня?
Тим, що шукала проби на хресті,
Що ви подарували? Ваші квіти
На смітник кинула й пішла гулять
З брудним лакеєм.

Шевченко

(в гніві).

Замовчіть! Не вам,
Не вам кидать каміння в тих дівчат,
Яких самі ви кинули до ям,
До ям розпусти, глуму і брехні!
Чого в столиці вчилися в вас вони?
Кокетства, ліні, пліток, залицяння,
Бо навіть грамоти не вчили їх пани,
То не дивуйтесь, що без виховання,
Без догляду потрапили в цей вир,
Вони втрачають розум, совість, цноту
І створюють собі брудний кумир
З усіх пороків панського болота!
Прощайте, пані...

Раптом чути дзвін розбитого посуду і зараз же дівочий крик і плач.
Тимчасом стемніло і знявся вітер.

Кр ж и с е в и ч
Що таке! Стемніло.

Ш е в ч е н к о
(*стурбований*).

Та це ж вона! Її хтось скривдив, певно!
(*Біжить на голос*).

Кр ж и с е в и ч
(*схопившись рукою за капелюшок*).
Куди він втік! О боже, все даремно!
Знялася буря...

Ш е в ч е н к о вертається, ведучи за руку А н ю т у з розбитим глеком в руці. Вона плаче.

Ш е в ч е н к о
Годі, любя, мила,
Не плач, Анюто!

А н ю т а
Він мене уб'є!
Це ж дорога карафка кришталева.
Хазяїн з неї завжди пиво п'є...
Подумать страшно... Коли з вишневим
Варенням слойку упустила раз,
Він бив мене до крові... Що ж тепер...
(*В розпачі*).

Ні, краще утоплюся!
(*Поривається бігти*).

Ш е в ч е н к о
(*затримує її*).

Ще не час
Тобі з життям прощатися, дитя!

К р ж и с е в и ч

Та що таке? Хто дівчина ця бідна?

Ш е в ч е н к о

Ви ж чуєте, яке її життя!
Вона сирітка, без житла, без рідних,
Хазяїн б'є, знущається, нема
Куди їй дігись...

А н ю т а

(виривається).

В річку, тільки в річку!

Ш е в ч е н к о

Немов в пустелі... скрізь чужі, тюрма,
Не можу ж я її до себе взяти...
Як взяв би хтось бездомну хвору птичку,
Во́на ж не пташка... дівчина без хати.

К р ж и с е в и ч

Стривайте! Я згадала! Є у нас
Сім'я знайома, що хотіла б мати
Таке дівча для послуг і шиття.
Ти вмієш шити?

А н ю т а

Вмію.

К р ж и с е в и ч

Ну, й гаразд!

Ходім зі мною.

Ш е в ч е н к о

(зворушений).

Вам на все життя
За це я вдячний, милая Марусе!

(Цілує її руки).

Ось бачиш, люба, як все добре йде,
Підеш до них, не бійсь.

А н ю т а

Я не боюся.

Ш е в ч е н к о

Влаштуешся.

К р ж и с е в и ч

Мерщій — вже дощ іде!

Ш е в ч е н к о

Ми підем разом. Завтра ж я приїду
І привезу їй все, що необхідно:
Білизну, сукню.

А н ю т а

(рвучко обіймає і цілує Шевченка).

О, спасибі ж вам,
Мій дядечку, мій любий, добрий, рідний!

Ш е в ч е н к о

Ну, годі-бо...

К р ж и с е в и ч

Стривайте! Я згадала!
Її не можна влаштувати там.
Забула зовсім я, що незабаром
Знайомі ці поїдуть до Москви.
Пробачте... Я спішу...

Ш е в ч е н к о

Так — швидко ви
Розкаялись в прекрасному пориві,
Що мимохить вам душу розхитав...
Ну, що ж, прощайте. Що для вас, щасливих,
Ця дівчина, нещасна сирота.

К р ж и с е в и ч

Та ще й коханка ваша, дуже певно.
Бажаю щастя!

(Швидко виходить).

VII

Зовсім стемніло. Шум бурі.

А н ю т а

(горнеться до Шевченка).

Боже, як вона

На мене подивилась...

Ш е в ч е н к о

Все даремно.

Коли ревнує жінка, наче п'яна,
Все забуває — розум, совість, честь.
Ходім, дитино.

А н ю т а

Дядю, я боюсь...

Ш е в ч е н к о

Не бійся, люба — вже притулок єсть.
Хай на годину, далі я доб'юсь
Тобі роботи і найму кімнату,
А поки йдем зі мною. Десь в моїх
Товаришів сімейних будеш спати,
А вранці бід позбудешся ти всіх.
Ходім, небого. Кобзаря старого
Веди додому — хоч нема у нього
Ні долі, ні сім'ї, ні навіть хати.
Бездомні і бездольні ми з тобою,
Нічого в нас на світі цім нема.
І білий світ обох нас не прийма,
І цілий вік самотній, мов пророк,
Між тернами шукаю я квіток.

Буря, дощ.

З а в і с а

ДІЯ П'ЯТА

ВІДМІНА ПЕРША

«Він був людина»

19 лютого 1861 р.

Майстерня Шевченка в Академії. Ранок.

І

Анюта порається в кімнаті, прибирає, вносить маленький самовар, накриває стіл, готує чашки, хліб, масло.

Стук в двері. Анюта відчиняє. Входить Одарка. Вона, як і колись, в українському вбранні, поверх якого звичайна шубка. Вона і тепер дуже вродлива, але, зрозуміло, старша на 2—3 роки.

О д а р к а

Добридень, люба Нюто.

А н ю т а

Здрастуй, Даша!

(Цілюються).

О д а р к а

Що, як Тарас Григорович? Не краще?

А н ю т а

Здається, краще.

О д а р к а

Де ж він?

А н ю т а

Нагорі.

Там зараз лікар...

О д а р к а

Лікар? Що ж він рає?

А н ю т а

Спокою, каже, треба. Де ж того
Спокою взяти, коли він горить
В страшній тривозі і весь час чекає
Об'яви волі, мов життя свого!
Чи ти не чула?

О д а р к а

Ні... Про волю, ні...

На жаль, не знаю... Вже давно чутки,
А волі все немає ні мені,
Ні чоловіку — ми ж бо кріпаки.
Та нам і так живеться непогано,—
Це ж нас Тарас Григорович з'єднав
І визволив з тюрми мого Івана,
Сам бог його мов ангела послав...
Але ж він сам... він сам чекає волі
Для любої сестри і для братів.
Яка ж людина! Сам весь вік без долі,
А за других віддасть усе життя...

А н ю т а

Немає правди в світі... та й на небі...
Така людина гине — злі ж живуть...

II

По сходах спускається лікар.

А н ю т а

(схвильована).

Ну що, скажіть-бо, докторе, як він?

Ліка р

(подає їй рецепт).

Мікстуру цю вживать негайно треба
Три рази в день. Негайно хай дадуть.
Давайте чай. Цитрину. Апельсин.
Я ввечері зайду.

А н ю т а

О боже! Чим він хворий?

Ліка р

Водянка. Кепська річ.

(Одягає шубу і виходить).

А н ю т а

(падає на стілець, затуливши обличчя руками).

Яке ж це горе!..

Одарка стоїть приголомшена. Тими ж сходами повільно спускає-
ться Шевченко. Вигляд у нього хворобливий, але досить ба-
дьорий.

А н ю т а

(схоплюється).

Тарас Григорович! Мій любий! Милий!

О д а р к а

(підходить теж з другого боку).

Сердешний наш!

(Бере й цілує його руку).

Обидві горнуться до нього.

Шевченко

Мої дівчата любі!
Як бачу вас... то наче більше сили...
Стає в душі... Бо на землі цій грубій,
Де стільки зла, ненависті, обид,
Нема, мабуть, чистішої утіхи,
Ніж дівчини й матусі ласка тиха...
А я ж такий самотній, наче кріт...

О д а р к а

Ні, ні — тепер ми не залишим вас,
До вас ходитиму я в вільний час
І теж Анюті буду помагати,
Щоб вам було затишно й чисто в хаті,
А може, на базар, в крамниці...

А н ю т а

Ах, в аптеку!
Казав-бо лікар, швидко щоб.

О д а р к а

Я вмить!
Давай рецепт!
(*Вихоплює рецепт у Анюти*).

Це ж поряд — недалеко.
А ти мерщій дай чаю!

А н ю т а

Вже кипить!
Сідайте, любий... зараз я наллю.

Ш е в ч е н к о

Та годі вам, хазяечки ласкаві,
Я ще не вмер, а вже немов в раю.

О д а р к а

Ну, я побігла!

Ш е в ч е н к о

Може б ти спитала
В отій аптеці, чи не вийшла воля...
Адже ж сьогодні царський день, коли
Він сів на трон після Миколи,
І маніфеста всі в цей день ждали.
Чого ж не чути?

О д а р к а

Добре, я спитаю
І вмить назад!
(*Виходить*).

Шевченко

Піди до мене, Ганно,
Голубка тиха, дівчинка кохана.

(Пригортає її до себе, вона сідає біля його ніг).

На схилку днів, на життєвій межі
Тебе знайшов я, рідну, хоч незнану,
А знані всі лишилися чужі...
Дитя мое... Мені сьогодні краще,
Хоч і стискає груди, все ж не так...
О, якби воля... я б тоді нізащо
Тут не сидів... А зараз, наче птах,
Полинув би на рідну Україну,
Там враз би я одужав, мов дитина,
Що дотяглась до матері сосців...
Отак і я б її повітря пив...

Так, так, це буде!.. Ми туди з тобою
Поїдем разом, дівчинко моя!

І вже, напевно, в Каневі весною
Поставим хату... в нас вже є земля.
Варфоломей придбав уже таку.
Там будеш ти маленька господиня
В оселі нашій, в нашому садку...

І як же сонце радісно засяє
Й нове життя з тобою озарить,
І кращого я щастя не бажаю,
Ніж вік з тобою, серденько, дожить
Понад Дніпром на рідній Україні.

О, тільки би скоріш прийшла ця мить...
Та де ж та воля? І коли прийде?
Мабуть, її із примусу пряде
На службі в Олександра панська Парка.
Стомилось серце ждати — де ж Одарка?

*(Підводиться, але, похитнувшись, знов падає в крісло,
схопившись за груди).*

Знов тисне в грудях... серце стогне... жде...

Анюта

Ну, годі-бо... мій любий, мій єдиний,

Все буде добре... дасть і волю цар,
І навесні поїдем на Україну...

Шевченко

(схоплюється в гніві).

Не цар дасть волю! Воля — це не дар,
А наше право! Волю не дарують!
Її беруть!

(Важко дихає, сідає).

Анюта

Та заспокойтесь, годі!
Заждіть ще трохи, скоро всі почують,
Як волю оголосять у народі,
І вас тоді в молитвах пом'януть...

Шевченко

Так... на Україні... Та не хочу я,
Щоб воля йшла з молитвою і миром.
Нехай вона покаже іншу путь,
Хай загострить караючу сокиру
Її пожаром освітить мое ім'я!

Анюта

Ні, ні не так... ви ж добрий, мов дитина...
І зла у вас немає ні краплини...
І я за вас молюся, і багато,
Мабуть, за вас вже молиться людей...

Шевченко

(підводиться і притягає до себе Анюту).

Мій ангел тихий... Ти не можеш знати,
Збагнути суперечності ідей...
І не такі голівки,

(цілує її в чоло);

Як твоя,
Були не в силах прірву подолати,
Яка лежить між правдою й життям...

IV

(Вбігає Одарка).

Фу... утомилась... бігла... ось і ліки,
Ось булочки, цитрина, апельсин.

А н ю т а

Спасибі, люба:

Шевченко

(нетерпляче).

Ну, а те велике,
Про що казав? Спитала? Чути дзвін
По всіх церквах? Хвилюється юрба?
Кажі ж мерщій! Коли об'являть волю?

О д а р к а

(крізь сльози).

Не сердьтесь, батьку... Багатьох питала,
Ніхто не знає.

Шевченко

(в гніві).

Вічна вам ганьба,
Пани прокляті! Знову обікрали,
Знов одняли в народу його долю.

(Схиляє голову на руки і плаче).

В котрий це раз!

О д а р к а

Ще трохи потерпіть...
Ну годі-бо, мій батьку, мій єдиний.
Ще день чи два — і дзвоном задзвенить,
Побачите, ця вість по всій країні.

Шевченко

Мабуть, тоді, коли мене не стане...
Як Мойсей я, певно, не ввійду
Один з усіх в страну обетованну...
Вже чує серце близькую біду...

А н ю т а

Навіщо ви так кажете, коханий?
Чи не самі ж мені ви обіцяли

Мене, бездомну, вбогу, сироту,
В свою хатинку взять на Україні,
А ви ж ніколи слова не ламали,
І вірю, не зламаєте і нині,
І з вами я в садочок ваш ввійду.

Шевченко
(розчулений).

Яка ж бо ти лукава, доню люба!
Придумала, чим втішити мене...
А може, справді, швидко час мине,
А з ним пройде моя хвороба згубна,
І ми — хто зна — одуримо Харона
І знову, подолавши всі препони,
На рідну Україну полетим.
Тебе тоді в садочку, справді, тім,
Мов кралю, в холодочку посаджу,
Мою сирітку... рідну, не чужу.

Анюта

Ну, ось і добре.

Шевченко
(цілує її).

А чого ж ти плачеш?

Анюта

Ні, ні, не плачу. Вже пройшло... Неначе
Хтось стукає.

Одарка

Я зараз. Це поштар!

v

Входить Куліш. Він видимо схвильований.

Шевченко
(вражений).

Пантелеймон Олелькович! Ти, брате!
Ну, що ж — кажи!

(Підходить і хапає його за руку).

Де воля, що твій цар

Народу обіцяв сьогодні дати,
Де маніфест? Збрехав, як всі царі?

Куліш

Підписаний сьогодні маніфест.
(Дівчата скрикують і обнімаються).

Шевченко

Підписаний? Чому ж не об'явили,
Чому мовчать попи і дзвонарі?
Мабуть, пани знов волю утаїли
Або на ній поставили свій хрест...
О, прокляті!

Куліш

Не лайся, слухай далі.
Об'являть волю, як почнеться піст.
Не хоче цар, щоб волю зустрічали
На масницю в шинках.

Шевченко

Коту під хвіст
Така годиться воля!

Куліш

(співчутливо).

Друже мій,
Нащо своє даремно краєш серце?
Нащо цей гнів, безплідний і страшний?
Себе вбиваєш ти в нерівнім герці
І геній свій знесилюєш.

(Дівчата підходять ближче).

Шевченко

Га! Ти

Уже писав про мене, що почав
Я «Кобзарем», а букварем скінчив!
А знаєш ти, що цей буквар — святий!

(Хапає з стосу книжок одну і підіймає вгору).

Так, він святий: я їм народ навчав

І розкривав їм очі на панів!
Й за це народ...

О д а р к а

Та заспокойтесь, любий.

Шевченко
(не слухаючи).

Й за це народ...

Куліш

(в запалі, який все збільшується).

Тарасе, мій єдиний,
Якби ти знав, чим ти народу став!
Ще восени я був на Україні,
Багато міст і сіл я проїжджав...
Був на бенкетах, зборах, по церквах,
В шинки сільські заходив, на гуральні,
В гімназіях, гостиницях, садках,
В садибах панських, і в міських вітальнях,
Хто б там не був — селянин чи дівчата,
Міські панянки чи старі пани,
Твоє ім'я лиш варт було згадати,
Щоб піднялись промови запальні!
Де ти? Що пишеш? Мов безцінний дар,
У всіх в руках твій писаний «Кобзар»,
Та й «Кобзаря» не треба їм читати,
Його напам'ять знають всі дівчата!
Це магія, чаклунство, божевілля.
Я сам поет і знаю більш, ніж ти,
Та це якась вже надприродна сила,
Якою вмів народ ти повести!
Коли я це побачив і збагнув,
Неначе страх незнаний обгорнув
Мою істоту, і тоді... тоді...
Я зрозумів, що те, що є в тобі,
Це не талант, це геній неземний,
Що всі серця запалює на бій!
І ще збагнув, що пред огнем таким
Мої поеми меркнуть, наче дим!
І лиш одне мені лишилось нині —
Пред генієм схилить свої коліна.

(Схиляється перед Шевченком і цілує його руку).

Шевченко

(піднімає Куліша і цілує).

Спасибі, Паньку, бачу я, що справді
Ти залишивсь гарячим Кулішем.
І щирості твоїй я вірю завжди...
Та час пройде... і так же гаряче
Мене ти будеш гудити й казати,
Що я був неук і під п'яну руч
Лише умів поеми віршувати.

Куліш

Побійся бога!

Шевченко

(м'яко).

Не клянись, не муч
Себе й мене даремно — вже така
У тебе вдача... Щирість хоч завзята,
Та не кріпка, до того ж кріпака
Ніяк не зрозуміть аристократу...
Дай ліків, Ньюто, тисне знов в грудях...
(Анюта наливає в чарочку мікстури).
Недовго вже лишилось, мабуть, жити...
(П'є).

Ну що ж... нехай... Проїшов я чесно шлях
Свого життя... тобі щоб послужити,
Народе мій, і ти, мій рідний край...
Тебе в бою не зрадив я ніколи
І звав вперед і голови не гнув.
За це мене ти широко привітай...
Хоч перед смертю, на порозі волі
Мети своєї все ж я досягнув...

(Підводиться).

Нехай вінок мій з терном вполовину,
Я переможець... я пророк... Твій шлях,
Твое я щастя бачу, Україно...
Воно прийде... здобуде... у боях...
Привіт, майбутнє...

(Падає знесилений в крісло).

Дихати... води...

Куліш

Йому погано!

Анюта

Боже мій святий!

Одарка

По лікаря мерщій! (*Вибігає*).

Темрява

ВІДМІНА ДРУГА

«За правду і любов»

Притвор домової церкви Академії мистецтв. Ще до підняття завіси чути журливі акорди церковного хору. Ранок.

І

Час від часу проходять люди, поодинокі і групи, які, трохи затримавшись в притворі, йдуть далі, в саму церкву. Серед них чимало студентів, офіцерів, трапляються люди в українському національному вбранні. Проходять два студенти.

Перший студент

Коли ж він вмер?

Другий

Учора на світанку...

Всю ніч не спав і мучився жахливо.

Перший

Хіба хворів він тяжко?

Другий

Так, водянка...

Перший

Яка ж це втрата... Так і не дожив він
До волі, за яку віддав життя.

Другий

Така судьба пророків полум'яних,
Яким він був...

Пер ш и й
Він чесно ніс свій стяг.

Д р у г и й
Зате ніколи слава не зав'яне,
Яку собі здобув він у віках...

(Проходять).

Д в і л і т н і д а м и

П е р ш а

Чи чули ви! Кошунство! Просто жах!
Безбожника пророком називати!

Д р у г а

Не знаю вже, чого нам далі ждати!
А все студенти!

П е р ш а

Ні! Мій син кадет,
Це дивлячись, яка у кого мати.
Все від книжок...

Д р у г а

Ще більше від газет.

(Проходять).

II

Юрба схлинула. Тепер видно, як в порожньому притворі, на лавці біля великого вікна ліворуч сиротливо притулилась маленька фігурка А н ю т и, в хусточці і блаженському пальті, яка застигла в невимовній тузі.

Входять Е н г е л ь г а р д т під руку з К р ж и с е в и ч, яка в траурі.

К р ж и с е в и ч

Невже це правда... що його немає,
Не в силах розум мій цього збагнуть...

(Чути церковний хор).

Так... це над ним... над ним вони співають,
Так... це його... його в останню путь...
В останню путь... Подумать тільки, боже!..

З церкви виходить Куліш.

Церковний хор непомітно переходить в звуки врочистої сумної музики.

Кр ж и с е в и ч

(рвучко бере руку Куліша).

Ви бачили? Ви бачили його?
О господи! Кажіть-бо!

Куліш

(сумно).

Став похожий

На давнього Тараса він того,
Якого ми ще в Качанівці знали...
Лице спокійне, гніву і печалі
Тривожні риси смерть зняла з лица,
І ще ясніше дума благородна
Лягла на ньому... дума мудреця,
Що все збагнув та що судьбу народну
Вже бачить десь щасливу і ясну...
Се чоловік... що втомлений заснув,
Коли в житті неправду подолав.

Е н г е л ь г а р д т

Чи не себе ж колись він змалював
В поемі давній «Тризна» — і сьогодні
Звучать пророчо ці його слова:
«Гарячих пристрастей безодню
Безстрашно вимірять до дна,
Пізнати, в чім життя ціна,
Читати чорні всі сторінки
Людських думок, ганебних вчинків —
І все ж людей не проклинать,
Незлобним серцем жалкувать,
Що так багато в людях зла,
І поєднать політ орла
З цим серцем чистої голубки...
Весь вік без долі, без житла,

Без друга милого, без любки.
Се чоловік... Він в світ прийшов
На подвиг новий і суворий,
На бій за правду і любов,
За вільний труд, і за простори
Землі без меж і без оков...
І так загинув одинокий
В нерівнім герці в час гіркий,
Бо на тяжкім шляху пророка
Не мав він дружньої руки...»

К р ж и с е в и ч

О боже мій... який це гріх страшний,
Що ми... що я... так зрадили поета...
А надто я! Чи не мені ж, мені
Судила доля подвиг цей славетний
Йому служить, від горя берегти,
Пом'якшувати путь його тернисту,
Щоб він відчув на цій страшній путі
Жіночу ласку, віддану і чисту...
І скільки раз я це могла зробити,
І скільки раз затримати могла
В своїх руках його життя розбите,—
Але щоразу, наче примха зла,
Святий порив у серці руйнувала...
І знов, і знов небесний в серці жар
Я зберегти від суєти не вміла,
І замість влить нові поету сили,
Для нього я лишалася чужа...

(Гірко плаче).

Е н г е л ь г а р д т

(заспокоює її).

Ну, годі, заспокойтеся, Марусе,
Така, мабуть, була його судьба —
Він до кінця іти самотнім мусив
І слабкості не знати.

К р ж и с е в и ч

(гірко).

Та хіба

Кохана жінка слабкість для поета?

Сама я винна... сил не зберегла
Я в суєті даремній... Так, мене ти
З його путі, марного, відтягла...
Ну, що ж... ходім до нього... він простить,
Бо серце жінки знав він і ніколи
Без співчуття не міг його лишить...

Чути плач Анюти.

Ходім-бо разом... серце рветься з болю,
Хтось плаче тут.

Куліш

Та це ж його Анюта!
Анюто, що ти робиш тут сама?

Анюта

Я там, де він... нікого більш немає...
Нема ніде... де дітись, де заснути...
Так і умру біля його труни...

Куліш

Нещасна... де ж тепер...

Кржисевич

(*пізнала Анюту*).

То це ж вона!

Дівчисько те, що якомсь восени
Він взяв до себе, і тоді востаннє
Мене від себе грубо відштовхнув.
Так, це вона — це їй повік догана
За те, що він не знав і не відчув
На схилку днів любові, піклування
І вмер самотнім, як самотнім жив.

Анюта

Неправда це! Хоч ви і пишна пані,
Та все ж йому лишилися чужі.
Я ж віддала йому своє кохання
І бідне серце вперше у житті.
Але навіщо спорити даремно?
Він був святий, і як усі святі
Нікого з нас він не любив окремо,

Бо серце він таке гаряче мав,
Що весь народ любив він полум'яно,
Й за нього він життя своє віддав.

III

Розчиняються двері церкви. Народ виходить. Попереду йдуть студенти і співають:

Оживуть степи, озера
І не верстовії,
А вольнії, широкії
Скрізь шляхи святії
Простеляться; і не найдуть
Шляхів тих владики,
А раби тими шляхами
Без гвалту і крику
Позісходяться докупі,
Раді та веселі,
І пустиню опанують
Веселії села.

І мене в сім'ї великій
В сім'ї вольній, новій
Не забудьте пом'янути
Незлим тихим словом.

Завіс а

КІНЕЦЬ

1948

ПЕСНЯ В БОКАЛЕ

Драма в 5 действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Мангольд Эренфрид-Раммингер, бургомистр Ротштейна
Гортензия, его дочь
Ирнериус, городской канцлер
Гейрт Мусселиус, старший советник
Вероника, его дочь
Карфункель, часовщик
Иорг Браунрот, трактирщик
Эрна, его жена
Клаус Верходуй, смотритель ночных сторожей и здания ратуши
Тобиас Мейлен } советники
Мельхиор Бродбек }
Ян Клайбер, цирюльник
Ульрих Бишер, ювелир
1-й }
2-й } мастера
3-й }
4-й }
Норберт Вестениус-Одерменниг, странствующий часовщик
1-й }
2-й } ночные сторожа
3-й }
Глашатай с мальчиком
Девочка
Чины магистрата, горожане, ремесленники, солдаты

Действие происходит в Германии в середине XV столетия.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

История одной песни

Аркады и площадь перед ратушей. Справа, вплоть до самой ramпы, открытая веранда гостиницы. «У часовой башни» слева в среднем плане лестница и монументальное крыльцо ратуши. Сцену замыкают стрельчатые аркады с лавками, скрытыми в глубине арок. Утро. Площадь почти пуста и только время от времени группы горожан-ремесленников или детей проходят через сцену. На веранде гостиницы Бишер и Клайбер пьют пиво. Трактирщик Браунрот с мрачным видом смотрит на площадь, опершись на перила.

Клайбер. Да, ты слышал эту новость? О золотом репейнике, этом ордене наших барышень. Ты ведь знаешь, что кроме Вероники имеет право носить золотой репейник еще фрейлейн Бродбек и бургомистрова дочка. На это ведь есть грамоты у всех трех фамилий. Так вот, Вероника нашла где-то старые документы и требует, чтобы право носить репейник оставили ей одной. Будто бы в старом постановлении Совета...

Эрна (*входит со скатертью и букетом. Бишер и Клайбер встают и кланяются*). Боже мой! В такое утро пить пиво.

Клайбер. Здравствуйте, мадам Эрна. Бог мой, какая вы сегодня! (*Тихо, оглядываясь на Браунрота*). Обворожительная... О, мы сейчас пили за то, чтобы все женщины Ротштейна походили на вас!

Эрна. Правда? Иори! Иори! Иди сюда на минутку!

Клайбер (*испуганно*). Что вы хотите... что вы...

Браунрот (*лениво подходит*). А?.. Что? Чего тебе?

Эрна. Вот они говорят, что...

Бишер. Э... сегодня, кажется, будет жаркий день.
Э... гм...

Клайбер. А... кхм... э... кха... кха... мадам Эрна!

Браунрот. Вечно ты с глупостями... Что такое?

Эрна. Что вы толкаетесь, Клайбер. Они говорят, Иори, что бургомистр думает увеличить винный налог на два незеля с ведра... и открыть в аркадах городской трактир, правда это? Ты ничего не слышал? *(Бишер и Клайбер облегченно вздыхают).*

Браунрот *(приходя в ярость)*. Тысяча дьяволов на вашего бургомистра и на вас, чортовы звонари! А! Два незеля! Двадцать незелей! Тысяча! *(Хрипит, наступая)*. Да вам какое дело! Вы чему обрадовались! Да я вашего бургомистра! *(Задыхается)*.

Эрна *(смеется)*. Как тебе не стыдно, Иори, разве они виноваты.

Браунрот. Тьфу. *(Садится)*.

Клайбер. Я хотел еще рассказать вам новость о Веронике Мусселиус, но теперь, после вашего... До свидания, мадам Эрна. *(Кладет деньги)*. Получите за пиво. *(Идет к выходу)*.

Бишер. До свидания, мадам Эрна. *(Оба сходят на площадь)*.

Эрна *(через перила)*. Бишер! Клайбер! Да ну же, что такое? Как вам не стыдно! Клайбер, что такое, скажите?

Клайбер *(смеясь)*. Нет, нет, это вам за налог на вино! Прощайте!

Эрна. И все вы врите. Впрочем, я и так знаю. Верно, опять Вероника обидела бургомистрову дочку, вот и вся новость! А? Что? Что такое? Ушли. Ну и пожалуйста. *(Накрывает стол скатертью)*. Господи, вот скука! *(Поет)*.

Яркий свет из окон льется,

Флейты, скрипки и гобой.

Нынче праздник, что ведется

В эту ночь весной... весной.

В ночь святого Перегрина

С кем танцует Фридолина?

Хоть бы школяры пришли! Хоть бы цехи подрались! И что ты все зеваешь? А-а, Фридолина! А-а, Фридолина! *(Подходит к мужу и касается его плеча)*. Ты слышишь?

Браунрот (*не оглядываясь, мрачно*). Оставь меня, женщина.

Карфункель (*входит на веранду*). Здравствуйте, Эрн. Вы все поете. Да еще эту песню. Здравствуйте, Браунрот.

Браунрот. Здравствуйте, Карфункель. Эрн, принеси вина. (*Садится за стол. Браунрот мрачен — Карфункель ехидно на него поглядывает*).

Эрна. Не хватает только Мусселиуса. Впрочем, принесу три стакана на всякий случай.

Карфункель. Ваша жена все поет эту песню.

Браунрот. Запретите ей, если желаете. (*Пауза*).

Карфункель. По дороге к вам я встретил Верхуду из магистрата. Кажется, он шел проверять ваши книги по продаже вина; вы его не видели?

Браунрот (*сдерживаясь*). Нет, не видел, а если увижу, то пошлю к чорту. Поняли?

Карфункель. Мне это совершенно безразлично.

Браунрот. А если безразлично, то и не каркайте.

• Пауза.

Карфункель. А вот идет советник Мусселиус. Кстати, вы слышали, что бургомистр думает открыть в аркадах продажу городского вина?

Браунрот (*вскакивая в ярости*). А чтоб черти побрали и вас и вашего бургомистра! С вашими песнями, аркадами и налогами! А! Вы таки довели меня... вы...

Мусселиус (*входит на веранду. Длинное, опущенное мехом платье. Добродушное лицо, короткая седая борода. Голова плотно закрыта красным капюшоном. Очки*). Что с вами, любезнейший Браунрот? Что с вами? Вы чуть не сшибли меня с лестницы.

Браунрот (*приходя в себя*). Простите, пожалуйста, ваша милость. Имею честь кланяться. Окажите нам честь... Мы... гм... как раз собирались выпить бутылочку вина.

Мусселиус (*оглядываясь*). А... а... да... Но я не вижу никакого вина, а вижу только ваши сжатые кулаки. (*Браунрот расправляет пальцы*).

Карфункель. Вино сейчас принесут, г-н советник.

Мусселиус (*сядаясь*). А, то хорошо. А вот и мадам Эрн с вином!

Эрна (*входит с вином и стаканами*). Доброе утро, ваша милость. Вот для вас высокий бокал, как и подо-

бает вашему высокому чину. (*Наливает вино в стаканы*).

Карфункель (*садясь, Браунроту*). Надеюсь, вы успокоились, сосед.

Браунрот (*сквозь зубы*). Хороший бы чорт из вас вышел.

Карфункель шепчет, набожно сложив руки, Браунрот плюет.

Эрна отходит к перилам, садится на табурет и смотрит на площадь. Входит Верховдуй. На нем длинное табачного цвета платье, опущенное мехом, очки и берет магистра, закрывающий уши. Под мышкой у него огромная черная книга. Несколько девушек окружают его, трогая пальчиками книгу и пересмеиваясь.

Эрна. Что это за книга у Верховдуя? Вот потеха!

Мусселиус. Хозяин Браунрот не в духе. Чем вы его рассердили, Карфункель? (*Все трое пьют вино, кивая головами друг другу*).

Девушки (*перебивая друг друга*). Да ну же... что такое... Что это за книга у вас, мейстер? Что в ней написано? Вам не жарко в вашей шапке и шубе? Может быть, тут окончание песни? Слышите? Да говорите же, мейстер!

Верходуй (*охорашиваясь*). Я, фрейлейн, не мейстер, а magister, literis et artibus peritus, да-с... Семь свободных искусств — это не какая-нибудь сукновальня... а книга эта особенная. Видите ли, мои девочки, меня назначили... девичьим фоггом... Тепер я могу записать о вас все подробности... все ваши грехи.

Девушки. Вот новости! А ха-ха-ха! (*Разбегаются со смехом*).

Верходуй (*подходит к перилам*). Здравствуйте, мадам Эрна. Мне нужно, знаете, проверить акциз у вашего мужа. А что, как он, ничего?

Эрна (*смеется*). Не советую. Клайберу и Бишеру уже досталось. Да у нас еще сидит советник Мусселиус, видите.

Верходуй. Вот наказание! О господи, всякий раз мне достаются самые неприятные поручения! То иди на собрание к цехам, то стереги мазуриков, тепер вот акциз проверяй. Человеку с моим образованием.

Эрна. Почти доктору.

Верходуй. И когда, наконец, мне дадут должность, соответствующую моему... моим... с моим образованием. Ах, мадам Эрна... Ну, я зайду попозже. Знаете, эти де-

вушки... Что с ними делается весной... Ах, какие у них щечки, груди — сил просто нет оторваться!

Эрна. Ах вы, девичий фогт! (*Смеется*). Скворец вы гадкий!

Верходуй. Да, хорошо вам смеяться. (*Уходит, вздыхая*).

Эрна (*встает и подходит к сидящим за столом*). Знаешь, Иори, Верходуй приходил проверять твои записи.

Браунрот. Я ведь тебе сказал, чтобы ты шла на кухню!

Эрна. Чего ты орешь? Да, вчера ведь откупорили новую бочку Ротфаля. Повесить зеленую ветку?

Браунрот. Не нужно. У меня не кабак.

Карфункель (*ехидно*). И вы совершенно правы, сосед. Бургомистр постоянно говорит, что ваш трактир портит аркады ратуши. Он бы вас одобрил.

Браунрот (*приходя в ярость*). А! Ему не нравится мой трактир! Я знаю! Черта с два! Это место снял еще дед мой на семьдесят семь лет, чорт бы его побрал! Не деда — вашего бургомистра! Имею право повесить двадцать веток! Десять Верходуев с книгами и десять кошек ему на придачу! Сейчас же повесь ветку!

Эрна (*смеясь, отходит в сторону*). Вот, Иори!

Браунрот. Половина Ротштейна им недовольна. Половина Ротштейна за вас, ваша милость...

Карфункель. Ваша милость — прирожденный бургомистр.

Мусселиус. О, что вы... Что вы! Вот и Вероника тоже... то есть я хотел сказать... Да, дочь моя одна вправе носить золотой репейник Одерменнига. Когда это право дали четырем...

Браунрот. Еще бы! Все за вас, ваша милость!

Мусселиус. Тсс... господа. Это ведь еще...

Браунрот. С вашей знатностью и богатством...

Карфункель. С вашим умом... с вашей представительной наружностью вы настоящий патриций.

Мусселиус (*довольный, охорашивается*). О, что вы... что вы... Я... хе-хе... я... А! Когда в 81-ом году патриции прогнали князя Одерменнига, а кто был впереди всех, а? Мусселиусы, да! Мусселиусы прогнали князей! Трех фамилиям дали тогда репейник Одерменнига в гербы. Ха! Двум по протекции, а Мусселиусам по праву. Да,

вот и Вероника... Тогда Совет постановил, чтобы дочери Мусселиуса носили золотой репейник на цепочке. А! Мусселиуса дочери... Однако, мне пора. Пойду еще посмотрю, что там делает этот дурак бургомистр... А вы опять сжали кулаки, Браунрот. (*Браунрот расправляет пальцы*). До свидания, господа... (*Сходит на площадь*). Мы еще побеседуем... да... (*Уходит*).

Браунрот (*Эрне*). А ты все висишь на перилах. Ступай принеси нам вина.

Эрна (*прижимая руки к вискам*). Ах, оставь меня, оставь меня в покое! Господи, что это за жизни! Ах! (*Отворачивается*).

Браунрот. Тьфу... Видели! Видели эту ведьму! Посидите здесь, я принесу бутылку. (*Уходит*).

Эрна (*напевает сквозь слезы*). А-а... Фридолина... А-а... Фридолина... Ах! (*Поет*).

Кто идет по темным залам
Прочь от музыки и света,
Фридолина, ты ли это,
Точно вор, уходишь с бала?

В это время в глубине сцены в аркадах ратуши медленно проходит Норберт. Его фигура мелькает между колоннами прежде чем он сходит по ступенькам на площадь. На нем потертое дорожное платье, котомка и скрипка в мешке. В руке у него алая роза. Сойдя на площадь, он с любопытством смотрит по сторонам.

Фридолина, ты ли это,
И зачем уходишь с бала...

Девочка лет двенадцати входит слева.

Эрна (*заинтересованная, следит на Норбертом взглядом*). Кто бы это мог быть? Школяр, подмастерье...

Мимо залы, мимо сени —
Вот и ратуши ступени...
Пенье скрипок, стон гобоев
Гаснут в сумраке покоев...

Должно быть издалека...

А-а... Фридолина...

Браунрот (*входит с бутылкой*). Вот и вино.

Эрна. Какой он утомленный, бледный...

А-а... Фридолина... А-а, Фридолина.
Вернись, Фридолина.

Карфункель. Опять ваша жена поет эту песню.
Браунрот. Эрна, Эрна, не дразни меня дольше...
Девочка (*напевает*).

Ты по лестнице спустилась
И дошла до середины —
Что же ты остановилась,
Что смутило Фридолину?
Чей-то плащ раскинут алый
На ступеньках... (*Проходит*).

Норберт (*преграждает ей путь*). Ну, а дальше?
Что же дальше, дитя? Спой до конца. (*Берет ее руку*).

Девочка. Дайте мне сперва вашу розу.

Норберт (*смотрит на розу*). Песенка стоит розы.
Возьми. (*Дает ей розу*).

Девочка (*взяв розу*). Я не знаю, как дальше.
(*Смеясь убегает*).

Норберт. Убежала... (*Оглядывается, недоумевая*).
Клайбер (*из лавки в аркадах*).

Кто идет по темным залам
Прочь от музыки и света...

Бишер (*из лавки*).

Кто идет по темным залам
Прочь от музыки и света...

Эрна. Я не знаю, что со мной делается... Можно подумать, что я опьянела...

Карфункель. А! Ваша жена таки допелась. Теперь она перемигивается с каким-то школяром.

Эрна (*чуть слышно*).

Фридолина, ты ли это,
Точно вор, уходишь с бала.
А-а... Фридолина, а-а... Фридолина.

Браунрот (*встает с шумом, опрокидывая на пол стаканы и стул*). Эрна! Эрна! Не шути со мной таким образом! (*Хватает ее руку в то время, как она поставила уже ногу на первую ступеньку лестницы веранды*).

Эрна (*оборачивается*). Что тебе от меня нужно? Оставь меня! (*Вырывается*).

Браунрот (*отбрасывает ее на середину веранды*). Эрна! (*Задыхаясь*). Не дразни меня, Эрна!

Эрна (*вырываясь*). Палач! (*Уходит в гостиницу*).

Браунрот (*берется за голову*). О! Будьте вы все про...

Верходуй (*только что вошел на площадь и поднимается нерешительно на веранду со своей книгой*). Э... кхм... кха... (*Набираясь храбрости*). Здравствуйте, Браунрот. Видите ли, его милость бургомистр поручил мне проверить ваши гм... записи про... продажи ви... вина за март ме... ме...

Браунрот (*тупо смотревший на Верходуя, внезапно приходит в ярость*). К чорту! К дьяволу вас и вашего бургомистра! (*Наступая на Верходуя*). А! Нос свой совать! Мало! Мало двух незелей! К чортовой бабушке! Можете там считать! (*Задыхается*).

Верходуй (*пятясь к выходу*). Про... прошу вас не орать. Я... я... хорошо... Вы пожалеете, Браунрот. Я предста... ставляю особу бургомистра... (*Уходит*).

Браунрот. К чорту и вас и вашу особу! А!..

Карфункель. Напрасно вы погорячились, сосед.

Браунрот. И вас! И вас туда же! (*Уходит в ярости*).

Карфункель (*встает*). Какая скука. (*Становится у ступенек*).

Норберт (*подойдя к лавке, Клайберу*). Эй, кто там!

Клайбер (*выходит с бритвой и кистью*). Пожалуйте, сударь. Вы хотите постричься?

Норберт. Нет... Но скажите мне, мой милый цирюльник, как поется дальше эта песенка, которую вы только что пели.

Клайбер (*с неудовольствием*). Видите ли, сударь, в моей цирюльне сидит один мясник, которому я намылил на всякий случай левую щеку в то время, как пел эту песню. Ergo, если я его бросил... (*в цирюльне слышен треск*). Боже мой! Он ломает мебель! (*Бежит к двери*). Иду! Этот мясник, например... (*Треск усиливается*). До свидания.

Норберт. А песня! Песня?

Клайбер (*исчезает*). А песня эта без конца, если хотите знать.

Норберт. Цирюльник прав. Что такое песня?!

Эрна (*входит*). А, вы еще здесь. Ах! (*Видит Норберта*).

Норберт (*входит на веранду*). Здравствуйте, сударыня. Здравствуйте, мейстер.

Эрна. Здравствуйте. Что прикажете, сударь?

Норберт (*кладет свою сумку на пол, а скрипку на стол*). Я устал, моя дорогая трактирщица. (*Садится*). Дайте мне вина.

Эрна. Сейчас, сударь, я принесу вам вина. (*Проходя мимо Карфункеля*). О, как я вас ненавижу! (*Уходит*).

Карфункель. Неправда, Эрна, неправда. (*Садится довольный у своего стакана*).

Браунрот (*входит*). Где Эрна? Какой-то музыкант, чорт бы его побрал. (*Садится*).

Эрна (*входит с подносом*). Вот ваше вино, сударь. Вы, должно быть, издалека. Ваше платье в пыли... (*Тихо*). Отдохните у нас. Там наверху есть чудесная комнатка. Окна в сад, тихие, белые стены...

Норберт. Ах, когда на башмаках столько пыли, всякое вино кажется кубком нектара.

Эрна. Откуда вы? Вы в первый раз в нашем городе?

Норберт. В первый. Если точно я в первый раз вижу ваши улицы и стены... Если в первый раз в моей жизни ноги мои попирают эти серые камни... Почему мне все так знакомо? Так странно и жутко знакомо? (*Отдается своим мыслям*).

Клайбер (*входит*). Хотя я и сердит на вас, мадам Эрна, но... пожалуйста, пива.

Эрна (*в дверь*). Дайте пива. (*Слуга приносит пиво*).

Клайбер. А! Это тот, который так хотел...

Норберт (*поднимает голову*).

Как зачарованный, я тихо проходил
По улицам. Приветно, молчаливо
Глядели на меня из-под резных стропил
Задумчивые окна; прихотливо
И неожиданно вставали здесь и там
Сквозные башенки: под ними переходы
И крыльца узкие лепились по стенам,
И сумрачно-таинственные своды,
Громады стен удерживая гнет,
Прохладой гулкою дышали из ворот...

А я все шел и шел... Прозрачный полусвет
В ущельи близких стен дробился, точно в храме,
Но в сумраке сыром, как ласковый привет,

Мелькает яркий луч,— и вот перед глазами
Раскрылся впереди сияющий простор —
Там, отойдя назад, в прозрачной дымке тают
Нарядные дома — и солнцу отвечает
Их алых черепиц причудливый узор.

Тихий бассейн, старые липы на площади, и серые паперти
церквей, каскады и выступы крыш, и серебристые фонтаны
колодцев,— все казалось окутанным зыбкой завесой ска-
зочного тумана... как марево пустыни, как город облаков...
Тихий вечер был так прекрасен, девушки так соблазни-
тельны... Сердце мое стучало неизъяснимой тоской и же-
ланием. Мне хотелось прильнуть губами к чаше бассейна,
к алым устам, чтобы погушить навсегда эту жажду. Кто
ты, чужестранец... Прозвенел фонтан... фонтан ли...

Я оглянулся — за стрельчатой аркой
В нише окошка мне чудится шепот.
Девичьи очи так ласково смотрят.
Алые губы смеются украдкой...

Оттуда... Неужто оттуда
Этот тихий призыв, эта нежная песня.
Я подошел и в окно заглянул потихоньку,
Там золотые пылинки кружились
В пряно-коричневом сумраке спальни;
И как призыв прозвучала далекий
Манящая, грустная песня...
Ах, эта песенка... сколько в ней ласки,
Дальше иду я и вижу все те же
Окна и двери, фонтаны и башни...
Мутный налет перламутра на стенах,
Тихую важность ступеней собора...
Так вот иду я, и снятся мне снова
Милые очи и алые губы...
Запах гвоздик в полумраке алькова,
Чудятся полные жаркие руки...
Ах, эта песня... За каждым уступом
Старого дома она поджидала
И оживала на каждом завитке
В хитром узоре резного гранита.
Пели ее одуванчика листья,
Пели репейник и нежный касатик,
Роза-розета и лист винограда,

Хмель и трилистник, и песня звучала,
В кружеве дивном дробясь и сплетаясь.
Ах, эта песня... Она загоралась
И потухала в глубоких аркадах,
И убегала по стройным колоннам
В звонкую высь, и оттуда со смехом
Перекликалась с проснувшимся эхом...

Эрна. Ах, эта песня... Она вам понравилась, правда?
Норберт. Но скажите мне, моя дорогая трактирщица,— я слышал два и три куплета, но никто не пел до конца. Где же конец этой песни?

Эрна (*наклонившись к Норберту, нежно*).

Конец этой песни
В хрустальном бокале...

Браунрот (*горько*). Эрна!

Норберт. «Конец этой песни в хрустальном бокале»...

Эрна. «Конец этой песни в хрустальном бокале»... Бокал в свинцовом ларчике, ларчик в дубовой шкатулке, а шкатулка...

Браунрот (*с мольбой*). Эрна!

Клейбер. А! Это песня в бокале!

Норберт (*бессознательно повторяя*). В хрустальном бокале, бокал в свинцовом... (*Берет обе руки Эрны*). Да говорите же, говорите!

Браунрот. Эрна!

Норберт (*выпускает руки Эрны и проводит рукой по лбу*). Песня в бокале... Почему это так меня трогает?

Карфункель. Неправда ли, Браунрот, в истории этой песни много поучительного?

Браунрот. Да, история эта учит правильному обращению с бродягами и музыкантами.

Норберт (*обводя всех взглядом*). История? Неужели же никто из вас, господа, не может рассказать мне этой повести?

Клайбер. Что ж, я могу. Да, эта песня имеет свою повесть. Однажды в наш город пришел молодой рыбак. Платье его было изорвано и выглядел он сущим бродягой. Не знаю, были ли у него сети, но скрипка на всякий случай имелась, вот как и у вас. Так вот этот самый ры-

бак и сыграл эту песенку, которую, говорят, подслушал у русалок. Я же полагаю, что это его научил дьявол.

Б р а у н р о т. Который и есть отец всякой музыки.

К л а й б е р. На чем, бишь, я остановился... Да... Действие этой чертовой песни было поразительным. Самые скромные наши девушки потеряли головы и забыли всякий стыд. Каждую ночь раздавались бесстыдные песни. Безумный вальс кончался, как брокенская пляска. И вот в одну ночь дочь самого бургомистра бежала с рыбаком...

Э р н а. И целую ночь сверкали зарницы и, говорят, вся долина, что у репейных ворот, светилась от блуждающих огоньков.

К л а й б е р. Но умолкла проклятая скрипка и все отрезвились.

Э р н а. Ах! Не было больше зарниц и блуждающих огоньков, и безумного вальса! Было, должно быть, серо и скучно, и железные решетки ворот блестели от дождя, когда вели в город бедного скрипача...

К л а й б е р. Да, их догнали. Дочку бургомистр запер в монастырь, а рыбака повесили. Песню же запретили под угрозой смерти. Был один только список, но когда хотели сжечь проклятую бумагу, она не горела в огне и не рвалась, словно железная. Тогда-то решили спрятать чертову песню. Я слышал, будто бумага с песней находится в хрустальном бокале, бокал в свинцовом ларчике, ларчик в шкатулке, а шкатулка замурована где-то в ратуше, одни говорят — в тайной камере, другие — на часовой башне, и я не знаю, где еще... Однако, в народе сохранилось начало этой песни.

Э р н а. Говорят, что песня эта так прекрасна, так упительна... как лучшая минута любви, как звонкая музыка славы... Кто найдет эту песню, тот сразу утолит все свои желанья, все свои грезы. Тот не захочет ничего более, кроме этого кубка. Ни девичьих губок, ни светлого солнца.

Н о р б е р т (*порывисто берет руку Эрны*). Правда, Эрна, правда... Ну и что же, скажите... разве никто не искал этой песни?

К а р ф у н к е л ь. А говорят, что наградой за находку будет смерть. Смерть — неважная находка, как думает большинство.

Н о р б е р т. Как это все странно. Вы говорите, что песню рыбак подслушал у русалок. Но почему же в ней не говорится ничего о хрустальном дворце на дне моря,

о чудесных цветах и самоцветных камнях, о жалобе никс и хороводах русалок. Или какой-нибудь никс танцевал на балу в высокой зале вашей ратуши. Там он слышал упоительную песню земного вальса... В вихре танца впервые узнал он теплоту и нежность девичьей груди... Ведь русалки так холодны... Быть может, он слишком неосторожно заглянул в глубину синих очей? Не от его ли морской улыбки и бежала эта Фридолина по звонким галереям ратуши?

Э р н а. Говорите же, сударь!

Б р а у н р о т. Эрн!

Н о р б е р т. И кто эта Фридолина? Быть может, он забежал вперед и бросил перед ее ногами на лестнице свой алый плащ с подмоченным краем. О чем она вздыхала потом, отдаваясь аромату майской ночи у своего окошка в ночь святого Перегриня?

К л а й б е р (*смеясь*). Говорят еще, что как бы ни была холодна и неприступна девушка, стоит только в ночь святого Перегриня поставить ее на разостланный плащ, чтобы делать с ней все, что вздумается. Не знаю, пробовал ли кто-нибудь это средство.

К а р ф у н к е л ь. Только как же устроиться, не сходя с плаща? Плащ должен быть с добрый ковер.

Б р а у н р о т. Чорт бы побрал эти дурацкие басни! Вам и совсем не пристало, господин гормахер! (*Стучит по столу*).

Н о р б е р т (*с живостью, к Карфункелю*). Мейстер — гормахер?

К а р ф у н к е л ь. Да, когда-то я возился с часами.

К л а й б е р. Мейстер искусный часовщик. А между тем часы на башне ратуши не идут уже много лет. Мейстер не хочет их чинить — он в споре с бургомистром — и вот мы напрасно ищем гормахера. Вот уже два года, как назначена награда за их исправление, а часы все стоят.

Н о р б е р т (*взволнованный*). Как! Даже ищут гормахера! Но почему же...

Э р н а. Таков уж, должно быть, здесь воздух. Пульс наш бьется так сонно. Наши девушки холодны, как рыбы в пруду. Может быть, они и умеют краснеть в ответ своим грезам, но... не шевельнут и пальцем, как бы им не хотелось... узнать окончание песни (*смеется*), так они ленивы... (*Норберту нежно*). Научите хоть вы наших девушек, как надо петь песенку... до конца. (*Смеется*). Они

ведь, бедняжки, дальше второго куплета не решаются. (Смеется).

Браунрот (встает с шумом, опрокидывая мебель). Замолчи! Распутница! А! (Хватает Эрну за руку и бросает ее на колени). Ведьма! (Задыхается. Клайбер встает).

Норберт (подбегает к Браунроту и хватается за руку). Оставьте вашу жену, трактирщик! (Сжимает его руку)

Браунрот (хрипит и морщится от боли). А, будь ты проклят! А! (Приходит в сильную ярость, бросает руку. Эрны и, выхватив из-за пояса нож, нападает на Норберта). А! Чортово отродье.

Норберт (защищаясь, натывается ладонью на нож). А! Как это глупо! (Браунрот, опомнившись, роняет нож, все столкновение продолжается несколько секунд).

Браунрот (задыхаясь и держа руку у горла). Пожалуйста... простите... я... (Махнув рукой, уходит).

Клайбер. Смотрите... бургомистр. Пропадешь тут с вами.

Норберт (с живостью оглядывается). Бургомистр! где?

Карфункель. Игра окончилась вничью. А вот и новые актеры.

За минуту перед этим на площади появляются бургомистр Раммингер под руку с дочерью, канцлер Ирнериус и Верходуй с книгой, следующий на почтительном отдалении. Бургомистр в роскошном, опушенном мехом, длинном вишневого цвета платье с фризом и золотой цепью. Ирнериус в подобном, но более простом наряде. Норберт сходит на площадь. Остальные наблюдают следующую сцену:

Бургомистр. Хорошо, Верходуй, я позову его в ратушу. Можете идти домой. (Верходуй кланяется и уходит). Да, этот Браунрот — сокровище, каких мало. Да это ли только. Судите сами, канцлер, — в такой чудесный день не хочется отвести глаз от этих кружевных аркад, от этого великолепного крыльца, от всей этой площади, такой благородной и изящной — и вдруг, и вдруг вы видите этот проклятый трактир. Вся моя душа возмущается всякий раз, когда я вижу это нелепое соседство. Я бы дорого дал, чтобы убрать это мрачное кабацкое жерло из прекрасных аркад нашей ратуши.

Ирнериус. Да. К сожалению, это невозможно, строжайший. Место снято еще дедом Браунрота на семьдесят семь лет.

Бургомистр. Сушее преступление! Знаете, я хочу сам посмотреть контракт. Ключ от архива с вами? Гортензия, дитя мое, мы на минутку зайдём в ратушу... Может быть, и ты хочешь с нами?

Гортензия. Конечно, папа. *(Они уже на половине лестницы ратуши)*.

Ирнериус. Ваша милость, этот человек, кажется, имеет нам нечто сказать.

Бургомистр *(останавливаясь на лестнице)*. В самом деле?

Норберт *(подходит и вежливо кланяется, снимая шляпу левой рукой, правую он держит у груди сжатою в кулак)*.

Бургомистр. Канцлер, спросите, чего он от нас ожидает.

Ирнериус *(Норберту)*. Что вам угодно от его милости?

Норберт. Ваша строгость. Я часовщик из Нюрнберга, меня зовут Норберт Вестениус, и я совершаю теперь свое мейстерское путешествие.

Бургомистр. Продолжайте, мейстер.

Норберт. Три месяца тому назад я выдержал свое мейстерское испытание. Моим учителем был знаменитый гормахер Теобальд Гаклендер, который и признал меня способным делать всякого рода часы. Так как я узнал, что ваша строгость озабочены починкой часов вашей башни...

Бургомистр. Ах, вот в чем дело!

Норберт *(неловко доставая левой рукой пачку бумаг из кармана)*. Вот мои документы... Тут же и мой мейстерский диплом. *(Подает пачку бургомистру)*. Итак, я прошу вашу милость доверить мне исправление городских часов... Да вот еще... *(Снова ищет левой рукой в кармане)*.

Гортензия *(роняет свой молитвенник на ступеньки)*. Ах!

Норберт *(быстро наклоняется и, забывшись, поднимает книжечку рукой)*. Ах! *(Подает книжечку Гортензии)*. Простите, фрейлейн... *(Ладонь его в крови, которая попала и на молитвенник)*.

Гортензия. Боже мой! Ваша рука в крови! Вам больно, мейстер! *(Взволнована)*.

Норберт *(смущенный)*. Простите, фрейлейн... я... я... случайно порезался... стеклом...

Бургомистр (*рассматривая документы*). Вы правы, мейстер. Мы как раз нуждаемся в искусном часовщике... Канцлер Ирнериус, посмотрите, пожалуйста, эти документы. (*Отдает ему бумаги*). Да, мейстер, дело это давно назрело и...

Клаибер (*Карфункелю*). Так и есть. Держу пари — будет проповедь.

Гортензия (*достав из сумочки красивый белый платок*). Папа, позволь мне перевязать мейстеру гормахеру руку.

Бургомистр. Да, дитя мое. Почти несомненно, что Совет примет ваш... ваше предложение, мейстер... да...

Гортензия (*смущенная*). Дайте вашу руку, мейстер. (*Спускается ступенькой ниже*).

Норберт (*поднимается на одну ступеньку*). Фрейлейн, стою ли я такой милости... (*Протягивает ей ладонь*).

Гортензия. Вот так... (*Склонившись к Норберту, перевязывает ему ладонь своим платком. Она смущена и взволнована, щеки ее пылают и руки дрожат. Эта группа остается в центре внимания в продолжение следующей затем речи бургомистра*).

Бургомистр. Да... так вот... мейстер, мне бы хотелось, любезный мой гормахер, сказать вам несколько слов... по этому поводу... Городские часы! (*Постепенно увлекаясь*). Там на высокой башне, спокойные и величавые, ткут они бесконечную одежду времени и смотрят оттуда приветливым взором на наши суетливые улицы, на горе и радость нашего города. С этой самой башни услышим мы и утреннюю их песню, и вечерний призыв, и тихую полночную молитву... Городские часы! Звонко отметят они и минуту рождения и тот торжественный час, которого не избежит ни один из нас. Да, гормахер, я желаю вам успеха и силы — пусть эта новая душа, которую вы вдохнете в старое тело часов, дышит сочувственно лучшим...

На этом месте речь вполне овладевшего темой бургомистра прерывается шумным появлением Вероники, которая только что вошла на площадь в сопровождении отца.

Вероника (*придерживая шлейф, направляется к лестнице, на которой стоят бургомистр, Гортензия и Ирнериус. Норберт с перевязанной ладонью стоит у начала лестницы. Громко Мусселиусу*). Что такое, папа? Узнай-

те, пожалуйста, что здесь случилось, и почему этот господин бургомистр занял всю лестницу... Можно нам пройти?

Мусселиус. Э... эмм... Вериночка, дитя мое, не кричи так громко... Я сейчас...

Бургомистр (*нервно*). Э... вот любезный коллега... как раз... да... видите ли, этот молодой человек беретса исправить наши... того... наши часы. Да, так вот я... э... я хотел предварительно разъяснить ему... э... всю важность... да... Фрейлейн Вероника... (*Уступая ей дорогу*). Тысячу извинений.

Вероника. Разве вы не видите, папа, что над вами опять смеются... Господин бургомистр один решает дела, подлежащие компетенции всего Совета... Да еще о часах. Вы ведь помните параграф 11-й Статута, по которому дела, касающиеся ратуши, должны решать in consilio в обоих Советах. (*Небольшое замешательство. В группе зрителей движение*).

Клайбер. Aga! Aga! Какова Вероника. Теперь она доберется и до Гортензии. Ставлю бутылку ротфала, что будет скандал.

Карфункель. Увы. Есть кремень, но нет хорошей стали. Если и будет искра, она погаснет в этой сырости. А!

Мусселиус. Э... э... но, Вериночка... э... я...

Ирнернус. Faceat mulier in ecclesia, это правило следовало бы распространить и на площади — forum.

Вероника. Ну, что же, папа.

Мусселиус. Но, Вериночка... э... право, неловко... (*Набираясь храбрости*). Э... в самом деле, коллега. Э... Того... Да... Я, как старший ратман... И мне кажется, что вы немного поторопились с вашими... да... э... разгл... получениями... да... (*Бургомистр выпрямляется и делает жест*). Э... то есть я хотел только сказать... вот и Вериночка... Я что же... я, конечно...

Бургомистр (*резко, с достоинством*). Все это прекрасно. Но пока еще я, благодарение богу, бургомистр и сумею поступить согласно своему праву и достоинству... и своему высокому сану... не слушая женских толков... Итак, любезный мейстер, я... (*Гортензия боязливо принимает к отцу*).

Мусселиус. Вериночка, дочь моя... (*Пытается предложить ей руку*).

Вероника (*гневная и прекрасная*). Оставьте меня,

папа... Пойдемте, нам неприлично здесь оставаться. Предоставим бургомистру совещаться о городских делах с первым встречным на лестнице ратуши. (*Гордо подняв голову, поворачивается спиной к группе на лестнице и направляется прочь. На мгновение она останавливается перед Норбертом, который забывает посторониться и смотрит на нее во все глаза в безмолвном восхищении*). Кажется, и здесь нельзя пройти. (*Норберт, очнувшись, уступает дорогу*). Я думаю, папа, что в этом городе благородной девушке лучше не показываться на улице. (*Уходит. Мусселиус следует за нею с виноватым видом*).

Клайбер. А! Как вам нравится эта беззащитная девушка!

Норберт (*взволнованный*). В глазах у меня оранжевые круги, как если бы я посмотрел на солнце. Она упала на моем пути, как молния — ослепительная и внезапная...

Бургомистр. Итак, мой любезный мейстер... (*Тяжело дышит*). Э... да... что, однако, я хотел вам сказать...

Гортензия (*Ирнериусу*). И за что она так меня ненавидит? Если бы вы знали, канцлер, как она на меня посмотрела, уходя. Хорошо еще, что я не надела сегодня своей цепочки с золотым репейником!

Ирнериус. Она не может простить вам вашего первенства, фрейлейн. Вы, а не она — первая дама в городе.

Бургомистр (*лаская дочь*). Я думаю, канцлер, что вы не вполне точны. Фрейлейн Вероника желает быть в нашем городе не первой дамой, а скорее первым мужчиной. Итак, мейстер, ваши документы останутся у нас. Мы их рассмотрим с канцлером Ирнериусом... да... и я думаю, что ваше предложение будет принято.

Ирнериус. Зайдите дня через три в ратушу, там узнаете окончательный ответ.

Норберт (*рассеянно*). Ответ? (*Очнувшись, вежливо кланяется*). Слуга вашей милости.

Бургомистр. Идем, дочурка. Идемте, канцлер.

Уходят в дверь ратуши. Последней идет Гортензия. У порога она на мгновение останавливается; как бы колеблясь, смущенная, она вынимает букетик гвоздики из волос и делает легкое движение в сторону неподвижно стоящего на прежнем месте Норберта. Гортензия вздыхает и уходит в дверь ратуши, склонив уста к гвоздикам, дрожащим в ее руке.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Ночь прерванной сказки

Узкая Магистратская улица в Ротштейне. Справа дом Мусселиуса с высоким крыльцом. В глубине улица замыкается невысокой стеной с низкой стрельчатой дверью налево. В нише возле двери икона с лампадой. Позади стены видна в перспективе часовая башня. Ближе к авансцене посредине фонтан-колодец в виде готической башенки, окруженной восьмигранным парапетом на ступенчатой площадке. Ранний вечер.

Через дверь в стене входит бургомистр, Мусселиус и Ирнериус, продолжая беседу.

Бургомистр. Я знаю, вы, коллега Мусселиус, тоже подавали свой голос против меня, но у вас по крайней мере определенная цель. Ну, скажите, пожалуйста, канцлер, разве двести десятин городской земли не пропадает даром? По прихоти и к выгоде одних Гольмейеров. Ну, я еще понимаю Гольмейеров,— а остальные? Неужели же этот серьезный вопрос может служить предметом шуток какого-нибудь осла, вроде...

Ирнериус. Успокойтесь, дорогой magister. Писание говорит: «Не советуйся с женой о сопернице ее и с боязливым о войне».

Бургомистр. Может быть, вы и правы, канцлер. Но скажите мне, канцлер, неужели человеческая ревность одинаково поднимает свою змеиную голову и в такой благоуханный вечер? Вы заметили, Мусселиус, этой весной вечерняя звезда загорается с такой красотой, какой я не запомню за всю мою жизнь. Нет, я не могу больше думать ни о городских виноградниках, ни о новых налогах...

Мусселиус. Имею честь кланяться... Спокойной ночи.

Бургомистр. Ах, это ваш дом? Знаете что, любезный коллега, вчера я начал разливать бочку истрийского вина, которое мне прислали кузены в подарок. Мы с канцлером намерены выпить бутылочку, не окажете ли и вы нам этой чести, я не буду хвастаться, но, право...

Мусселиус (*посматривая на дверь своего дома*). Э... эммм... конечно... глубокоуважаемый magister, гм.... э... я...

Бургомистр. Вы, так сказать, усилите наш состав знатоков. Стойте, канцлер, я как раз вспомнил хорошее латинское правило на этот счет... О том, что необходимо три лица для всякого хорошего занятия... а... да... tres... tres... (*Щелкает пальцами*).

Ирнериус. Tres faciunt collegium.

Бургомистр. Вот именно! Этот канцлер — сушая книга! Итак, дорогой советник, видите, вы побиты даже по латыни, ergo...

Мусселиус. Что же... я... конечно... не прочь... только... (*Дверь дома Мусселиуса растворяется, и выходит Вероника — гневная, нарядная и прекрасная. Мусселиус испуган*). Э... да... (*Принимая важный вид, громко*). Благодарю вас, господа. Но у меня нет времени пить вино. Да. Дома меня ожидают более важные обязанности. Да, именно, нежели... Имею честь кланяться. (*Бургомистр и Ирнериус вежливо снимают шляпы перед Вероникой, которая холодно кивает им головой в ответ*).

Мусселиус (*вздыхает*). Прощайте, господа.

Бургомистр. До свидания, коллега Мусселиус... Фрейлейн Вероника... (*Ирнериус молча кланяется. Оба уходят налево*).

Мусселиус (*быстро*). Неправда ли, какой прекрасный вечер, Вериночка? Знаешь, этот дурак бургомистр опять отличился на совете. Что ты на меня так смотришь, Вериночка? Неправда ли, какой прекрасный вечер...

Вероника. Стыдно! И это человек, за которого стоит половина Ротштейна! Боже великий! Неужто ваше мужское сердце никогда не бьется радостью славы и борьбы, а ваша ладонь не сжимается желанием власти и силы, как на эфесе меча или на древке знамени! Разве не естественно в ваши годы стремиться к почету и власти,

к вишневой мантии и золотому посоху. Не вы ли этого сами хотели, вы ведь мужчина, патриций, Мусселиус, отец мой, наконец! Из-за стакана истрийского вина вы были готовы забыть свою честь, свою гордость, свой долг перед городом, готовы были пойти на зов вашего противника, вашего злейшего врага! Вы, чьи предки заслужили золотой репейник Одерменнига!

Мусселиус (*чешет за ухом*). И нужно ж ей было подвернуться... Но, Вериночка, уверяю тебя...

Вероника. Из-за стакана истрийского вина!

Мусселиус. Но, Вериночка... Далось ей это вино. Положим, что тут не стаканом пахло.

Вероника. Из-за стакана истрийского вина! И когда же... Неужели вы могли забыть, что как раз сегодня к нам должны собраться преданные вам люди. Некоторые будут в первый раз... Творец милосердный! Неужели это вас несколько не занимает, вас, будущего бургомистра? Вас, на кого...

Мусселиус. Но, Вериночка... я же, право... я бы вернулся, я... я... О, господи! И какой я у чорта бургомистр. Прости господи!

Вероника. Идите... (*Мусселиус поспешно входит в дом*). Святые архангелы! Я ведь только девушка, бедная, слабая девушка... (*Садится на перила, подчинившись минутной слабости и закрывает лицо рукой. Потом встает и уходит в дверь дома*).

Минуту сцена пуста. Темнеет. В домах зажигаются огоньки. С башни доносится несколько жалобных нот скрипки, возникших на одно мгновение. Красноватый огонек вспыхивает в окне башни. Музыка вечерних звуков. Появляется бледный молодой месяц.

Гортензия тихо выходит из той же двери в стене. Прильнув головой к нише с иконой, она остается неподвижной в безмолвной молитве. Отойдя, она медленно проходит через сцену. Снова несколько тактов мелодии.

Гортензия (*останавливается у фонтана*). Опять эта скрипка... Как неразумно отдаваться этим мыслям, Гортензия! Это очень дурно... очень нехорошо... и сладко... (*Вздыхает. Вынимает розу из волос и, обмакнув ее в воду бассейна, любится игрой брызг в лучах месяца*). Тогда я так и не решилась дать ему гвоздики... Впрочем, он ничего и не видел. (*Открывает кран, фонтан бьет, сверкая в лучах месяца*). Как сверкают эти звонкие капельки в золотых лучах месяца! Они бегут и возвращаются

снова в непрерывной пляске, загораясь как горсть алмазов в хрустальной чаше, и каждая алмазная капля, вспыхнув на одно мгновение, кажется далекой сверкающей бездной, в которую так сладко и жутко глядеть.

Эрна (выходит слева, в руке у нее корзинка). Это вы, фрейлейн Гортензия? Что вы тут делаете?

Гортензия. Ничего, Эрна. Я загляделась на брызги фонтана. Почему всегда так хочется смотреть и смотреть без конца на волны и пену волн, на бегущие облака, на клубы дыма и даже на пламя в камине. Никогда не устаешь глядеть на все, что течет и течет... Откуда ты, Эрна?

Эрна (смеется). Я тоже смотрела целый день на то, что течет. Иори разливал вино у советника Таубе. Знаете, фрейлейн, сегодня опять собрание у Мусселиусов. Иорг тоже идет.

Гортензия (со страхом оглядывается на дверь Мусселиусов). Эта Вероника... как она меня ненавидит... И что я ей сделала? Она не хочет, чтобы я носила золотой репейник Одерменнига, а ведь репейник дали и Раммингерам, не только Мусселиусам. Как она ревнива! Канцлер Ирнериус говорит, что она желает быть первой дамой Ротштейна. И правда, она стоит этого. Она так прекрасна — настоящая принцесса.

Эрна (целует ее руки). Вы в тысячу раз лучше, моя девочка, моя милая девочка...

Гортензия (лаская Эрну). Может быть, и я хороша, но не так. И золотой репейник Одерменнига ей больше к лицу, чем мне или фрейлейн Бродбек. Скажи мне, Эрна... *(Прижимает ее ладони к своим щекам).* Можно меня полюбить? Знаешь, папа мне купил мехельнского бархату с гранатным узором... прелесть! Может быть, в нем я буду лучше...

Эрна. Какие у вас холодные щечки... Разве вас можно не любить? Для вас еще настанет розовая ночь, в которую вы расцветете еще краше... А пока идемте домой, дорогая фрейлейн, я провожу вас.

Гортензия. Да, пора домой. Папа ждет к ужину. Смотри, как приветливо мерцает огонек на башне... Там живет мейстер, который... *(Обнимает и горячо целует несколько раз Эрну).* Ах, Эрна, как прекрасен божий мир! Как сладко жить и...

Эрна (прикладывая палец к губам). Идемте, фрей-

лейн... Этот фонтан может нас подслушать — фонтаны болтливы.

Гортензия. Если бы ты не пришла, я бы все сказала фонтану... *(Обе идут налево)*. На моем молитвеннике пятна его крови... И вот мечта о нем тревожит мое бедное сердце и в то время, когда я шепчу святые слова молитвы... А он отдал бы всю свою кровь для нее одной... Я это знаю... *(Уходят)*.

Темнеет. Слева входят советники Бродбек и Мейлен.

Бродбек. Но ведь, избавившись от Раммингера, мы заполучим... *(понижая голос)* такое сокровище, как эта Вероника... Не попадем ли мы, как говорится, из огня да в полымя? Если с Раммингером нет сладу, то я вам скажу, и Веронику... *(Спотыкается)*. А, чорт, какие-то камни... Осторожнее, коллега... И Веронику голыми руками не возьмешь. Стойте, у меня развязался башмак... *(Поправляет башмак)*.

Мейлен. Раммингер — бургомистр, он у нас поперек дороги, — а что такое Вероника? Если она и будет дергать за веревочку старого Мусселиуса, то, во-первых, бургомистр, которого можно дергать за веревочку, отличная штука, а во-вторых, баба все-таки баба, хоть она там и Вероника.

Бродбек. Может быть. Не нравятся еще мне эти цехи. Наворожим на свою голову.

Мейлен. Цехи, коллега — это орешек крепче Раммингера. Рано или поздно это мужичье сядет нам на голову. Вероника думает их приручить, пока они еще не научились кусаться. Умная она все-таки девочка... не зарвалась бы только. Ну, идемте, однако. Надеюсь, ужин будет хороший. *(Стучит)*.

Бродбек. А не лучше ли того... черным ходом? А?..

Мейлен. Ну, идемте... *(Уходит)*.

Бишер и Клайбер входят за минуту перед этим.

Клайбер. Туда же, куда и мы. Один, кажется, Бродбек, а...

Бишер. В сущности, какая нам корысть выбирать ее отца?

Клайбер. Если мы будем верны, она нас не забудет. Кажется, ясно. Она клялась своим золотым репейником Одерменнига — это ведь серьезная клятва.

Б и ш е р. Слышал, слышал. Звонкие обещания. К тому же бургомистр будет Мусселиус, а не Вероника. Так и репейник заслужила не она, а предки папы Мусселиуса.

К л а й б е р. Она обещала, что в Совете будет половина наших.

Б и ш е р. Старая присказка учит,— кто говорит с одной женщиной, того обманывает одна женщина, а кто с тремя, того обманывают три. Идем, конечно. (*Стучится*).

К л а й б е р. Если ты не веришь Веронике, зачем же ты идешь?

Б и ш е р. Чем я рискую? Да, если на то пошло, для Вероники не жаль и рискнуть. Одно дело рассуждать, а другое... Вероника!.. Говорить с ней, чувствовать себя с ней связанным... это чего-нибудь стоит! Я уверен, что половина наших мастеров верят ее улыбке, а не ее речам. В этот репейник не мы одни попадемся. (*Входят*).

Пауза. Несколько человек один за другим молча входят в дверь Мусселиусов. Б р а у н р о т и К а р ф у н к е л ь выходят из двери в стене.

Б р а у н р о т (*преклоняя колени перед иконой*). Святая владычица! Осени нас твоим покровом.

К а р ф у н к е л ь (*отворачивается*). Идемте же. Видите, мы опоздали. Будет нам кланяться.

Б р а у н р о т. Это уж мое дело, господин гормахер. Я ведь не черно книжник, а добрый христианин.

К а р ф у н к е л ь. Хорошо, хорошо. Объясните это вашему попу. Я этим не интересуюсь. (*Стучится к Мусселиусам*).

Б р а у н р о т (*тихо*). Тебе бы на чортовой карусели кататься с ведьмами... ночью возле виселиц.

К а р ф у н к е л ь (*спокойно*). А что же, это довольно приятное занятие. Хотите, я вас как-нибудь покатаю? Есть прехорошенькие! (*Смеется*).

Б р а у н р о т (*пораженный, отступает с крыльца и крестится*). Святая Екатерина! Откуда вы узнали, что я подумал!

Дверь открывается.

К а р ф у н к е л ь. Идите, идите... Некогда разговаривать. (*Входят*).

Входят В е р х о д у й с колодой карт в руке и два ночных сторожа.

Верходу́й. На первый раз я вас только оштрафую. Но знайте, что если вы снова попадетесь...

1-й сторож. Ваша милость!..

2-й сторож. Почтеннейший господин Верходу́й! Отыграться хотел, ваша милость... днем еще начали.

Верходу́й. А! Вот как! Я хотел оштрафовать вас по двадцати грошей, а теперь оштрафую по сороки... по сорока... тьфу, по соро... (*Задумывается*). Чорт возьми, как правильнее сказать... по соро...

1-й сторож. По сороке?

Верходу́й. А! Так вы еще смеяться, негодяи! Хорошо же! Чтобы избежать ошибки и выйти с честью из этого грамматического затруднения, я оштрафую вас по пятидесяти.

2-й сторож. Ваша милость!

Верходу́й. Молчать! Ночные сторожа должны днем спать, а не...

1-й сторож. Явите божескую...

Верходу́й. Довольно! Ступайте по местам, канальи! Я вас научу сторожить! Если только я убежусь... убежусь... Тьфу! Ступайте по местам. (*Оба сторожа уходят*). Убеждаюсь... тьфу! (*Задумывается*). Поистине, *ars longa—vita brevis est*— жизнь коротка, а грамматика бесконечна. (*Вздыхает*). Теперь меня сделали исправляющим должность смотрителя ночных сторожей... Неужели я так и не дождусь приличной должности? Я единственный ученый человек во всем городе, и вот! Ах, какое несчастье иметь образованный ум и тонкие чувства в наше грубое время. (*Идет к двери в стене, но останавливается, видя выходящего из нее Норберта. Норберт медленно направляется к фонтану, не замечая Верходуя*).

Норберт (*видит Верходуя*). Кто тут?

Верходу́й (*выходит из тени и кланяется*). Честь имею кланяться, господин Вестениус. Добрый вечер.

Норберт. Вы меня знаете? Я никогда вас не видел.

Верходу́й. О, я давно хотел познакомиться с вами. В наше грубое время все образованные люди должны протянуть друг другу руки. Верходу́й, чиновник магистрата.

Норберт (*рассеяно*). Чиновник магистрата? Рад вас видеть. (*Садится на край парапета фонтана*). Разве наше время так грубо?

Верходуй. Ужасно! Образованному человеку дают самые неподходящие должности!

Норберт. Неужели... ваша должность...

Верходуй. Я... я... видите ли... начальник... да, начальник местной стражи... А между прочим, я почти доктор грамматики.

Норберт. А, стало быть, вы — комендант?

Верходуй. Да... То есть почти... Э... я, видите ли, смотритель ночных сторожей.

Норберт. Да? Ну что же, это ведь тоже почтенная должность. Итак, вы охраняете сон этих тихих улиц? Песня ночного сторожа! В глубокий час полуночи она проникает в безмятежную тишину девичьей спальни. Нежная, как ландыш, девушка, розовая от сна и теплоты постели, улыбнется привету далекой мелодии. Сладко вздохнет, откроет глаза и снова уснет такая же безмятежная.

Верходуй (*шумно вздыхает*). Ах! Вы затронули, мейстер, самую чувствительную из всех струн моей души!

Норберт. О, прошу извинения!

Верходуй. О, напротив. Видите, имея основание предполагать... словом, я хотел... того... именно, как вы говорили... Девушка вздохнет и улыбнется.

Норберт. Девушка... Какая девушка?

Верходуй. Ах, я так волнуюсь. Я... я... влюблен. Несмотря на свою образованность, я очень, знаете, робок... К тому же, эта барышня... словом, я еще не признался ей... Мне все, знаете, давали разные неприятные поручения: то к цехам иди на заседание, то мазуриков стереги, то акциз проверяй. Да... Но вот, когда меня сделали смотрителем ночных сторожей и здания ратуши, мне пришла в голову одна мысль. По долгу службы я часто не сплю по ночам... и... и пишу стихи... давно уже... Так вот, мне пришло в голову, что я мог бы заставить ночных сторожей петь иногда вместо старых их песен новую моего сочинения. Оставалось только сочинить подходящую серенаду, в которой бы восхвалялась прелесть моей барышни, а также говорилось и о моей любви — таким образом, я бы прославил и себя и мою барышню. Именно, как вы говорите: ночью девушка услышит — это она, понимаете, — улыбнется, перевернется и опять заснет... А?

Норберт (*улыбаясь*). А! Словом, вы хотели воспеть вашу даму, так сказать, на казенный счет? Ну, и что же? За чем остановка?

Верходуй (*вздыхает*). Ах! Я сочинил целую кучу ночных песен, из которых каждая могла бы растрогать даже каменного Роланда возле ратуши. Но увы, все, что я на этот предмет сочинил, выходит немного длинно. Подумайте, все мои чувства должны уместиться в четырех строчках! А между тем, как я ни старался, у меня вышло сначала 67 строчек, затем 54 и только на днях мне удалось сократить до 26. Не можете ли вы что-нибудь мне посоветовать?

Норберт (*смеясь*). Увы! Я никогда не был поэтом. Попробуйте еще сократить.

Верходуй. Благодарю вас, мейстер. Однако, мне пора. Я очень рад знакомству с вами. Знаете, здесь просто не с кем слова сказать. До свидания, мейстер. Попробую еще сократить.

Норберт. До свидания. (*Верходуй уходит*). Что за потешный повелитель ночных сторожей... В конце концов его забота немногим забавнее моей. О, моя песня!.. Мне чудится, что я всегда знал эту сказку, мне верится, что это по ней так мучительно сладко тоскует моя душа в такую чудесную ночь... Как звенят и искрятся эти алмазные капли фонтана! О чем ты шепчешь, фонтан? Может быть, ты знаешь песню, ту песню?.. А! Это сон или греза? Что за странное сияние струится вместе с этими брызгами... музыка... Нежное пенье скрипки... вздохи гобоев... Лунный свет на звонких плитах... шелест платья, легкие и быстрые шаги. Прекрасная девушка идет по истертым ступеням... (*Из дома Мусселиуса доносятся возгласы и шум разговора*). Что со мной... Сказка исчезла... (*Проводит рукой по глазам*). Должно быть, я задремал. Одно мгновение мне казалось, что я услышал в этом плеске песенку... Песню в бокале... (*Встает и сходит со ступенек*). Эта песня не дает мне покоя... И к чему я здесь остался? Это ее дом — не здесь ли ответ... Там гости... шум... А! Кто-то идет.

Эрна (*быстро входит слева*). Ай! Кто тут?

Норберт. Моя дорогая трактирщица... я испугал вас?

Эрна. А, это вы, мейстер с часовой башни! (*Смеется*). Ну, что же, скажите, нашли вы песенку... Песенку в хрустальном бокале?

Норберт (*серьезно*). Увы, нет! Минуту назад мне показалось, что я уловил ее в плеске фонтана, но...

Э р н а. А... Фонтан этот знает одну сладкую тайну. Неужто вы ее узнали?

Н о р б е р т. Нет. В тот самый миг загремели стулья в этом доме, и я проснулся.

Э р н а. Вот как! А вы знаете, кто и что сейчас в этом доме?

Н о р б е р т. Конечно, знаю. Здесь живет... А, не будем говорить об этом... Здесь живет девушка.

Э р н а. Здесь собрание врагов бургомистра. *(Лукаво)*. Мой муж тоже здесь. Собрание, должно быть, затянется.

Н о р б е р т *(сразу меняя тон)*. Да? Знаете что, моя дорогая трактирщица... *(Берет ее руку)*. Когда я был подмастерьем гормахера, не было ни одного вальса, ни одной драки, в которых бы я не участвовал. Сладко слушать лепет фонтана, но иной раз захочется просто подраться или поцеловать веселые губки. *(Наклоняется к Эрне)*. Там на башне у меня есть скрипка. Мы пойдем на башню... Я сыграю тебе песенку, у которой есть конец... *(Обнимает ее плечи)*. Упоительный, сладкий конец.

Э р н а. Боже мой... Разве я виновата... *(Закидывает ему руки на шею и целует)*. Кто-то идет... скорее!

Н о р б е р т. Бежим! Спокойной ночи, фонтан! Я снова подмастерье! *(Уходят в дверь в стене)*.

Бургомистр и Ирнериус возвращаются слева, продолжая беседу.

Бургомистр. Но когда я думаю о ненависти патрициев, я все-таки ощущаю некоторую гордость — я заслужил эту ненависть в честных боях. Последний раз, когда я добился ключей от тайной камеры, помните, как они скрежетали зубами? О, они хорошо помнят и городскую печать, и ключи от ворот, и налог на виноградники! Особенно налог! Но цехи! Цехи!.. Разве я не знаю, что... *(горько)*, что у фрейлейн Вероники чуть не каждый день собираются именно цехи. Что я сделал мастерам? Как часто я хотел воспитать на зло бюргерам их слепую растущую мощь. И что же, — всякий раз отпор тупой и холодный... В конце концов это толпа — *vulgus* — и вот их суд. Разве они оценили мой новый налог? Мою борьбу с Советом? Если я сделаю что-нибудь хорошее, тотчас же спрашивают: «Кто это ему посоветовал?» Стоит мне ошибиться — и снова готовый ответ: «Он не понял».

И р н е р и у с. Простите меня, *Magister*, когда вы доби-

вались, удар за ударом, ключей и печати и других преимуществ вашего сана, вы не заботились ни о черни, ни о патрициях. Тогда вашей настойчивости не могли помешать ни *burgenses honogatiores*, ни *vulgus*. Почему же теперь вы стали так нерешительны? И если фрейлейн Мусселиус...

Бургомистр (*мягко останавливая Ирнериуса*). Простите меня, дорогой коллега, все это так, и вы тысячу раз правы. Ах, эта фрейлейн Мусселиус! В эту дивную ночь я не могу говорить о ней, как о противнице! Какая ночь!.. Каждый атом дрожащего воздуха пронизан серебром и лазурью... Слышите это глубокое дыхание ночи, похожее на дыхание спящей девушки. Этот аромат жасмина, пряный и волнующий... Если бы вы знали, Ирнериус, как мучительно для меня это противоречие между моим сердцем и моим рассудком. Я знаю, что она ненавидит меня.

Ирнериус. Писание говорит: «Лучше открытое обличение, нежели скрытая любовь».

Бургомистр (*берет его руку*). Вы безжалостны, канцлер, да, я знаю, она не скрывает своей ненависти. Будем справедливы, канцлер. Вероника наш враг, она мне испортила немало крови, но, когда я вижу, как она входит в ратушу такая великолепная и в то же время такая соблазнительно женственная, я не могу сохранить своего достоинства, и мне начинает казаться, что я бургомистр только ее милостью.

Ирнериус. Простите меня, но в каждом деле может быть только одна правда. Если вы так убеждены в достоинстве Вероники, стало быть, плохо убеждены, *sit verba verbo*, в вашем достоинстве. Вы знаете и об открытой вражде и даже о тайной агитации Вероники... и... восхищаетесь, как посторонний наблюдатель. Если вы не заботитесь о себе, вам следует подумать о судьбе города, который, благодаря вашей... простите меня... слабости, может быть ввергнут в водоворот страстей.

Бургомистр (*грустно*). Вы неправы, канцлер. Если бы в каждом деле была только одна правда — легче бы жилось на свете. Идемте, я хочу проводить вас еще дальше. Я не могу заснуть так рано... в такую ночь... А ведь вы знаете, Ирнериус, ведь сегодня ночь святого Перегринна, о которой поется в этой песне. Да, да... Ночь святого Перегринна... О, эта ночь!

Ирнериус. «В такую ночь» у Мусселиусов опять собрание. Видите, свет в окнах. Я думаю, фрейлейн Веронику не поймал бы на разостланный плащ и сам этот фантастический певец! В ночь святого Перегринана она не думает об аромате жасмина. Теперь она, должно быть, приручает какого-нибудь старшину, от которого на три фута пахнет кожами или копченой рыбой. (*Уходит*).

Пауза. Входит ночной сторож с алебардой и фонарем.

Ночной сторож (*поет*).

Близок полночи глубокий час,
Я призываю к покою вас!
Граждане Ротштейна, тушите огни,
Спите спокойно, господь вас храни!

Медленно уходит. Песня повторяется вдали другим сторожем и, наконец, едва слышно. Та же мелодия повторяется и замирает где-то совсем далеко. Пауза.

Из дома Мусселиусов выходят: Бродбек, Мусселиус, Мейлен, Клайбер, Бишер, Браунрот, Карфункель, несколько ремесленников и бюргеров и Вероника. Гости прощаются с хозяйками.

Вероника (*каждому из гостей*). Прощайте. До свидания, дорогой советник, мой поклон вашей супруге. До свидания, глубокоуважаемый господин Обермейер, пожалуйста, не беспокойтесь о плаще — у нас ведь есть другой, точно такой же. До свидания, любезный гормакер. Мейстер Вальдейер, прошу вас, не забывайте нас, мне было очень приятно побеседовать с вами.

Гости. До свидания, фрейлейн Вероника! До свидания! Благодарю вас! Не беспокойтесь, пожалуйста! А вы остаетесь? Какая прекрасная погода. Нам с вами по дороге. Благодарю вас, фрейлейн. А знаете, в мае месяце...

Один из бюргеров (*другому*). Эти мужланы положительно не умеют ступить — видели, как отличился этот дурак Фюфнер, когда подавали форель с инбирем?

2-й бюргер. Мужик останется мужиком, будь у него хоть десять домов и три золотых цепи на животе. Я только удивляюсь фрейлейн...

1-й ремесленник. Знаешь, у меня крепко чешутся руки, когда я вижу близко эти поганые знатные хари. Не забежать ли нам вперед? А?.. с глазу на глаз... (*Смех и тихий говор в группе ремесленников*).

Вероника. До свидания, до свидания, господа. *(Тихо Клайберу)*. Клайбер, удержите, пожалуйста, мастера... Я хочу с вами проститься отдельно.

Клайбер *(тогда же отходит к группе ремесленников и тихо с ними беседует)*.

Бюргеры. Интересно знать, чего ждет это мужичье? Держу пари, коллега, что они собираются попросить себе пирогов на дорогу. Спокойной ночи! Спокойной ночи!

Общее движение. Патриции уходят часть налево, часть в дверь в стене. Мастера медленно идут направо.

Вероника. Папа, становится сыро. Идите в комнаты. Я хочу еще сказать два слова господам мастерам.

Мусселлиус. Хорошо, Вериночка, ухожу... *(Мастера возвращаются к крыльцу. Мусселлиус уходит)*.

Вероника. Я с умыслом задержала вас на несколько минут, мои мастера, потому что хотела отдельно сказать вам «спокойной ночи», как лучшим и верным друзьям.

Ропот восхищения в группе мастеров. Вероника говорит, стоя на первой ступеньке крыльца, окруженная тесным кольцом ремесленников. Она держится с большим достоинством, но иногда оттеняет его легкой фамильярностью, кладя, например, руку на плечо какого-нибудь слушателя. Тон ее слов хотя и торжественный, но с большой дозой интимности. Это ни в каком случае не речь, и только исключительность минуты и искусство Вероники сообщают ее словам характер некоторой ритмической законченности.

Да, мастера, вы — мои друзья, и ваша Вероника сдержит свое слово, если вы не измените ей в час испытания. Мастер Ульрих, дайте мне ваш меч. Его чистая сталь пусть будет зеркалом вашей совести. *(Принимает меч от Ульриха.)* Мастера! Все мы граждане нашего Ротштейна. Мы одинаково любим эти старые стены, эти камни, по которым ходили наши предки, и аркады ратуши и высокие башни собора. Если я держу этот меч в моей девичьей руке, то не для того, чтобы напомнить вам о ненависти и только о ней...

Внезапно на башне возникает мелодия скрипки.

Вероника *(сбивается и волнуется)*. Не для того держу я этот... *(волнуется еще более)* этот меч, чья чистая сталь... *(Мелодия обрывается. Вероника переводит дыхание)*. Но, мои верные мастера — эти мечи вы за-

калили в горниле трудов и обиды, эти мечи не даром висят у вас на бедре, как стальные укоры, спящие в покрытых плесенью ножнах вашего терпения — горе тому дню, когда... *(Мелодия возникает с новой увлекательной экспрессией. Вероника видимо волнуется)* станут... укоры... звенящей... *(Роняет меч, который падает с тихим звоном)*. Я устала, господа мастера... *(Проводит рукой по лбу)*. Я устала... Ваша Вероника... хотела еще сказать вам... да... но будем верны... не надо клясть. Спокойной ночи, мастера, прощайте. *(Отпускает их усталым жестом)*.

Р е м е с л е н н и к и *(тихо и почтительно)*. Спокойной ночи, фрейлейн... Спокойной ночи... Надеемся на нас... Мы ваши до смерти... Спокойной ночи, дорогая фрейлейн. *(Уходят)*.

Мелодия постепенно замирает.

М у с с е л и у с *(выглядывает из двери)*. Ты еще здесь, Вериночка? Ты не знаешь, кстати, где мои туфли?

В е р о н и к а *(нервно)*. Идите, папа! Идите же! Я сейчас приду. *(Мусселиус скрывается, Вероника, заламывая руки)*. С чего это я... Как это глупо, Вероника... В комнатах было слишком жарко, и я... *(Садится на выступ крыльца и погружается в задумчивость. Маленькая пауза)*. И как глупо по ночам играть на скрипках...

Б у р г о м и с т р *(возвращается через дверь в стене. Подойдя ближе, видит Веронику, отступает удивленный и смутившийся)*. Фрейлейн Вероника... доброй ночи... Фрейлейн Вероника.

В е р о н и к а *(сухо)*. Доброй ночи, господин Раммингер.

Б у р г о м и с т р *(нерешительно мнетя на месте)*. Какая... чудесная ночь, фрейлейн... не... не правда ли, фрейлейн. *(Вероника вздыхает и отворачивается)*. Если я не помешал... Если я не нарушу ваших мыслей, фрейлейн... быть может...

В е р о н и к а. Простите меня, любезный господин бургомистр, но я должна это сказать... Днем вы говорите мне дерзкие слова... а ночью не даете подышать свежим воздухом возле моего же дома.

Б у р г о м и с т р *(с укором)*. Фрейлейн... фрейлейн...

В е р о н и к а. Неужели вы думаете, что молодой девушке прилично оставаться на улице и беседовать с мужчиной в такую пору? *(Хочет идти и берется за ручку двери)*.

Бургомистр *(умоляюще)*. Одну минуту, фрейлейн. Я уйду, но позвольте мне сказать вам несколько слов. Не огорчайте меня таким образом, фрейлейн. Фрейлейн, разве я не знаю, что вы ненавидите меня всеми силами вашей гордой души. Я ведь знаю все, знаю больше, чем вы думаете. Я знаю, что вы хотите моего позора. Сколько упреков выслушал я от немногих верных мне людей за свою нерешительность... в борьбе с вами.. Я знаю и то, что вы возбуждаете цехи и гильдии. Я знаю, что у вас собираются.. И вот.. И вот я бессилен, фрейлейн, я бессилен поднять свою руку, а ведь я бургомистр... пока еще бургомистр, фрейлейн.

Вероника *(презрительно)*. И это все? Извините меня, я не понимаю, к чему эти угрозы... Если вы хотели...

Бургомистр. Фрейлейн, разве я угрожаю. Я ведь сказал, что бессилен против вас... Я, который испортил столько крови сильнейшим из наших патрициев. Канцлер Ирнериус говорит, что лучше открытое обличение, нежели скрытая... любовь. Ведь я же люблю.. я же люблю вас, фрейлейн, люблю так пламенно, так нежно...

Мелодия скрипки на башне.

Вероника *(зневная и взволнованная)*. Я... я... Я прошу вас, господин бургомистр... оставить меня... *(Тяжело дышит)*. Ваши друзья недаром упрекали вас в... трусости... Я бы хотела иметь более мужественного врага. Оставьте меня. *(Прижимает руки к вискам)*.

Бургомистр. Прощайте, фрейлейн. *(Уходит, не оглядываясь)*.

Вероника *(мгновение стоит задумавшись, затем спускается на одну ступеньку, но снова остается неподвижной)*. А! В сущности, так ему и надо! Чего я жду... Господи, опять эта скрипка.

Мелодия замирает.

(Гневно). И все этот противный бургомистр! Это он отравил мне весь вечер. У меня просто разболелась голова после всей этой кутерьмы... с этими мужиками. *(Идет к фонтану)*. Я освежу немного лицо брызгами и спать... спать... Ах! *(Отступает, видя Норберта, который за минуту перед этим вошел в дверь в стене и остановился у фонтана, не замеченный ею. Он в плаще, но без шляпы)*.

Норберт. Внимание, фрейлейн! Не пугайтесь, умоляю вас. *(Вероника делает движение испуга и гнева)*.

Умоляю вас, выслушайте до конца. Это старая сказка, которая начинает звучать всякий раз, когда месяц бросает две таких тени, как моя и ваша. Это лунные часы жизни, и не пытайтесь остановить их стрелки вашими нежными пальцами. Фрейлейн — я мейстер Норберт, гормахер, которого вы видели давеча на площади. С этой минуты моя душа не разлучалась с вами, и вот я люблю вас, фрейлейн, я люблю вас так же безумно, как прекрасна эта ночь, как неуволнима забытая песня, как невозвратна утраченная сказка. Я люблю вас, фрейлейн. *(Берет ее руку)*. И сладкая музыка этих слов поднимает мою душу к пределам небес, как звонкие трубы славы. Этот лунный свет, который так трепетно целует ваше платье, и неумолчный лепет фонтана, и бледные звезды... сладкий хмель... *(привлекает ее к себе. Вероника не может пошевелиться, как зачарованная)* этого кубка... счастье... радость... Я люблю каждую складку вашего платья, аромат вашего тела... теплоту груди... умереть здесь... у ног... *(задыхается)*, любить...

Вероника *(очнувшись, с гневом вырывается)*. Вы... вы... *(Не находя слов, с бесконечным презрением)*. Низкий и бесчестный безумец! Каким нужно быть бессовестным, чтобы броситься... ночью на одинокую девушку... и ломать ей руки... заставляя слушать бесстыдные речи. Это кажется неслыханной выдумкой... Я могла бы позвать слуг, но мне стыдно... стыдно за вас перед моим красивым городом. *(Идет к крыльцу)*.

Норберт *(преграждает ей путь)*. Ради вашего города! Заклинаю вас этой таинственной ночью! *(Снова берет ее руку, все с большей и большей экспрессией страсти)*. Я бессилён сказать вам все, чем упоена в этот миг моя душа... Для вас одной там, на башне, я играл те дивные песни, которые звенят в глубине моей души, на струнах, вами задетых. О да, прекрасен ваш город, но еще прекраснее любовь, еще прекраснее волшебный мир моих грез, и я унесу в этот мир тебя, затихшую и покорную, нежную и безмолвную... О, в эту дивную ночь прерванной сказки не оглядывайся в гулкой сумрак длинных и темных аркад... Доверься мне, и я унесу тебя *(он привлекает ее к себе, плащ соскальзывает с его плеч, и оба они наступают на упавшую ткань)* в волшебное царство, где все, как лазурь и золото, и аромат роз, и рыданье струн, и бесконечная ласка и боль, и...

Вероника после мучительной борьбы, дрожащая от противоположных ощущений, обессиленная, замирает у него на груди. Безмолвное объятие. Пауза.

Внезапно на башне возникает прекрасная мелодия скрипки.

Норберт (*выпрямляется ошеломленный*) Ты... ты... (*Задышается*). Ты слышишь там... на башне... на моей башне... эта песня. (*Рвет на себе ворот*). Да говори же, ты слышишь! Или я сплю, или я сошел с ума! (*В несказанном волнении*). О! Эта песня! Эта песня в бокале!.. Я слышу тебя — я иду! Сказка прервана, и если бы сам дьявол играл на моей скрипке, я иду! (*Почти грубо отталкивает Веронику и убегает в дверь стены*).

Мелодия продолжает звучать.

Вероника (*мгновение стоит неподвижно, затем шагает и тихо опускается без чувств на землю у ступеней крыльца*).

Мелодия обрывается.

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Келья на часовой башне

Высокая сводчатая комната на башне, которую замыкает широкий восьмигранный столб с вьющейся вокруг него и уходящей влево вверх лестницей. Направо окно, у окна стол с инструментами и частями часового механизма. Налево, ближе к авансцене, входная, окованная железом, дверь. Инструменты и части механизма на стене, табуретах. Скрипка и шпага в кресле.

Вечер. Лунный свет падает из окна и ложится золотистой полосой поперек комнаты. Сцена пуста

Норберт (*медленно спускается по винтовой лестнице. В руках у него лампа и молоток. Подойдя к столу, он кладет молоток и ставит лампу*). И там ничего нет. Ниша слева часов так же пуста, как и давешний выступ под лестницей. (*Берет лампу и молоток и подходит к многогранной стене у лестницы*). А все-таки эта стена не дает мне покоя. (*Стоит задумчивый, рассматривая скульптуру и рассеянно постукивая молотком по стене*). Это место над западным краем торжественной залы... Как узнать эту тайну?.. Проклятая песня!.. А! Листья репейника, листья одуванчика, как и на двери моего сновидения. Как причудливо гнутся они, оживая в трепетном свете лампы. Серый гранит опутан, иссечен хитрым узором... Здесь ли ответ моей тайны? Листья мака. А!.. (*В волнении*). Какая мысль! Да, конечно же, конечно! Пламя колеблется, пламя отклоняется от стены! (*Приближает лампу к стене, вода вверх и вниз вдоль орнаментов*). Как я был прав! Воздух проходит среди извилин каменных листьев... стена пуста — это ясно. Но где же ключ к этой стене? Да,

внутри пустота... *(Стучит молотком.)* Или снова я сплю и вижу сон... Быть может, и это сновиденье? *(Оглядывается.)* Как здесь жутко... Иной раз мне кажется, что я не просыпался с той поры, как пришел в этот город. Во сне я работаю... *(Идет к столу и ставит лампу.)* Во сне я брожу, как призрак, по башне и ищу русалочью песню... И неужто только во сне я... я поцеловал тогда... Разве могло это быть наяву? Теперь она уехала в монастырь на богомолье. А проклятая скрипка на башне! *(Стук в дверь. Норберт вздрагивает.)* Чортова песня, ради которой я убежал от своего счастья... Башня была пуста и дьявол не стал дожидаться, а ночь Перегринна минула. Сказка-моей любви была прервана на полуслове, как и та неуловимая песня. Два желанья живут в моей душе *(стук в дверь)*, и я не знаю, которое сильнее,— искать химеру на башне или целовать патрицианскую девушку в узкой улице возле фонтана... *(Стук в дверь)*. Кто там? *(Идет к двери)*. Этот поцелуй до сих пор горит у меня на устах. Неужто он никогда не повторится. *(Отодвигает засов двери, входит Эрна)*.

Эрна. Я уже думала, что вы и не впустите меня... Ты так холодно меня встречаешь, а между тем я... *(Целует Норберта)* едва дождалась вечера.

Норберт. Нет... я был... наверху. А... *(Проводит рукой по лбу)*. Просто я задремал... *(Целует ее)*. Здравствуй, Эрна. Какая ты нарядная сегодня!

Эрна. Слава богу, наконец-то! Разве ты не знаешь, что сегодня танцы в ратуше? Иори заведует угощением. Ты не пойдешь? Ты знаешь, от твоих дверей один пролет, один коридор — и зала, где танцы. Я думаю, ты должен слышать музыку. Хочешь, я принесу тебе марципанов. Мар-ци-па-нов? Да ну же, поцелуй меня. Боже, какой ты сегодня скучный! Вчера приехала Вероника, а завтра у Мусселиусов опять собрание. Бургомистр...

Норберт. Вероника... фрейлейн Вероника вернулась?

Эрна. Да. Разве тебе не все равно? Говорят, бургомистр из-за тебя опять поссорился с советом. Что твои часы? Иори говорит, что ты подписал условие. Правда это?

Норберт. Да, почти... Совет еще не утвердил моей сметы. *(Во время разговора они садятся; Норберт в кресло у стола, Эрна — на стол)*.

Э р н а (*ищет его ласки, нежная сцена*). Ну, проснулся ты? (*Поцелуй*). Ну, проснулся ты? Я думала, ты разогреешь кровь нашим девушкам, а ты, кажется, сам стал таким же целомудренным. Целый час мы сидим вдвоем, а ты до сих пор не поинтересовался узнать, какие сегодня я надела чулки для бала. (*Опускает ногу на ручку кресла*). Я уж и не говорю о лифе. Нет, ты, должно быть, позабыл, как поется до конца и эта песенка. (*Садится к нему на колени*). Хочешь марципанов? (*Смеется*). Мар... (*поцелуй*) ципань... (*Смеется*).

Н о р б е р т (*смеется*). Я, правда, как во сне, моя Эрна... Целый день брожу я по лестнице, как зачарованный. Теперь мне сдается, что и сказку о песне в бокале я знаю столько же времени, сколько живу на свете. Что мне снилось...

Э р н а. Целый день ты думаешь об одном и том же, вот и ночью эта песня не дает тебе покоя.

Н о р б е р т (*заставляя Эрну встать с его колен, встает сам с кресла*). Да, эта песня. Почему я хочу узнать эту тайну? Отчего не могу забыть этой сказки? (*Пауза*). Нынче ночью мне снилось, что я проник в подземелье, может быть, залу... Прекрасная девушка стояла в нише... На ней был венок из касатиков и платье с репейным узором. Когда я протянул к ней руки, она растаяла в гранитном кружеве ниши, и я увидел только, как застыли в каменном узоре упрямые листья репейника и кроткие касатики ее венка. Чья бесконечно любимая тень мелькнула мне в этом лице? Ее улыбка длилась одно мгновение, и в это мгновение я узнал столько счастья, столько муки — наслаждение, которому нет имени. Разве я могу рассказать! Камень вынуть из ниши... в ней, как и в сказке — шкатулка... и свинцовый ларец. И вот... и вот в моей руке загорелся дивный хрустальный бокал. (*Пауза*).

Снизу доносится музыка.

Я глядел в глубину сверкающей чаши, и вот подземелье исчезло. Вместо покрытых плесенью стен вокруг меня сплетались прозрачные арки, рдели мраморы и самоцветные камни и синело бездонное небо над тающими, как улыбка зари, колоннами. Я глядел в бокал, сиявший в моей руке. В нем не было песни, написанной на пергаменте — в сияющей чаше плескался золотистый огонь, расплавленный драгоценный камень. И чудесная, неземная

песня звучала из глубины бокала... В ту минуту я был творцом всей прекрасной земли... Я видел бег золотых звезд... Слышал музыку сфер... Не было тайны, которой бы я не ощущал раскрытой душой. Губы мои жадно тянулись к бокалу... и вдруг невыразимый ужас охватил мое существо, причастившееся источнику тайны. Может ли быть имя дерзости, на которую я решился... Я пошатнулся. (*Закрывает глаза рукой*). Ах, Эрна, какой ужас!

Э р н а (*берет его руки*). Ну полно, Норберт, мой милый Норберт!

Н о р б е р т. Пальцы мои... разжались. Синее пламя вспыхнуло. Все рушилось... Я проснулся с этой небесной мелодией, прекраснее которой нет ничего на свете. Еще сонный, я схватил скрипку. Конечно, я был бессилен... (*Берет скрипку*). Была ли то забытая песня рыбака или другая напетая песня—я не знаю. Я знаю только, что это была сущность всего прекрасного. (*Играет несколько тактов мелодии*). А!.. (*С досадой опускает скрипку*). Разве я могу? Теперь я верю словам старой сказки, Эрна. Да, кто найдет эту песню, тот сразу утолит все свои желания... тот не захочет более ни девичьих уст, ни светлого солнца... Она ведь так прекрасна, как лучшая минута любви, как звонкая музыка славы.

Э р н а (*нежно ласкает его*). Ну, мой милый мейстер, ну, мой милый мейстер...

Н о р б е р т. Ах, Эрна...

Э р н а. Прежде ты не говорил: «Ах, Эрна...» Прежде ты едва успевал говорить: «ах, Эрна, ах, Эрна», между поцелуями, ты сам знаешь, какими.

Н о р б е р т (*внезапно очнувшись, привлекает к себе Эрну*). Ты моя, Эрна... Ты... (*Страстно целует ее шею, волосы*).

Э р н а (*целует его, затем освобождается от его объятий*). Боже мой! О чем я думаю! Иори ищет меня по всей ратуше! (*Поцелуй*). Прощай, мой мейстер, до свидания. Завтра Иори уезжает с утра на виноградники. Приходи. Когда потушат огни, приходи.

Н о р б е р т. Да, моя Эрна. Прощай, моя Эрна. (*Идут к двери*).

Э р н а. Прощай. (*Поцелуй*). Так ты не придешь танцевать? Желая тебе лучше найти клад Одерменнига. Он ведь спрятан где-то в ратуше.

Норберт (*рассеянно*). Клад! Какого Одерменнига? Эрн а. Одерменнига. Разве ты не знаешь? Это ведь были фогты и князя Ротштейна, которых когда-то прогнали из города бюргеры. Когда им пришлось плохо.

Норберт. Бюргерам?

Эрн а. Да нет же, князю Одерменнигу — говорят, он был жестокий и умный князь. Вот они и припрятали свое добро в подвалах ратуши. Это ведь был их замок. Ну, прощай. Иори, наверно, точит нож, чтобы меня резать... вместо марципана. (*Поцелуй*). Смотри же, завтра! (*Отворяет дверь*). Слышишь, музыка. (*Уходит*).

Норберт. Какая могучая волна подхватила и почесла меня на своем высоком гребне. О Вероника! О Вероника! Видеть ее такой же близкой, ощущать так же властно, целовать так же дерзко! С доверчивой радостью улыбаться и ночи и утру! Да, кровь, закипевшая в жилах, снова вернула меня к жизни. Безумная песня, пусть тебя ищут другие! И подумать, что я мог плесневеть в этом жилище сов, в то время, как там... (*Подходит к окну и распахивает его*) в то время, как там, внизу, все так чудесно, так благоуханно. Вот доносится с легким дыханием ветра аромат роз и жасминов. Там, внизу, где голубой свет месяца чеканит каждый камень мостовой и каждую чечевицу окошка,— там, быть может, неизведанное желание волнует грудь патрицианской девушки. Какое бесконечное счастье знать ее дом, проходить ночью мимо ее окон. Две свечи горят перед зеркалом, Вероника одевается для танцев в ратуше. Вероника надевает узкий лиф с двумя цветками мака, и каждый серебряный цветок тесно прильнет к нежной округлости груди. Эта грудь теперь раскрыта, и тихое пламя свечей любовно рисует две чудесные тайны своей золотой кистью. Вот она идет по звонким плитам ратуши в сумраке галерей, здесь, под самими пролетами моей лестницы. Затаив дыханье, ждать ее легких шагов... забежав вперед, бросить плащ под ее ноги, целовать ее следы, плакать, смеяться... О, эта ночь! Золотой узор любви, сладкий хмель приключения! (*Берет плащ и шапку*). Да, я иду к тебе, Вероника... моя Вероника... А этот поцелуй... Я отдам жизнь за то, чтобы он повторился, и клянусь дикой охотой (*идет решительной поступью к двери*), никакая химера, никакая песня не оторвет меня в другой раз от этих драгоценных уст!

(Сталкивается в дверях с входящим Карфункелем. Небольшая пауза).

Карфункель. Боюсь, что я помешал вам, любезный коллега. Вы куда-то собрались.

Норберт. Да... нет... я... рад вас видеть, почтеннейший гормахер. *(Отступает от двери)*. Войдите, прошу вас. *(Кладет плащ и шпагу на кресло)*.

Карфункель. Быть может, вы спешите, коллега? Я могу навестить вас в другой раз.

Норберт. О, нет. Я хотел только подышать свежим воздухом.

Карфункель. Здесь в Ротштейне? В молодости я был охотником, мейстер, увы, с тех пор рука моя ослабела и сердце стало робким. Вот почему я сижу здесь, ожидая попутного ветра. Увы! Здесь не бывает ветра — остается его посеять.

Норберт. Вы говорите странные вещи, мейстер. Прошу вас, садитесь.

Карфункель. Я слышал, что ваша работа подвигается весьма успешно. Ваша мастерская не здесь?

Норберт. Горн и все верстаки я устроил ярусом выше... ближе к часам.

Карфункель. Да... да... *(Рассматривая одну из лежащих на табурете частей механизма)*. О, вы недаром получили ваш диплом в Нюрнберге. Вы искусны, искусны, гормахер. Но что это?

Норберт. О, это только пробная часть. Там наверху я уже изготовил другую. Не судите по этой о моей работе, прошу вас.

Карфункель. Но ведь это не похоже на коромысло. Или вы изменили механизм?

Норберт. Да, я изменил многие части. Вот видите ли, вместо коромысла будет это, то есть не только это, еще несколько частей. Когда механизм будет готов, я покажу вам, как я это сделал. О, если Совет разрешит мне смету, я сделаю часы! Подобно дивному механизму вселенной, все в них исчислено, все разнообразно в частях, гармонически едино в целом! Я вижу великолепный круг, на котором убегающие мгновенья жизни отмечены золотыми звездами. *(С важностью)*. Бурный порыв спирали обуздан стройным порядком искусства, укрощен постоянным ритмом спуска, похожим на биение сердца. Золотые сферы свершают свой предначертанный ход,

указывая путь и направление времени, а двенадцать домов Зодиака объясняют таинственный смысл бесконечности, отраженной в малом ее подобии. Возле круга я вижу темные углубления дверей и прозрачные галереи — узкая сцена, на которой важно проходят старинные маски торжественной комедии жизни. Смерть звонит в колокол и петух поет свою песню в то время, как апостол отрекается от учителя. Рыцарь мчится в погоне за счастьем и смерть поджидает его у разрушенного моста. Мне сладко думать об этой работе, мейстер, и я ее совершу, если только совет утвердит мою смету.

Карфункель. О, если так, вам придется работать и днем и ночью. Тут уж некогда будет думать о городских барышнях. (*Становится спиной к окну и берет скрипку Норберта*). Или... (*трогая струны*) заботиться — раз, два, раз, два, ти-ри-ли, тири-ли — о песне в хрустальном бокале.

Норберт (*с неудовольствием*). Я не понимаю, уважаемый мейстер, для чего вы упомянули об этом... Об этой сказке. Если это насмешка, то она неуместна, и я попрошу вас не касаться более этого предмета.

Карфункель (*равнодушно*). Я думал, что эта история вас интересует. Песня, быть может, химера глупцов, но странный узор этой сказки (*начинает играть несколько тактов мелодии*) задает и рассудку заманчивую загадку. Раз, два, три, тири-ли, тири... (*Играет мелодию конца 2-го действия*).

Норберт (*необычайно взволнованный*). Эта... эта... мелодия... (*Схватывает его руку*). Какой дьявол научил вас? (*Задыхается*). Какой дьявол играл ее неделю назад на моей башне? Да говорите же!

Карфункель (*загадочно улыбается*). Если чорт играл на вашей скрипке, при чем же я здесь? Я ведь вас не знакомил. Может быть, вам неизвестно, что у меня тоже есть скрипка. Возможно, что я играл эту песню у себя дома. Это хорошая мелодия. Она называется «Когда шиповник цветет два раза». А! Я ведь тоже был молод когда-то.

Норберт (*сжимая виски руками*). Зачем вы разбудили во мне это желание, которое я хотел заглушить... Эта комната в моей душе не имеет дверей — мало ли песен на белом свете и кроме этой.

Пауза.

Карфункель. Нет двери для профанов, но мастер знает слово тайны.

Норберт (*напряженно вглядываясь в лицо Карфункеля*). Репейник! Репейник! Репейные листья!.. (*Карфункель тихо смеется*). Да говорите же, мейстер! Слово тайны... Вы знаете, где спрятана песня. Репейник! Боже мой!..

Карфункель. Разве я говорил, что верю в существование песни? А! В этой сказке что-нибудь кроется. Вот все, что я знаю.

Норберт. Вы знаете, мейстер, вы знаете.

Карфункель. Вы, вероятно, слышали о тайной камере ратуши — в ней хранятся важные документы. Иные говорят, что там лежит черная книга рода Раммингеров, другие толкуют о завещании фогтов. Быть может, среди пыльных пергаментов и пожелтевших хартий городских привилегий тлеет и песня. В зале заседаний есть дверь — ее не отличишь от резных панелей стены..

Снизу доносится музыка.

Норберт. Почему же вы замолчали, мейстер?

Карфункель (*смеется*). Почтенным ратманам и не снилось, что камера сообщается с башней. А между тем это так просто.

Норберт. Репейник! Стена с каменным кружевом!

Карфункель. Слышите музыку? Что за сонные звуки. Идите, мейстер, сыграйте им настоящий вальс, разогрейте кровь нашим барышням. (*Смеется*).

Норберт. Зачем вы пришли искушать меня? Зачем вы разбудили во мне уснувшее было желание! Да... я искал тайник... (*Волнуясь*). Больше того... я убежден, что проклятая дверь в той вон стене (*показывает*), потому что воздух проходит между каменными листьями... А! Репейными листьями! Слово тайны — репейник. Но оставьте меня, гормакер. Я не хочу ничего знать о ваших черных книгах, бургомистрах, дверях, завещаниях, песнях в бочкале... (*Опускает голову на руки в мучительном раздумьи. После минутного молчания поднимает голову. С нежностью в голосе*). О, мой кубок!

Карфункель. Прощайте, мейстер. (*Уходит*).

Норберт (*Один. Хватает плащ и шагу и подбегает к двери, потом останавливается в раздумьи*). Одну за другой он задел и заставил дрожать все струны моей души. Минуту назад я готов был бежать к ней навстречу

и целовать истертые ступени, которых касалась ее нога. А теперь перепутаны и расстроены все мои струны, и я не знаю, какая мелодия звучит в моем сердце. *(Снизу снова доносится музыка и слышится до конца сцены)*. Ах, эта песня! *(Бросает плащ и шпагу, подходит к окну и берет скрипку. После небольшого раздумья играет ту самую мелодию конца 2-го действия)*.

Пауза.

Музыка снизу звучит, как далекое интермеццо.

Норберт *(минуту сидит неподвижно, опустив голову на руки, потом встает)*.

Смутная тревога
Растет в груди. Душа готова мчаться
За пестрой вереницею желаний,
Волнующих, как аромат цветов.
Куда лететь за этой дикой стаей?

Молиться, плакать? Окунуться в тень
Уснувших улиц, греться в лунном свете?
Поцеловать раскрытые уста
Под сводом темной двери; этих уст
Узнать ответный пламень, прикоснуться
Нечаянно к девичьей нежной груди.
Раскинуть плащ по ветру — мчаться полем,
Изведать крик торжественных фанфар...
Какая мука в этом беспокойстве...
Всем насладиться... мчаться в дикой стае,
Ловить минуты, словно эта ночь
Уйдет и никогда не повторится.
О нет, в тебе одном всех радостей избыток,
О кубок мой, тебе, тебе мои мечты,
В тебе одном и жажда и напиток,
И слава, и любовь, и тайна красоты!
И золотое яблоко познания
На острии меча, и хмель моих желаний!

(Подходит к стене и рассматривает ее с лихорадочным нетерпением).

О сладкая минута вдохновенья!
Желанный миг! Как ясно все теперь.
Я вижу тайны ключ в причудливом сплетенье,

В этих аркадах такая темнота, даже танцев не умеют устроить... Я... мне стало страшно... Я увидела свет наверху лестницы... Но я думала, здесь живет сторож... *(Окончательно освоившись, гневно)*. Мне кажется, вы бы могли догадаться подать мне стул. Я едва дышу после этой лестницы.

Норберт *(очнувшись)*. Боже мой. Фрейлейн... Такое счастье, такое счастье... *(Приносит и ставит кресло)*. Фрейлейн... если бы вы знали, фрейлейн... Ах, я лишился рассудка от радости!

Вероника *(продолжает стоять)*. Эта лестница... всюду такая темень... Это похоже на нашего бургомистра... и... я все-таки испугалась *(снова волнуясь)* там, в последнем пролете... чей-то голос... *(расстегивая плащ)* и точно крыло...

Норберт. Дайте ваш плащ, фрейлейн.

Вероника. Точно крыло летучей мыши... И на лестнице такой ужасный ветер. Я пришла сюда... *(отдает ему плащ и в то время, как руки их встречаются, она становится беспомощной и нежной и с легким восклицанием склоняется к нему в объятия)*. Я пришла... Вероника... У меня закружилась... с тобой... музыка... что... что я тебе хотела... *(Норберт осыпает ее руки и лицо страстными поцелуями. Любовный лепет)*.

Норберт *(заставляет Веронику сесть в кресло и сам опускается у ее ног, целуя ее руки и платье)*. О моя Вероника! О моя царица! Милая моя сказка! Ты пришла, ты сбылась, моя радость! Как бесконечно я люблю... люблю вас... люблю... Тебе одной сладкая тревога этой ночи. Час назад душа моя мчалась за всеми призраками дикой охоты по уступам скал, озаренных луной, в глубине ущелий. Теперь беспокойный одним только счастьем, я творец дивной сказки, которая улыбается мне одному в тишине этой кельи. Да, твои глаза и как лунный свет, и как лоно озер, но они зовут и волнуют меня одного, и меня не мучит более тайна, если она на твоих устах — их я могу целовать... целовать! О моя Вероника! Как прекрасны золотые цветы и гранаты твоего наряда! Ах, посреди них, посреди них два чудесных цветка твоей груди. Чистый, нежный серебряный очерк, волнующий, как позабытый утренний сон, как самая сладкая греза — и я могу ее целовать... целовать... целовать. *(Приникает губами к ее груди)*. Вероника! Этот репейник! Говори же, говори,

что мне не снится это новое чудо! Золотой репейник на твоей груди! Репейник, обещавший мне разгадку тайны, репейник, чей узор я читал на граните стены, репейник, этот репейник вспыхивает золотыми искорками на твоей сияющей груди! Вероника! Вероника! *(Сильный порыв ветра распахивает входную дверь. Норберт и Вероника встают со своих мест).*

Вероника. Боже великий!.. Там... там... какая-то дверь!.. *(В ужасе прижимается к Норберту).*

Норберт *(громко)*. А! Снова дикая стая! Нет, идите прочь с вашей бурей! Я нашел мою песню! *(Входная дверь захлопывается).*

Вероника. Боже мой, что со мной случилось. Эта дверь там в стене! Кому ты говорил свои слова?

Норберт. Пустое. Разве ты не знаешь старой сказки, когда ветер распахивает двери — это был сквозной ветер и только. А дверь — это тайник, который я только что открыл в этой стене, но я не хочу никакой двери, кроме двери твоих уст. Ты моя тайна! Ты моя песня! Тебя я буду петь... тебя... тебя.

Да, ты сбылась волшебной этой песней,
Да, я нашел тебя, моя мечта,
Ты кубок мой, ты песня всех чудесней,
Забывших слов живая красота.
Ты ожила не в каменном узоре,
Не в тайнике на стертых письменах,
Тебя прочел я в этом ясном взоре,
Тебя прочту на трепетных устах.
Ты утренний мой сон, и не случайно
Здесь на груди репейник — слово тайны!
Да, это ты, волшебной песни свиток,
В тебе одной источник красоты,
Твои уста и жажда и напиток,
Ты сердце струн, ты хмель моей мечты!

Пауза. Объятия.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Большой зал торжеств в ратуше. Направо род ступенчатой эстрады, покрытой красным сукном с тремя креслами, под тяжелым балдахном и знаменами. Ниже эстрады полукругом кресла для ратманов. Особое кресло канцлера и украшенное кресло для Норберта. За ними другая эстрада, на ней монументальный стол с высоким золотым ковчегом. На этой же второй эстраде посредине, прямо против зрителей, большая модель часов с дверцами над циферблатом. На лево, в глубине — скамьи для гостей. У эстрады на авансцене боченок с вином, поставленный на красивой подставке. Рядом столик со множеством бокалов.

При поднятии занавеса вся обширная зала тонет во мраке и только угол эстрады у боченка освещен свечой, стоящей на столике с бокалами. Браунрот с мрачным видом вынимает бокалы из большой корзины в то время, как Эрна, напевая вполголоса, убирает боченок цветами. Двое слуг стоят в ожидании.

Браунрот. Зажгите еще свечу... Девятнадцать... Двадцать... двадцать один, двадцать два... И чорт с ними! Разве это мое дело! Если им... двадцать три, двадцать четыре, трудно во время прислать бокалы, пусть пьют хоть из корыта... Двадцать пять, двадцать шесть, двадцать семь... Мне, чорт возьми, безразлично. Если пойдет дождь, мне также безразлично... Если я... двадцать восемь, двадцать девять, тридцать... перебью в этой чортовой темноте все эти бокалы, опять-таки... тридцать... тридцать один. (*Эрне*). Чего ты на меня устави-лась? А? Чего ты на меня вытаращи-лась, я спрашиваю?

Эрна. Ты уже кончил посуду? Сейчас застилать скатерть? (*Молния в окне*).

Браунрот (*Эрне*). Сделай милость, уйди ты с моих глаз! (*Входит Карфункель, Эрна уходит*).

Карфункель. А дождя все-таки не будет. То есть будет, но позже. Чудесная погодка. (*Потирает руки*).

Браунрот. Вам, конечно, лучше знать. А, к чорту погоду! (*Молния за окном*). Вы знаете, чем тут пахнет? А, я знаю, вы рады всякому предательству! (*Тащит его за руку к эстраде*). Знаете вы, за каким чертом здесь три кресла?

Карфункель (*наивно*). Вероятно, для того, чтобы на них сидели.

Браунрот. Конечно, сидели. Благодарю вас, так. (*Сдерживая ярость*). Бургомистр — раз, его дочка — два, а третье кресло, вероятно, для вас, сосед, или может быть, для вашего приятеля из преисподней — может быть, и эта шкатулка. Как вы думаете, что в этой шкатулке? Ключ от нее у канцлера.

Карфункель. Что же тут думать? Ясно, что в шкатулке три превосходных, оправленных золотом бокала.

Браунрот (*озадаченный*). А! Вот как. Это вы знаете... Ну, хорошо. Один для бургомистра, другой для дочки бургомистра, а третий, должно быть, тот, в котором спрятана чортова песня, не правда ли?

Карфункель (*продолжая прикидываться непонимающим*). Что же, может быть, третий стул и третий бокал для мастера Норберта! Разве не в его честь этот праздник?

Браунрот (*в ярости*). Вероника Мусселиус выходит замуж за бургомистра! Поняли? Все мы полетели к чорту вместе с этим часовщиком, с которым она хоровадилась!

Карфункель (*равнодушно*). В самом деле. Удивительно, как это она раньше не догадалась...

Браунрот. Да что вы смеяться пришли надо мной, что ли? Или вы оглохли? Ве-ро-ни-ка, понимаете, Вероника за бургомистра.

Карфункель. Да уж конечно не за вас. Удивляюсь, чего вы топорщитесь.

Браунрот. Как! Бунтовала всех нас против бургомистра, собирала вместе, заставляла клясться. Вероника, которая о бургомистре... Да нет, кто из нас спятил — я или вы!

Карфункель. Вероника Мусселиус хотела быть первой дамой в городе. Теперь она поняла, что лучше

быть женой бургомистра, нежели дочьрью бургомистра. Дело ясно, как яйцо. Не понимаю, чего вас коробит. (*Шум за сценой*).

Браунрот. Нет, я лучше уйду, вы просто смеетесь. (*Входят несколько мастеров*). А! Слава богу, вот, наконец, христиане.

1-й мастер. Сюда, камрады, здесь и останемся. К чорту церемонии!

2-й мастер. Не нужно терять времени, вот и хозяин Браунрот и гормахер. Слышали?

3-й мастер. Слышали новости? Что же это такое?

4-й мастер. Мы этого так не оставим! Мы ей не часовщик, которого она надула!

Все вместе. К чорту банкеты! Занимайте ворота! Бейте тревогу по городу! (*Гром и молния*). Все в дом суконщиков! К оружию! Да вы знаете, в чем дело! Измена! Конечно, измена!

Браунрот. Я же говорю, каждый христианин поймает!

1-й мастер. Да что тут толковать, камрады!

2-й мастер. Да как еще! Помните — меч нам совала для клятвы. У вас, говорит, мечи на бедре.

4-й мастер (*обнажая шпагу*). Вот и прекрасно! Покажем, зачем у нас мечи! (*Гром и молния, все обнажают шпаги*).

Бишер. Товарищи мастера, выслушайте меня, господа!

3-й мастер. Да что тут долго раздумывать, камрады! К чорту банкеты! Бей посуду! К чорту эти бокалы, из которых нам не доведется выпить!

Все вместе (*размахивая шпагами*). К чорту посуду! Бей бокалы! К чорту всю дребедень!

Браунрот (*загораживая бокалы*). Вы с ума посходили! (*Хватая и размахивая молотком*). Ах вы, лошади! Делайте, чорт вас побери, что хотите, а только не тут! Тут, чорт возьми, собрание, и я отвечаю за каждую плешку. Разве вы не знаете, дьяволы, что я сегодня мастер стола и вина. Попробуйте только сунуться! (*Размахивает молотком*).

1-й мастер. Ах, ты, старая крыса! На попятный двор, каналья!

2-й мастер. Ах ты, мастер судомоек! Бей его, братцы!

Карфункель (*выступает вперед, скрестив на груди руки*). Тише, господа. Браунрот прав, здесь действительно не место; так поступая, вы испортите все дело. Если вы затеете тут скандал, вы только заставите бюргеров принять свои меры, я уж и не говорю о том, что достаточно двух ночных сторожей, чтобы отвести вас в кутузку. По-настоящему вас бы следовало исключить из цеха за такое легкомыслие.

Некоторые ремесленники. Чорт возьми. Это того... Да оно, конечно... Это конечно... Этого дела сразу не разделаешь...

Браунрот. То-то не разделаешь. А еще мастера...

Карфункель (*указывает на бокал*). Эти бокалы, которые вы хотели разбить так неразумно, могли бы сослужить вам хорошую службу. Подумайте, мастера, сколько патрицианских голов затуманят они этой ночью.

1-й мастер. Вот так штука. И в самом деле.

Все вместе. Верно. Верно. Гормахер прав.

4-й мастер. Ну, господа, идемте к суконщикам, там мы все и обсудим. (*Вкладывает шпагу в ножны*). В случае чего мы их еще достанем на свет божий. Главное — осторожность.

3-й мастер. Мастер Карфункель, вы научили нас разуму, за это вам спасибо.

Карфункель. Идите, идите, я ничему не учу. Я только толкаю пружину, которая зацепилась. А про бокалы все-таки не забывайте, не каждую ночь на столе бывает столько бокалов. (*Смеется*).

Клайбер (*быстро входит*). А! И здесь сборище! Здравствуйте, здравствуйте. А вы знаете, что еще говорят?

Все вместе. Слышали. Слышали. Опоздали, мастер цирюльник. Ну, господа, к суконщикам.

Клайбер. Да нет, не об этом вовсе. (*Понижая голос*). Вы знаете, говорят, что этот гормахер — я сейчас был в одном месте, — говорят, что он шпион.

1-й мастер. Какой гормахер? (*вглядывается в Карфункеля*).

3-й мастер. А знаете, я тоже что-то такое слышал: часы часами, а только человек он подозрительный.

Браунрот. Мастер Норберт? Ну вот, я давно говорил, что здесь нечисто.

К л а й б е р. Говорят, что его прислали Одерменниги — разведать, что и как. Недаром он торчал на ихней башне.

Б и ш е р. Ты бы стыдился повторять всякий вздор. Идемте, господа, к суконщикам, давно пора.

В с е м е й с т е р ы. Идемте к суконщикам. Ну и дела! Прощайте, Браунрот. Прощайте, майстер Карфункель. Мы им покажем праздник! (*Уходят*).

К а р ф у н к е л ь. Видели это стадо ослов? Можно ли ожидать от них чего-нибудь путного?

Б р а у н р о т. Чорт возьми, неужели это правда насчет Норберта? Вот тебе и праздник! Праздник в честь шпиона.

К а р ф у н к е л ь. А неужели вы думаете, что Ротштейн и спрятанный клад не стоят хорошего предательства. Вы еще вспомните Одерменнига.

С л у г а (*входит*). Хозяин, пришел канцлер, а с ним господин винмейстер. Так что зовут вас в столовую. Там с ними мадам Эрна.

Б р а у н р о т. А, чорт. Сейчас иду. Да что, бишь, я хотел. Ну хорошо, идем.

С л у г а. А дождя не будет, хозяин. Туча проходит мимо.

Б р а у н р о т. Идем, идем, болван, не рассуждай. (*Уходят*).

К а р ф у н к е л ь (*один стоит, скрестив руки. Пауза.*) Туча проходит мимо... Нет, туча ожидает своего часа, и этот час не замедлит. Приближается великая минута брожения. Сила, которой я повинуюсь, бросила меня ферментом в это ленивое сусло, и вот из борьбы и возмущения, и обмена элементов рождается прекрасное, сверкающее вино. Я ищу этой бури, чтобы вернуться на ее крыльях в раздолье стихии, чтобы покинуть проклятую мельницу, которую я должен вертеть. (*Подходит к столу с бокалами и смотрит на них и на шкатулку*). Каких еще духов должен я призвать для сегодняшней ночи? Там, за окнами, перекликаются и пересмеиваются веселые саламандры и сильфы. Здесь, в этом боченке, живут искрящиеся духи вина. Со звонкими песнями разбегутся они, словно тысяча самоцветных камней, по этим хрустальным оправам. А что, если сусло окажется слишком ленивым? (*Кладет руку на шкатулку*). Тогда я призываю вас, духи воспоминаний, вы отравите этот кубок самым сладким и самым мучительным вашим ядом! (*Голубой огонь вспыхивает над шкатулкой и потухает, взвившись кверху*).

Я призываю вас, духи разочарования! Вы растворите свою горечь в этом сверкающем кубке! (*Желтый огонь вспыхивает, подобно предыдущему*). И наконец, я заклинаю вас, неукротимые духи гнева, неумолимые духи мести! (*Красный огонь вспыхивает и потухает. Свеча гаснет, и наступивший мрак скрывает Карфункеля, который и уходит невидимый*).

Входят канцлер Ирнериус со шкатулкой в руках, Браунрот и Мейлен. Впереди слуга несет канделябр с зажженными свечами.

Ирнериус. Да тут совсем темно. Я думаю, что можно понемногу зажигать свечи.

Мейлен. Слава богу, туча, кажется, прошла мимо, и нашим прекрасным дамам нечего более опасаться за свои шлейфы и белые туфельки... Да, да... пора зажигать, пора...

Ирнериус. Да, велите, Браунрот, зажигать понемногу свечи. Да, вот вам ключ от шкатулки с бокалами. (*Дает Браунроту ключ и шкатулку, которые тот принимает насупившись*). А это шкатулка с кубком для Норберта, поставьте ее на столике. Когда настанет время тостов, вы поднесете шкатулки его милости и обеим дамам...

Входит Верходуй и Эрна.

Верходуй. Ваша милость изволили...

Ирнериус. Да, вот отлично, любезный Верходуй, что вы... Вы, любезнейший, как смотритель здания, должны принять все возможные меры, чтобы никто не прошел на праздник без пригласительного билета. Особенно строго смотрите за цехами.

Верходуй (*вздыхает*). Слушаю-с. (*Вздыхает*).

Ирнериус. Велите зажигать свечи. (*Уходит*).

Входят четверо слуг.

Браунрот. Зажигайте свечи, негодяи. (*Уходит за Ирнериусом*).

Верходуй (*вдыхая, Эрне*). Ах, мадам Эрна, два удара сразу! Решение фрейлейн Вероники... и... и... и... вы понимаете, наконец мне удалось сократить число строчек до двадцати восьми — еще немного и, месяца через полтора, она узнала бы о моих чувствах—и вдруг... (*Взды-*

хает). Это ужасно! К тому же теперь, когда, наконец, мне дали постоянную должность.

Эрна (*смеется*). Ну, что же. Утешайтесь тем, что она узнает о ваших чувствах после замужества.

Верходуй. Невозможно! В том-то вся и штука, что все мои труды пропали даром. Пиша... гм... пи... пи... тьфу. Когда я писал стихи, я постоянно имел в виду... гм... ее девственное состояние... Именно я везде говорю: «твой девический сон»... «девушка спит»... «не спи, девица»... «спи, девица»... «на твоей девической постели»... и тому подобное — и вдруг все пропало!

Эрна (*смеясь*). Да, это действительно ужас. Знаете что, постарайтесь поскорее кончить ваши стихи. Может быть, бургомистр не будет очень торопиться, и вы еще успеете воспеть девственность вашей дамы. Впрочем, я думаю, и бургомистру достанется не больше вашего. Оба вы, кажется, опоздали.

Слуга (*входит*). Господин Верходуй, канцлер вас ожидают и гневаются. Пожалуйте.

Верходуй отходит в глубину сцены. Слуги уходят туда же и начинают медленно зажигать свечи. Несколько огоньков загораются в глубине сцены почти не рассеивая мрака. С хор доносятся звуки настраиваемых инструментов.

Входит Норберт мрачный и печальный, волосы спутаны, одет небрежно.

Эрна (*приближается к нему*). Боже мой! Это ты тут бродишь? Слушай, будь осторожен. Кто-то пустил слух, что ты соглядатай Одерменнигов. Помнишь, я говорила тебе о ихнем сокровище. Ради бога, будь осторожнее, мой милый, у тебя ведь много врагов.

Норберт (*ломая руки*). К чему мне все это? Милая меня покинула... Песни я не нашел нигде... и только напрасно потревожил суровые тени ратуши своим святотатственным молотком. Когда я проник в эту тайную камеру, мне казалось, что я слышу шелест мантий и звон золотых цепей бургомистров, канцлеров и фогтов, схороненных в желтых пергаментных свитках. О, там было много...

Эрна (*закрывает ему рот рукой*). Ты с ума сошел! Неужели ты хочешь своей гибели!

Норберт. Там было много пергаментов, книг и шкапулок, но песни... песни в бокале там не было. Жесткие

хартии вольностей и городских привилегий с тяжелыми замками свинцовых печатей, с хитрым узором старинных букв и пышною ложью царственных подписей... Звонкие обещания и клятвы, столько раз нарушенные. Там были тяжелые книги хроник, окованные железом для того, чтобы скрытые в них предательства и кровавые дела снова не потревожили тихого сна этих улиц. Тусклые алмазы и рубины на запотевшем золоте великолепных цепей и клейнодов... но песни... песни там не было... Как долго я колебался между девушкой и песней, и вот теперь потерял и ту и другую. Неужели же ты не понимаешь, что когда у души отнимут ее любимую мечту, тело живет только по привычке к движению. Ах, Эрна, ведь я так любил Веронику!.. Вероника... Моя Вероника... *(Закрывает лицо)*.

Эрна. Бог тебя простит, Норберт. *(Берет его руку)*. Разве одна только радость на свете? Или ты забыл о сегодняшнем празднике? Это ведь все для тебя, мой Норберт! И это пышное убранство, и эти бокалы, из которых будут пить за твою славу. Вот сейчас зажгутся яркие свечи, и мрачная зала станет торжественной, светлой. Музыка загремит под высокими сводами, и разбегутся по сверкающей зале победные, звонкие трубы. И важные знамена всколыхнутся от медного рева, и свечи станут ярче, и девичьи щечки загорятся желаньем — и все это для тебя, мой Норберт, для твоей только славы. И яркие свечи, и звонкие трубы, и прекрасные нарядные дамы. Ну, улыбнись же, мой Норберт, освети твою Эрну твоей улыбкой!

Норберт *(порывисто обнимает и целует Эрну)*. Ты одна меня любишь, бог заплатит тебе за это!

Браунрот *(показывается в дверях в момент поцелуя и остается неподвижным, никем не замеченный)*.

Норберт. Хорошо, я подыму еще голову, хотя бы на сегодняшний вечер. Дай мне вина, Эрна, губы мои сохнут после того, как их помазали краем бокала. *(Эрна, улыбаясь сквозь слезы, наполняет из боченка бокал и подает Норберту)*. Я поднимаю тебя, мой кубок, я не хочу более призрачных кубков, с меня довольно химер! Каждая капля в этом вещественном бокале принадлежит мне! *(Выпивает вино)*. Я хочу быть рыцарем этой ночи, и я им буду! *(Швыряет пустой бокал на пол и, кивнув Эрне, упругой походкой идет к двери. Навстречу ему только те-*

перь направляется Браунрот, свирепый, со сжатыми кулаками. Заметив Браунрота, Норберт обращается к нему отрывисто и властно). Посторонись же, любезный. Или ты не видишь, мужик, что идет рыцарь. (Проходит мимо ошеломленного Браунрота и уходит, хлопнув дверью).

Браунрот (долго стоит ошеломленный, с раскрытым ртом и вытаращенными глазами. Очнувшись, раздражается припадком ярости). Ах ты, проклятый крысолов! Ах ты, чортово веретено! Бродяга! Негодяй! Рыцарь!.. Ах ты, рыцарь виселицы! Канатный плясун! Проходимец несчастный а! а!.. (Задыхается от ярости). Так вот оно что! Так ты еще бокалы швыряешь! (Поднимает бокал и устремляется к Эрне). А ты, потаскушка! А!.. (Хватает ее за руку). Нет, постой. Я с тобой еще справлюсь. Как я мог промолчать этому скомороху! Этому собаколову!.. (Продолжая держать поднятый бокал, хватая со стола бутылку и бежит к двери. В дверях он сталкивается с Ирнериусом, Верходуем и слугой, которые входят в эту минуту, и выбивает из рук Ирнериуса коробку, причем Верходуй рассыпает горку пергаментных свитков, которую он нес на подносе. За сценой шум собирающихся гостей).

Ирнериус. Тьфу! Сбесились вы, что ли, Браунрот? Подымите, подымите же, Верходуй, коробку. Какая муха вас укусила! В одной руке у вас бокал, а в другой закурпоренная бутылка. Вы хотели кого-нибудь угостить?

Браунрот. Простите, ваша милость... Это проклятый собаколов... то бишь, я... впрочем того... (Смущен).

Ирнериус. Вы хотели угостить гохгеймером 20-го года какого-то, ut dicitur, собаколова? Истребителя бродячих собак? Нет, вам следует подышать свежим воздухом. У вас все готово? (Оглядывается). Небо прояснилось, и гости ожидают только сигнала. Я думаю, можно начинать. (Зал освещается). Верходуй, идите отворяйте двери в галерею. Смотрите же, чтобы ни одна душа без приглашения. (Слуге). Скажи музыкантам, чтобы играли торжественный марш. (Уходит, за ним Верходуй и слуги. Браунрот и Эрна остаются у боченка).

Браунрот (Эрне). Я тебе этого не забуду. Погоди, будешь ты сидеть голая в клетке на базарной площади!

Полное освещение зала. Музыка играет торжественный марш. Двери распахиваются, и два герольда становятся у входа. Шесть герольдов и столько же пажей занимают свои места у эстрады. Входят

гости и размещаются по местам под звуки музыки — ратманы на своих креслах, прочие гости на креслах и скамьях. Гул приветствий.

Входят: бургомистр под руку с Вероникой, Ирнериус — под руку с Гортензией. Ропот волнения среди гостей. Бургомистр, Вероника и Гортензия занимают места на эстраде. Ирнериус несколько ниже, на особом кресле.

Бургомистр (*помогая Веронике взойти на эстраду*). Если бы вы знали, дорогая фрейлейн, какое пьянящее чувство молодости и счастья сейчас я испытываю. Мне хочется перекричать и эту торжественную музыку, и ропот этой толпы, и, по старинному обычаю рыцарей, бросить железную перчатку всякому, кто не подтвердит, что вы самая прекрасная девушка в целом мире.

Вероника. Должна ли я думать, что вы готовы обнажить свой меч по всякому моему капризу?

Бургомистр. Я пойму каждое движение ваших бровей.

Вероника (*смеясь*). О, тогда я могу спать спокойно.

Бургомистр. Спать спокойно? Неужели я до такой степени стар?

Ирнериус делает знак герольдам. Герольды поднимают вверх свои трубы. Музыка смолкает. Резкие фанфары герольдов.

Бургомистр (*встает*). Граждане Ротштейна! Незъяснимое волнение охватывает меня в эту минуту, когда я вижу перед собою силу и цвет нашего города, слитыми в едином порыве под сверкающими огнями этой торжественной залы. Вы, прекрасные дамы, вы, великолепные патриции, и вы, мои мастера и корпоранты. (*Шум за сценой, топот ног и заглушенные крики*). Все мы дети нашего милого Ротштейна, и я не знаю зрелища более величественного, чем торжественный праздник мира и искусства под высокими сводами этой старинной залы, видевшей много славных дней и много достойных мужей и при свете дня и при переливчатом пламени праздничных свечей. (*Еще более настойчивый шум за сценой. Ирнериус осторожно покидает свое кресло и идет к дверям*). Да, мы собрались для праздника мира. О, если бы этот мир никогда не покидал наших стен. В этот торжественный миг я слышу, как мое сердце бьется одним пульсом с великим сердцем моего города, и вот я хочу верить, что

великое сердце поймет малое сердце своего бургомистра. Патриции, мастера и гильдейские люди! В этот торжественный миг... (*Шум достигает наибольшей силы и сразу обрывается.*) В этот торжественный миг я не хочу вспоминать о ненависти и раздоре — вы знаете, о чем я говорю — рана эта наболела, и дай бог, чтобы прошлое осталось позади нас. Я хочу только, чтобы моя радость была вашей радостью и мое примирение ознаменовало собою и конец вашего раздора. Граждане Ротштейна! Это фрейлейн Вероника Мусселиус. (*Берет руку Вероники, которая встает.*) Раньше ее гордое сердце питало против нас ненависть и вся она горела ревностью (*с величайшим достоинством*) и негодованием против нас — бургомистра и человека, — и вот теперь я называю ее своей невестой перед богом и вами. (*Вероника, с загоревшимся лицом, склоняет голову в торжественном поклоне. Бургомистр с поднятой головой высоко держит ее руку. Ирнериус, который вернулся, дает знак герольдам, и резкие звуки фанфар смешиваются с приветственными криками и музыкой сверху.*)

Г о л о с а. Виват! Да здравствует бургомистр Раммингер! Виват, Вероника! Да здравствует Вероника Мусселиус!

Д р у г и е г о л о с а (*менее заметные*). Долой изменницу! К чорту пустословие! К чорту бургомистра! Вся власть цехам! (*Снова музыка и фанфары.*)

И р н е р и у с (*поднимает кверху свой жезл, герольды свои трубы. Шум стихает.*)

Г е р о л ь д (*трубит*). Прекрасные дамы и милостивые господа! Сейчас будет представлена комедия о часах во славу мастера Норберта Вестениуса, гормахера, в честь которого устроен этот праздник. (*Трубит*). Внимание!

Музыка играет интермедию. Из-за часов выходит В р е м я (Карфункель), чья фигура остается неподвижной, с опущенной головой и поднятыми в уровень груди руками. Время одето в широкую струящуюся одежду переливчато-радужного цвета, с капюшоном. В руках у него песочные часы. Музыка продолжается. Из окружающей часы галереи выходят немые фигуры, изображающие планеты, и проходят в плавном танце посредине зало, чтобы снова возвратиться к двери часов.

И р н е р и у с (*Гортензии, во время танца планет*). Это, конечно, планеты, изображения которых так искусно сделаны на новых часах. Смотрите, вот это, должно быть,

злой Сатурн, видите — в латах, с бледным лицом. Вот Меркурий, а это — дама Венера.

Гортензия. Ах, это та прекрасная звезда, что горела так ярко, как райское яблочко после захода солнца в апреле. Но кто это стоит под часовым кругом, задумчивый, мрачный.

Ирнериус. Конечно, это время. Эту роль исполняет мейстер Карфункель. Но смотрите, — новые вереницы... Это горы — быстрые часы нашей жизни.

Танец бегущих часов. Фанфары.

Герольд. Мейстер Норберт Вестениус! Мейстер прекрасных часов Ротштейна.

Входит Норберт в великолепном наряде и, обойдя полукруг гостей, останавливается возле своего кресла. Фанфары, музыка, клики приветствий Герольды поднимают кверху свои трубы, Ирнериус — свой жезл. Шум постепенно стихает.

Бургомистр (*встает*). Канцлер Ирнериус. Прочтите акт о часах мейстера Норберта Вестениуса. (*Садится*).

Ирнериус (*принимает от пажа свиток пергамента и, поднявшись на эстраду, читает*). Dei gratia et benevolentia urbis, божьей милостью и соизволением города Ротштейна, Burgimagister Мангольм Эренфдир Раммингер, Малый и Большой Советы, Viri illustri ac probatissimi! Гормахером из Нюрнберга, мейстером Норбертом Вестениусом, снова изготовлены по поручению нашему городские часы и укреплены на прежнем их месте на башне ратуши. Что часы эти с превосходным искусством и изрядным мастерством сделаны, день и ночь, часы и минуты, движение солнца и луны, и планет в стройном порядке показывают, и каждый час колокольным звоном, а утро, полдень, вечерний час и час полуночи музыкой возвещают прекрасной, что с пением меди искусно устроенные фигуры входят и уходят сами собой, хитрому механизму подчиненные, что мастер украсил часы с пышностью и художеством, медью, резьбой, позолотой, в том Burgimagister Magistratus удостоверяют для сведения граждан и в похвалу строителя часов гормахера Норберта Вестениуса.

Бургомистр (*встает*). Мейстер Норберт Вестениус! В этой торжественной зале, посреди цвета и силы

нашего славного города, вы достойны услышать нашу хвалу, достойны увенчать прекрасный праздник искусства и мира. Там, на высокой башне Ротштейна, вы разбудили уснувшее сердце наших часов. И вот от лица Ротштейна я приветствую вас, мейстер Вестениус! Я воздаю вам хвалу, которую вы заслужили. *(Делает знак Браунроту, который подает ему на подносе обе раскрытые шкатулки. Бургомистр достает из меньшей высокий серебряный кубок и передает его пажу, который и вручает кубок Норберту).* Этот кубок, мейстер, дарит вам признательный город. На его сверкающем дне вырезано ваше имя и ваше дело. *(Берет у Браунрота большую шкатулку и, достав из нее бокалы, вручает один Веронике, другой Гортензии и третий берет себе.)* Наполним же наши бокалы смеющимся золотистым вином во славу вашу, мейстер, и во славу нашего города. *(Паж между тем наполняет бокалы Вероники, Гортензии, бургомистра и Норберта из серебряного кувшина в то время, как Браунрот, Эрна и слуги раздают уже наполненные бокалы гостям).*

В е р о н и к а *(во время паузы вручения бокалов, глядя в свой бокал, в сторону)*. Как дрожит этот бокал в моей руке, как жжет его золото мои пальцы. Станный одуряющий аромат подымается из золотистой глубины бокала и точно ледяной, колючий туман щекочет мое разгоряченное лицо. Как волнуется моя грудь... Что со мной... Горечь и стыд воспоминаний, злая отравка мести... И любви... чудятся мне в этом искрящемся напитке. Голова моя кружится... лицо горит... Этот пышный трон, которого я так желала, сдается мне лобным местом... Нагая стою я на нем, и каждый видит мой позор, и каждый читает муку моей гордости на моем обнаженном теле...

Все бокалы розданы, Норберт не спускает глаз с Вероники.

Б у р г о м и с т р *(поднимает бокал)*. Граждане Ротштейна! Да здравствует мейстер Норберт Вестениус! Славный наш гормакер, на многие лета!

К р и к и: «Виват! Мейстер Вестениус! Виват, гормакер!»

Фанфары, музыка. Ирнериус поднимает жезл. Шум стихает. В е р о н и к а продолжает стоять с бокалом в руке, из которого она только что пила.

Б у р г о м и с т р. Приблизьтесь, мейстер, для того, чтобы мы могли увенчать ваше чело.

Норберт (*делает шаг вперед, затем поднимает руку*). Прекрасные дамы Ротштейна и вы, *burgenses honoratiores ac probatissimi!* я благодарю вас... благодарю вас... благодарю вас... И за эту звонкую славу, и за этот чудесный кубок с золотистым вином Ротштейна. Привет и тебе, драгоценное вино Ротштейна! Ты волновало мою кровь там, на высокой башне ратуши, и здесь, в тихой заводи узких улиц... возле фонтана... Благодарю вас и за сладкий хмель вдохновенья и... и любви... И за каплю горечи, что таится на дне всякого кубка. Чужестранец желает вам счастья, граждане и прекрасные дамы Ротштейна!

Короткая шумная волна оживления пробегает по рядам гостей и снова падает.

Бургомистр. Гортензия, дитя мое, тебе доверяет Ротштейн честь увенчать чело мастера.

Гортензия (*встает в смущении. Ирнериус передает ей венок. Норберт, подойдя, опускается на одно колено. Шум толпы замирает, и среди наступившей тишины слышится отдаленный раскат грома*).

Вероника (*роняет свой бокал. Звон упавшего бокала обращает на Веронику общее внимание*). Граждане Ротштейна! Граждане Ротштейна! Прежде чем закончится эта церемония чести, я прошу вас выслушать меня, Веронику Мусселиус, на чьей груди золотой репейник Одерменнига. (*Ропот толпы. Вероника стоит в вызывающей позе с поднятой головой. Гортензия роняет венок, а Норберт, подняв венок, встает. Ирнериус и бургомистр взволнованы. Эрна издает восклицание испуга. Пауза длится одну минуту*).

Вероника. Граждане Ротштейна! Целый вечер... я не могла найти в себе силы... чтобы сказать вам... сказать вам, я долго себебалася... и вот... я должна нарушить торжественность этой последней минуты... Если бы вы знали, как тяжело мне на этом блестящем празднике, сулившем и мне новую радость... бросить перед вами зловещее слово... Заприте двери — среди вас изменник! (*Шум и движение*).

Бургомистр. Ради бога... Фрейлейн Вероника... успокойтесь.

Ирнериус. Фрейлейн... фрейлейн... что вы делаете, фрейлейн?

В е р о н и к а (*тихо*). Оставьте меня... поздно... страшное колесо повернулось. (*Проводит рукой по лбу*). Не здесь я скажу, как я узнала измену, но здесь вы должны уличить изменника. (*Разгоряченная, увлеченная, окончательно решившаяся*). Слушайте меня, граждане Ротштейна! Жадный репейник снова протянул свои цепкие листья к прекрасным розам вашей свободы! В тайной камере ратуши был шпион Одерменнига! (*Гул и движение толпы. Норберт отступает назад ошеломленный*).

К р и к и. Измена! Измена! Измена! Имя! Заприте двери! К оружию! К оружию! Долой бургомистра!

В е р о н и к а (*поднимает руку, шум стихает*). Тайная камера, где хранятся драгоценнейшие наши регалии и документы... великие хартии. Злодей проник туда через тайный ход из часовой башни. Это часовщик, которого вы славите! (*Обессиленная падает на кресло и сидит, запрокинув голову, неподвижная, почти без сознания. Сильный шум и волнение. Норберт берет за эфес шпаги. Толпа окружает его. Многие обнажают шпаги, и клинки сверкают над толпой в глубине сцены. Гортензия плачет на своем кресле. Отдаленный раскат грома*).

И р н е р и у с (*поднимает свой жезл*). Тише! Тише! Граждане Ротштейна! Господа, успокойтесь! Успокойтесь, прошу вас! Его милость бургомистр хочет сказать вам... Господа, прошу вас. (*Шум стихает*).

Б у р г о м и с т р (*взволнованным голосом*). Граждане Ротштейна! Невыразимо то горе, которое постигло меня да и всех вас среди этого блестящего праздника... Горе это тем более ужасно, что мы не можем сомневаться в искренности фрейлейн Мусселиус, которая... которая... мы можем только надеяться, что ее ввели в за...

К р и к и. К делу! К делу! К чорту пустословие! К чорту пустословие! Не тяни! Говори, в чем дело! Слушайте, слушайте! Тише!

Б у р г о м и с т р (*отирая лоб платком*). Я вижу, что вы взволнованы так же, как и я... Ключи от камеры у меня... Последний раз мы были там месяц назад, разумеется, все было в... порядке... Прежде, чем бросить тень на, быть может, невинного человека, не лучше ли убедиться...

К р и к и. Бургомистр виляет. К чорту бургомистра! Измена! Заприте двери! Тише! Тише! Слушайте... Измена!..

Голоса патрициев. Видите, вот что значит от-
дать ключи бургомистру! Помните, как он добивался!
Дождались! Вот вам и ключи! Долой бургомистра! Мо-
лодец Вероника! Тише! Измена! Арестуйте предателей!

Норберт (*поднимает руку, шум стихает. Слышен только отдаленный гром. Пауза*). Теперь я имею сказать вам. Да, я скажу, но вам не понять меня, граждане Ротштейна. Слушайте, бюргеры и гильдейские люди! Да, эта женщина сказала правду. Я был в тайной камере ратуши. (*Короткая пауза, затем бурные крики*).

Крики. Вяжите его! Стража! Позовите стражу!

Норберт (*стоит в вызывающей позе, выдерживая натиск толпы. Крики. Он снова поднимает руку, шум стихает*). Я ведь в вашей власти, дайте же мне сказать слово. Я не стану оправдываться перед вами; если я скажу, что проник в тайную камеру не для ваших пергаментов и шкатулок, вы все равно не поверите. Бюргеры и гильдейские люди! Ваши честные лбы слишком крепки — где вам поверить золотым струнам моей души. Честные мещане, вы недаром потомки тех, что повесили певца дивной песни!

Крики. Хватайте же его! Да велите же его взять!.. Стража!... Где стража!.. (*Окружают его. Норберт обнажает шпагу, все отступают*).

Норберт (*бургомистру*). Вы, дорогой мой magister, кажется, такой же мечтатель, как и я... Берегитесь, поэты здесь не ко двору... (*Веронике*). Фрейлейн, мы — квиты... (*Швыряет свою шпагу к ее ногам*). Рыцарь платит звонкой монетой.

Бургомистр (*дает знак подошедшей страже, которая берет Норберта*).

Сильный удар грома. Ветер распахивает окно и тушит некоторые свечи. Общее смятение. Стража уводит Норберта. Вероника стоит неподвижная.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

До поднятия занавеса слышатся раскаты грома и шум бури. Свист ветра и удары грома понемногу затихают и реальные звуки непогоды переходят в музыкальное интермеццо, в котором громовые раскаты слышатся заглушенными и смягченными. Занавес поднимается. Сцена представляет подземелье ратуши. Стоящий на полу фонарь едва рассеивает мрак. Налево у авансцены каменная скамья, на которой лежит Норберт. Задняя декорация близко придвинута к рампе и таким образом место действия сосредоточено на авансцене. Только справа глубокая ниша, входная дверь, окованная железом, отступает назад.

Пауза.

Норберт (*поднимается со скамьи*). Как здесь душно. Я задремал. (*Встает со скамьи*). Граждане Ротштейна... бюргеры, мастера и гильдейские люди. (*Проводит рукой по лбу*). Ах... граждане Ротштейна... (*Горько усмехается*). Это ведь она так говорила... Она кусала свои алые губы, чтобы не чувствовать боли... Однако мне сдается, что непогода утихла. (*Полоса лунного света падает слева из маленького полукруглого окна с решеткой и ложится поперек сцены*). А! Это месяц в ущербе шлет свой привет певцу в подземелье... (*Подходит к окну*). Здесь, оказывается, есть окно. Тучи несутся по небу, словно стая призраков... Месяц скоро спрячется. Куда выходит это окно... Ах, ведь это же (*оглядывается со вниманием*), ведь это тоже ратуша... (*Обходит подземелье*). Да, да, невозможно ошибиться в происхождении этих стен и этих уступов... Ну что же, ярусом ниже праздник продолжается — мастер Норберт Вестениус получит до

конца свои почести. О, эта ратуша! Какая странная игра связала мою судьбу с твоими серыми камнями. Сверху и до самого низу прошел я один за другим все твои ярусы, все причудливые изгибы твоих лестниц. Келья на часовой башне... блистающий зал торжеств. И наконец... подземелье. Подземелье ратуши. (*Садится*). Всю жизнь мы блуждаем в потемках, в глухих тупиках, в переулках и ощупью ищем просвета и пробуем много дверей — но напрасно. И если случайно за дверью услышим мы тихую песню, то с каждой мыслью о вечном и с каждым узнанием правды сжимается сердце тоскою... И все, что мы знаем, мы только с трудом вспоминаем, как милую детскую песню, как смутный предутренний сон.

В погоне за своей химерой я обошел все закоулки старого дома ратуши, все тайники и все двери... и вот за свое любопытство попал против воли в место, где еще не был. Это ведь тоже тайник — только в нем вместо песни спрятан певец. Да, это тоже... (*вскакивает взволнованный*). Боже великий! (*Осматривается в величайшем волнении, перебегая с места на место*). Боже великий! Нет... нет... этого не может быть! Эти стены, покрытые плесенью!.. это круглое окно... эти колонки с лисьими мордами!.. лунный свет!.. Нет, нет, это невозможно! (*Хватает с полу фонарь и подбегает к стене, параллельной рампе*). А! (*Оборачивается в необычайной радости*). Комната моего сна! Тайник! Тайник с песней!.. О, если бы только света! Господи, здесь... здесь... куда я никогда не попал бы по доброй воле... Здесь спрятана песня! Боже, благословляю твою руку... Здесь я видел факелы... Вот они. А... света... (*Зажигает факел о фонарь и вставляет его в кольцо на стене*). А вот и ниша. Вот и репейники, высеченные на камне, а вот и листья одуванчика. (*Прижимает руку к сердцу*). Как бьется мое сердце. Боже, дай мне силы... вот... точно молния озарила мою память — душа вспоминает забытую дверь... Вот четвертый камень... уступает... уступает... О, счастье. (*Ниша открывается*). Еще. Ах!.. (*Камни поворачиваются и открывают углубление*). Шкатулка... Нет, какой-то пергамент... ключи... Что же... что это?.. (*Прислушивается*). Шаги. (*Лязг замков*). Сюда идут. О, будьте вы прокляты в этот час, проклятые мещане! (*Закрывает нишу*). Ниша закрыта. Входите, входите. Боже милосердный, только бы меня оставили здесь. (*Тушит факел*).

Слышен шум отпираемого замка. Входная дверь с визгом отворяется. Входят: Верховодуй, два солдата с факелами, Ирнериус с листом пергамента в руке, два ратмана и еще два солдата с факелами. Вошедшие образуют полукруг с Ирнериусом по середине и солдатами по краям. Несколько минут молчание. Факелы освещают всю сцену красноватым светом.

1-й ратман. Ну что же, reverendissime Notarius, мне кажется, пора бы прочитать... кха... э... кха... постановление... гм... высокого собрания.

Ирнериус (*резко*). Мне, любезнейший ратман, не зачем указывать мои обязанности. Я подчинился воле совета и выполняю возложенное на меня... поручение... как бы эта роль ни казалась... э... впрочем, это к делу не относится. (*Разворачивает пергамент*). Я пришел сюда к вам, мейстер Норберт Вестениус, по приказанию судившего вас совета... Так как в зале суда вы отказались назвать ваших руководителей... э... гм... утверждали, что действовали по собственному... гм... почину... и к тому же...

1-й ратман (*перебивая*). Мне кажется, reverendissime Notarius, что мотивировка приговора... э... кха... это объяснение не входит э... кха...

Ирнериус (*резко*). Я попрошу вас, господин советник, не перебивать меня в то время, когда я действую ex officio. Да... итак... да... так как вы сами сознались в своем деянии, а деяние это предусмотрено нашими законами и подведено под определенное наказание, то (*вздыхает*)... то вас, мейстер, не должна удивлять поспешность этого приговора. Совет подвел это дело под требование городской безопасности и... (*вздыхает*) и вот приговор. С внешней стороны все выполнено законно. Мейстер Вестениус, моя тяжелая обязанность прочитать вам приговор совета, и я верю, что вы встретите вашу участь с мужественным сердцем.

1-й ратман. Имейте в виду, господин канцлер, что я обязан буду донести совету о том, что вы сообщали преступнику... да и вообще разглашаете тайну совещания. Слышите, Шульце (*второму ратману*), вы будете свидетелем.

2-й ратман. Эгм... кха... кха... эмм...

Ирнериус. Пожалуйста. Итак... (*Читает*). «В виду изложенного, вина и деяние гормахера из Нюрнберга, со званием мейстера, Норберта Вестениуса, собственным его сознанием установлена и доказана. Как по статье 62-й

Constitutionis criminalis, кто в тайную камеру ратуши с умыслом проникнет, будь то чужестранец или иной странствующий человек, то вывести его на площадь и повесить за шею, пока не умрет. Но как означенный Вестениус искусством и мастерством своим немалым, к устройению городских часов приложенным, городу послужил, то признанием за ним прав на оседлое в городе жительство, вышеприведенной статьи 62-й, как к гражданину Ротштейна к нему не применяя, Совет постановляет: означенному Вестениусу жизнь даровать и меру наказания, понизив на одну степень, статью 63-ю к деянию его применить». (*Останавливается взволнованный*).

Норберт (*в первый раз обнаруживает свое волнение*).

Ирнериус (*поборов волнение*). «Каковая статья читается так: если в тайную камеру не чужеземец и не бродяга, но прирожденный гражданин Ротштейна с умыслом или без умысла проникнет, кроме тех, кому вход по закону указан, то свободы и жизни того не лишая, полному ослеплению подвергнуть. А посему совет постановляет: мастера Норберта Вестениуса рукою палача ослепить и свободный из города выход дозволить». (*Опускает пергамент и отворачивается*).

Норберт (*пошатнувшись, застывает на месте после минуты молчания, с трагическим сарказмом*). А! Итак, вот главный подарок гормахеру Вестениусу от благодарного Ротштейна — вот чем краше кубка и лавров венчают Нюренбергского мастера! Burgenses honorationes удостоивают меня высшей чести — гражданства Ротштейна. Да, отныне я уже не бродяга или чужестранец, которого можно повесить за шею, теперь я гражданин Ротштейна. И сам magnificus Secretarius, одетый в лучшее свое платье, приносит мне этот пергамент, на котором красным по белому написаны все мои заслуги и высокая честь, которой я удостоен, — гражданства Ротштейна. Но, боже мой, какое упущение! Почему же я не вижу драгоценной шкатулки, в которой так прилично подносить такую высокую грамоту? Ларчик должен быть кован из серебра и украшен короной urbis! Неужто честные мещане поскупились на серебро и плату ювелиру. И притом, как мрачно обставлена эта депутация — факелы, солдаты... Впрочем, нет, главная церемония, конечно, произойдет на площади при громе труб и кликах народа.

Итак, дорогой мой канцлер, передайте, пожалуйста, патрициям Ротштейна мое почтительнейшее проклятие.

1-й р а т м а н. Это... это... Шульце, вы слышали. Конечно, что же еще ждать после того, как господин канцлер... (*Умолкает под уничтожающим взглядом Ирнеиуса*).

И р н е р и у с (*передает пергамент Верходую и, подойдя к Норберту, берет его за руку, мягко*). Завтра приговор будет прочитан вам в ратуше. Не могу ли я быть вам чем-нибудь полезным. Быть может, эта камера вам не нравится. Можно найти более удобную.

Н о р б е р т (*с живостью*). О, ни в каком случае! Я прошу вас оставить меня именно здесь. (*Отходит к скамье и стоит отвернувшись*).

И р н е р и у с. Не имеете ли вы какой-нибудь просьбы, которую я мог бы исполнить.

Н о р б е р т (*после колебания*). Мою скрипку. (*Отворачивается*). Больше ничего.

И р н е р и у с. Хорошо. Прощайте, мейстер.

Н о р б е р т (*подавая ему руку*). Прощайте, канцлер. Велите, пожалуйста, хорошо затворять двери. На дворе ведь свежо после бури. (*Все уходят, кроме Норберта. Дверь захлопывается с шумом*).

Н о р б е р т (*сидит некоторое время на скамье, опустив голову на руки, потом поднимает голову и смотрит перед собой*). Добрые мещане Ротштейна ушли, пообещав вернуться завтра... (*Встает, внезапно переходя от упадка к возбуждению*). А... завтра... завтра... О, будьте вы прокляты один и два и три раза! Прокляты и в городе, и в поле, и в пути! Пусть небеса над вами станут медью! О, берегитесь проклятия певца!.. Он знает тайну слов, в его устах они сильней и звонче! Его проклятие, как свист осенней бури, как музыка растущего прибоя.

Слышен протяжный музыкальный бой часов, нежное мелодическое пение труб, играющих полночь. Красивая, торжественная, печальная мелодия. Норберт останавливается на полуслове.

Н о р б е р т. Полночь... часы... (*Тихо со слезами*). Мои часы... (*Взволнованный опускается на колени возле скамьи в то время, как часы продолжают играть свою меланхолическую мелодию*). О, мои часы. В этот глубокий час полуночи, в эту минуту отчаяния вы посылаете свой тихий привет вашему бедному мейстеру... Сам я сложил эту тихую, ночную молитву, сам я вдохнул эту неж-

ную мелодию в ваше медное сердце... О, мои дорогие часы. Сколько раз глубокой ночью, там, в одинокой келье на башне, плакал я слезами умиления, играя эту святую песню на своей скрипке... И вот теперь горячие слезы снова текут по моим щекам, когда я слышу это небесное утешение, возвращаемое мне моим же созданием. *(Остается неподвижным, склонив голову на руки. Мелодия, звучавшая все время, постепенно замирает).*

Визг и лязг отпираемой двери грубо врываются в тихое настроение замирающей музыки. Дверь отворяется и входит Верходуй со скрипкой в руке, за ним солдат с факелом. Норберт поспешно встает и смотрит в недоумении на вошедшего.

Верходуй *(кладет скрипку на стол)*. Господин канцлер приказали передать вам скрипку. *(Вздыхает)*. А равно и смычок *(вздыхает)* к означенному инструменту. *(Солдату)*. А ты ступай за дверь. Оставь здесь факел. *(Солдат уходит, воткнув факел в кольцо)*.

Норберт. Благодарю вас, господин Верходуй. Давно ли вы стали тюремщиком?

Верходуй *(вздыхая)*. Вы понимаете, конечно, мастер, что человеку с моим... образованием... почти доктору... с моей деликатной натурой вовсе неприлично такое низкое занятие. Но ваша темница, мастер, в здании ратуши, а я теперь смотритель этого здания — таким образом, я отвечаю головой за вашу цельность... то есть... целость.

Норберт. Стало быть, теперь я олицетворение вашей бессонницы.

Верходуй. Увы, я давно потерял сон. *(Вздыхает)*. Последние события *(вздыхает)* переполнили *(вздыхает)*, так сказать...

Норберт. Да, мне кажется, что вы действительно немного переполнены. Спокойной ночи.

Верходуй. Кстати, вы знаете, я сочинил недавно одно небольшое стихотворение. *(Достает бумагу)*.

Норберт. Для ночных сторожей?

Верходуй. Ах, нет, то своим порядком. Знаете, ваше мнение как музыканта... если бы вы захотели прочесть... здесь немного... *(разворачивает длинейший свиток)*, всего одиннадцать куплетов. Если позволите, я оставлю.

Норберт. Видите ли, любезный смотритель, усиленная работа над часами немного утомила мое зрение, и я

боюсь причинить вред моим глазам, читая при этом неверном освещении. Быть может, завтра...

Верхоудуй (*смущенный*). Э... гм... да... Спокойной ночи, мейстер... кхм... (*Пятится к двери*). До свидания. Имя честь кланяться... (*Уходит*).

Норберт (*один, смеется коротким смехом*). Дверь захлопнулась. Хотел бы я свободы? Почему инстинкт жизни не бросил меня на этого болтуна и не вырвал ключей из его артистических клешней? Этот жалкий болтун и кропатель стихов для ночных сторожей — чем он хуже меня? Разница в конце концов только количественная — иное расположение атомов, и вот красивое безумие становится безумием смешным. (*После минутной задумчивости*). А... Довольно пустословия. Еще одно последнее препятствие, и драгоценный кубок вспыхнет в моей руке.— Какая странная формула звучит у меня в ушах, как далекое воспоминание детства... «Город есть на красном камне, там твой замок и подвал...» Что со мной... Это ведь детская песенка, которой меня учил отец... «Город есть на красном камне...» Да ведь это же Ротштейн! «Снизу пять, четыре слева, где репейник, там нажми» «Там твой замок и подвал...». Господи, откуда эта странная связь. Сухая жилистая рука моего отца... маленький мальчик — это я. Я сижу у его ног и целую эту милую руку, а грустный голос повторяет те же странные слова детской песни: «Снизу пять, четыре слева...» Да ведь это счет камней! Первый раз я открыл ее бессознательно, надавив только репейник. (*Открывает нишу*). Но откуда отец мой мог знать? Дальше... дальше... Что же это?.. Семь замочных скважин в гладкой стене, а вот и ключи... Но их больше... Десять, двадцать... который же? Формула?.. Формула?.. А! Вспомнил! Отец мой... я сижу у него на коленях и лепечу: семь... семь... да... «Семь ключей возьми на полке, помни, как тебя зовут — каждой буквой по порядку в щели семь ключей войдут...» Ведь это же формула тайника! Но откуда отец мог это знать! Ну да, да, каждый ключ с буквой. (*Ищет ключи*). Скорее... «А»... Нет, а вот «Е»... Где же «Р»... вот «Р»... Сюда его... «О»... теперь «Б»... вот «Т»... «Н»... Скорее, скорее, не ошибиться бы... «Р»... Ах, ведь нужно еще одно «Р»... Неужто нет... Победа. Есть «Р»... «Норберт»... Теперь отпираться... Раз, раз... раз еще... еще... Святые ангелы! (*Слышен мелодический звон отпираемых замков*). Еще... А!

Стена поддается... уходит вниз. *(Отступает назад и отворачивается, закрывая глаза руками)*. Там... там шкатулка... Вдруг все это окажется сном. Скорее... Каждую минуту могут открыть дверь. *(Возвращается к нише)*. Спокойствие... Спокойствие... Но почему здесь три шкатулки, а не одна. *(Открывает одну шкатулку)*. Золотые монеты. А! *(Ставит на стол и открывает вторую шкатулку)*. Камни... Связка каких-то пергаментов... ларчик... Как сверкают эти рубины... Третья... третья... *(Достает и открывает третью шкатулку)*. Кубок! Кубок!.. *(Взволнованный, подходит с кубком к авансцене)*. О святая минута тайны! В моих руках, здесь, в моих испуганных счастьем руках трепещет этот сияющий кубок тайны, которого так пламенно, так страстно ждали мои уста. О драгоценный кубок! Если я упаду мертвым, я все-таки подниму твою блистающую крышку. *(Открывает крышку кубка)*. Песня!.. И здесь самоцветные камни. *(Вынимает из кубка сверкающее ожерелье, огни от которого разбегаются по всему подземелью)*. Этому ожерелью нет цены. Камни горят сами собой, но что мне в этом королевском уборе, я хочу только песни. *(Кладет ожерелье в кубок и ставит его на стол. Достает из кубка пергамент)*. Пергамент. Пергамент с песней. Что же... Что же здесь? *(Читает)*. «Только тот... кто, зная наш обряд... зная наш обряд, победил и отпер и первую и вторую дверь... и отпер семь замков семью ключами своего имени... Норберт, мой сын... Сын моего сына... или сын этого последнего... тебе поручаю я славу и месть поруганного величия Одерменнига...» *(Поднимает голову)*. Одерменнига?.. Норберт?.. Ах. Фогты Ротштейна!.. Я... я... великий боже. *(Снова приближает пергамент к глазам)*. «Враги окружили... Здесь я спрятал свой клад... Возьми шкатулки, в них самоцветные камни и золотые монеты и наши пергаменты... примета... Император вернет тебе...» *(Роняет пергамент и закрывает лицо руками)*. Все рушилось... прекрасная сказка исчезла. *(Смотрит перед собой с лицом, искаженным мукой разочарования)*. Император... Император... вернет. Где величайший король земли, который мог бы вернуть мне радужную сказку моей юности, золотую грезу, что краше и ярче всех алмазов и изумрудов этого ожерелья! Князь и фогт Ротштейн! Так вот что влекло меня помимо моей воли к этому городу на красном камне, к этому старому дому ратуши, быв-

шему домом моих отцов, к этому... к этому кубку, в котором скрыто... обыкновенное завещание. Старый обряд, которому перестал верить уже мой отец, позабывший за своим верстаком о величии предков, напевавший слова тайны, как тихую детскую песенку своему кудрявому мальчику. На груди у меня половина старой монеты, а другая половина на этом пергаменте вместо печати... И вот я — прирожденный князь и фогт Ротштейна. Я нашел свою родину, но нет той силы, которая вернула бы мою благоуханную сказку, мою дорогую мечту, мою забытую песню в бокале. *(Опускается перед скамьей и горько плачет).*

Пауза.

(Встает, шатаясь.) О, тысяча проклятий тебе, очарование, тебе, влекущая мечта, зовущая химера!.. Тысяча проклятий дьяволу, что маячил на моей дороге, забегал и спереди и сбоку и дразнил меня, и смеялся, и звал к неведомой радости, и манил обаятельной сказкой, дивной мелодией, радужной ложью. И вот теперь, наконец, я открыл этот сказочный кубок и он оказался простой шкатулкой старого грешника. В прозрачном бокале, казалось мне, скрыты тайны души... все, что знала душа и забыла, родившись. И вот пролито драгоценное вино, разбит хрусталь, и бокал оказался бокалом, дивная тайна — завещанием старого фогта, неземная мечта — шкатулкой с золотыми монетами, развязкой плохой комедии. *(Опускается почти без чувств на пол у скамьи и застывает в немом отчаянии).*

Пауза.

Слышна очень тихая возня с замком входной двери. Наконец дверь открывается и входит Гортензия. На ней широкая длинная мантия бургомистра, ее отца, и его же высокая шляпа, в левой руке меч в ножнах. Войдя и притворив дверь, она останавливается у порога, приложив руку с мечом к сердцу. Правую руку она прячет под плащом. Норберт не замечает вошедшей.

Гортензия. Я никогда не думала... чтобы сердце... могло так ужасно биться... Святая владычица... Ангелы небесные... только бы никто не услышал... не оставь меня и сейчас своей помощью. Господи, а вдруг папа хватится... не найдет моей записки... Скорее... Скорее... Он лежит на полу... Как он должен мучиться... *(Подходит ближе).* Сердце разрывается при одной мысли... Теперь слезы те-

кут... этого еще недоставало. *(Вытирает глаза левой рукой)*. Как это я забыла платок... Мейстер! Мейстер Норберт... мейстер...

Норберт *(быстро встает и смотрит на нее, не понимая)*. А... Кто здесь... Разве... разве уже пора?..

Гортензия *(приближаясь)*. Ради бога... тише... мейстер... тише... ради вашего спасения. *(Снимает шапку и открывает свое лицо)*. Это я... Гортензия... дочь бургомистра... пожалуйста, не пугайтесь.

Норберт *(изумленный)*. Который час... еще ночь... фрейлейн Гортензия... вы... вы в этом склепе. Каким образом? Кто мог...

Гортензия. Я... я ушла... то есть я пришла сюда... Боже! Что вы обо мне подумаете.

Норберт. Это сон... В этом наряде бургомистра... в глубокий час ночи... Кто пустил вас сюда? Как вы проникли через эти железные двери?

Гортензия. Я... я надела эту мантию папы... я потихоньку взяла его ключи... и этот меч... У него ведь все ключи ратуши... Святая владычица помогла мне отпереть эти ужасные засовы... Я никогда не думала, что они такие... тугие... Ради бога, мейстер, идемте скорее... в этом платье бургомистра с мечом... вы наденете эту мантию и эту шапку, вы... мы пройдем... вы пройдете беспрепятственно всюду... Я... я... с вами только... только до... пожалуйста, мейстер, дайте мне ваш платок... я забыла взять свой впопыхах... слезы те... текут... я такая глупая... *(Беспомощная, опускается на скамейку, удерживая слезы, продолжая держать крепко меч)*.

Норберт *(достает платок и вытирает ей глаза)*. Вы... вы пришли... чтобы спасти меня из этой темницы! *(Опускается перед нею на колени)*. Бедное, нежное дитя, в бурную ночь вы покинули девичью спальню, чтобы отпереть своими слабыми руками тяжелые замки ратуши! Вы не побоялись опуститься в подземелье к преступнику... Вы, дочь бургомистра... прелестное патрицианское дитя! Святые серафимы!.. Успокойтесь же... успокойтесь... не нужно плакать... Это опять какая-то сказка. Дайте мне ваши бедные ручки, чтобы я мог прикоснуться к ним своими недостойными устами... Что это? Почему вы прячете вашу правую руку? *(С нежным насилием старается освободить ее руку из складок плаща)*. Фрейлейн, я прошу вас... Так и есть! Великий боже! Ваша рука в кро-

ви! Вы поранили ваши нежные руки... отпирая ржавые замки моей тюрьмы. (*Страстно целует ее руки*). О, святая кровь любви и сострадания! (*Рвет свой платок и перевязывает ей руку*). Бедное, милое дитя... чем отплачу я вам за эту царскую милость... (*Перевязывая ей руку*). За это небесное утешение, за эту драгоценную кровь. Только теперь я вижу, как меркнут разноцветные огни пережитых мной страстей перед небесным светом вашей улыбки. Все промелькнувшее было ненужным и ничтожным. О фрейлейн! О фрейлейн! Слово в далекой двери темной галереи вижу я сияющий день и приветную синеву небес, я стою на ступенях ратуши, а вы наклонились ко мне, чтобы перевязать мою ладонь вашим благоуханным платком. Почему я не понял тогда же вашей дивной улыбки! Почему уклонился, глупец, от этой безмятежной дороги! (*Опускает свою голову на ее колени. Гортензия кладет свои руки на эту голову. Теперь она не плачет более и смотрит вперед сияющим взором*).

Гортензия (*поднимает его голову и встает*). Встаньте, мейстер, эта ночь уходит... впереди рассвет, двери открыты — идемте. Наденьте эту мантию. (*Снимает с себя мантию и отдает Норберту*). Наденьте.

Норберт (*надевает мантию и шапку*). Рассвет! Я снова увижу свет! Может ли это быть!

Гортензия. Наденьте этот меч. (*Передает ему меч*).

Норберт (*надевает меч*). Солнечный свет! Великий боже! В этом бокале... (*проводит рукой по глазам*), в этом бокале не было конца старой песни... но вот из какого кубка начало этой новой сказки! В каком бокале... (*с невыразимой нежностью берет ее обе руки*) в каком бокале сидели и откуда взялись вы, моя чудесная эльфа. Если это не чудо, то где же лучшие сказки. Нежная девушка покидает бурной ночью теплую постель и тихую девичью спальню... Бедное дитя, она потонула в темноте ночи, в слезах, с замирающим сердцем. Она позабыла дома свой носовой платок, но не забыла взять тяжелый меч и ключи от темницы, и вот она, женщина. В грозовую ночь распускаются цветы. Но в каком тигле земная пыль плавится каплей рубина, а женское сердце алмазом. Дитя, вы потеряли вашу ковкость — теперь вас можно только сломать.

Гортензия (*с сияющим взором*). Да, да!

Норберт. Но ведь я... я не стою вашей любви... не стою такой любви...

Гортензия. Я люблю вас, мейстер.

Норберт. Да... Что пользы возвращать вас в девичью спальню... Увы. Это жестокая сказка, и она не может окончиться на половине дороги. Но куда же мы пойдём, моя дорогая невеста?

Гортензия. Туда... Я знаю... за нашим садом есть обрыв... там я узнала... Однажды папа мне показывал... есть узкая щель... Мы выйдем на луга и прежде, чем настанет заря, будем возле реки. Там, я знаю, стоят купцы из Рейнбурга... Мы найдем одну барку... у меня есть деньги...

Норберт. А! Шкатулки!.. *(Быстро подходит к столу и достаёт из бокала ожерелье, затем возвращается к Гортензии)*. Вот почему этот королевский убор снова увидел свет. Не удивляйтесь, фрейлейн, это ожерелье я дарю своей невесте. *(Надевает ей ожерелье)*. Теперь я клянусь вам торжественно и строго — я люблю вас, фрейлейн... Я люблю вас и не расстанусь с вами, пока жив. *(Берет ее руки. Она вздрагивает и падает к нему на грудь. Молчаливое объятие)*.

Гортензия. Бежим.

Норберт. Бежим. Еще... не удивляйся... мое дитя, я беру эти шкатулки. *(Достаёт из тайника большую шкатулку, запирает нишу и ставит шкатулку на стол рядом с прежней. Гортензия смотрит на него с изумлением, любясь в то же время ожерельем)*. Теперь это золото и эти алмазы не будут мне лишними, как только их донести? Я — Одерменниг. Где же вы, мои слуги?.. Где вы, мой канцлер? Где вы, мой казначей, хранитель моих сокровищ?

Дверь отворяется и входит Верховуй в ночном колпаке со свечой в руке. При виде происходящего, он останавливается в ужасе, прижавшись спиной к стене и роняя свечу.

Гортензия *(вскрикивает)*.

Норберт *(мгновенно приставляет меч к груди Верховуя, спокойно)*. Вы не могли прийти более кстати, мой дорогой Верховуй. Мне как раз нужен канцлер и хранитель моих сокровищ — вы пришли первым, и место за вами, клянусь этим мечом. Я назначаю вас. Напрасно только вы так неосторожно обращаетесь с огнем; вы ведь смотритель этого здания.

Верходуй. Ка... кара...

Норберт. Жалко, но если вы будете кричать, я вас убью. Итак, тихонько закроем двери и уйдем отсюда все вместе. Вы ведь давно мечтали о должности, приличной вашему почти докторскому званию. Неужели вам приятнее быть мертвым смотрителем ночных сторожей, нежели канцлером князя Одерменнига?

Верходуй. Чо... чор... вы приперли меня к стене вашими до... доказательствами. (*Трогая меч*). Это, конечно, звонкий и острый аргумент и довольно убедительный, *argumentum ferri*, с ножом, *ut dicitur*, к горлу. Ах. Кара... (*Умолкает, чувствуя острие меча, в то время, как дверь снова отворяется и входит Карфункель. Гортензия издает восклицание ужаса. Норберт оборачивается с таким же жестом, не оставляя однако Верходую. Карфункель неузнаваем: на нем богатое, расшитое золотом, алое бархатное платье, золотая цепь, усыпанная гранатами и рубинами, на боку меч в драгоценной оправе. Лицо кажется помолодевшим, глаза блистают*).

Карфункель (*нисколько не удивляясь, весело*). Вы все еще здесь? Торопитесь, ваш корабль ожидает вас, Одерменниг! Паруса надуваются и трепещут в сером тумане реки. Мой привет вам, принцесса. А вам, доктор (*берет Верходую под руку, Норберт опускает меч*), я советую принять предложение князя Норберта — он действительно сделает вас своим канцлером. Идемте, скоро начнется буря — моя буря. Помните, мейстер, как вы чихали на вашей башне, когда я брызнул огнем и пророчил вам бурю? О! Я ожидал этой ночи одиннадцать лет, и сегодня мой праздник. Сегодня в первый раз я вздохну полной грудью. Сегодня я отбываю в далекий простор убегающих туч.

Гортензия (*берет руку Норберта*). Боже мой, боже мой! Что это все значит, мейстер!

Норберт (*лаская Гортензию*). Буря уже умолкла, гормахер, вы опоздали.

Карфункель. Нет. Эта буря растет в тесноте ваших стен. Она придет при свисте флейт и громе набата. Да, я мейстер бури, посмотрите на мой рыцарский наряд. Одиннадцать лет назад я попался в ловушку открытых ворот в час, когда дикая охота проносилась мимо. Буря умчалась, и бедный дух остался, как мышь в мышеловке. Одиннадцать лет я бился о стены, напрасно пытаюсь за-

жечь вашу кровь, возмутить сонный воздух Ротштейна. А! Час настал, черные кони тревоги роют землю нетерпеливым копытом. Идемте. Я отнесу ваши ключи бургомистру. Принцесса, идите смело с князем — вы еще вернетесь сюда... А вы, мой магистрант, берите шкатулки и в путь!

Верходуй. Я... я... кажется, сплю... (*Трогает свой колпак*). А вдруг он вправду Одерменниг? Чем черт не шутит!

Гортензия. Боже мой, идемте, идемте отсюда, мейстер.

Норберт (*дает шкатулку Верходую*). Берегитесь отстать, мой канцлер.

Верходуй. Чорт возьми, неужели я, наконец, получу место? дайте мне по крайней мере взять мои песни и мою магистерскую шляпу.

Карфункель. Шляпы долой перед бурей! Вы вернетесь в новых шляпах — вы в докторском берете, а вы, Одерменниг, в княжеской короне. А песни... вас ожидает новая песня. А! Слышите, слышите. (*Хватает за руку Норберта и Верходую*). Музыканты уже на местах. Вы слышите новую песню? Теперь она скрыта в ритмическом ропоте бури. Она ускользает за шумом и ревом торжественно грозных созвучий. (*Слышатся первые отдаленные звуки постепенно растущей тревоги. Глухой ропот бегущей толпы, бряцание оружия*). Она пробегает, как молния в пропастях туч в клубящейся черной завесе!.. (*Шум тревоги растет, смешиваясь с шумом непогоды. Далекие удары грома*). Вперед, к ней навстречу!

Норберт (*увлеченный стихийным порывом*). Да, воронье кони рвутся и храпят. Еще мгновение — и они помчатся навстречу флейтам бури! Все ближе и ближе растущий прибой, и в ритмическом ропоте бури мне слышится новая песня! Она ускользает за шумом и ревом торжественно грозных созвучий, она пробегает как молния в пропастях туч, в клубящейся дымной завесе! И тысячу раз изменившись, уносится с воем и свистом среди голосов непогоды. Но вдруг упадает завеса и вспыхнули звонкие трубы. Торжественный гимн поднимается вверх с упоительным блеском, как крик о свободе и славе! О мейстер, раскиньте свой плащ — пусть буря умчит нас к рассвету!

Карфункель. Вперед! (*Увлекает всех к двери*).

КАРТИНА ВТОРАЯ

Декорация первого действия. Утро. У аркад и крыльца ратуши вооруженная стража ремесленников. Вооруженные ремесленники охраняют устья впадающих в площадь улиц. Лавки и трактир Браунрота заперты. Площадь пуста, но каждую минуту кто-нибудь быстро проходит озабоченный и взволнованный. Время от времени проходят вооруженные патрули. Слышны глухие удары осад, скрип обозов, иногда звон колокола. Некоторые прохожие напрасно стараются достучаться в закрытые двери гостиницы.

1-й ремесленник (*у ратуши*). Слышишь, как бухает... Раз. Раз... Чтоб ты переломал себе ноги, проклятый разбойник.

2-й ремесленник. Видел его кто-нибудь? Говорят, он служил у французского короля.

Третий. Много ты знаешь. Он служил у турецкого императора, говорят, и веру ихнюю принял.

Второй. Ври больше. Одерменниги — рыцари, и веры менять не станут. А вот отец его торговал пирогами в Любеке.

Четвертый. И не в Любеке, а в Нюренберге, и не пирогами, а суконными шляпами, и не торговал, а делал. Вся штука была в том, чтобы достать клад и грамоты — вот они и подослали этого гормахера. Гормахер все пронохал и был таков.

Второй. А выпустил его никто, как бургомистр. Как ударили в набат, он и того — должно быть, поделились... Эх, напрасно бургомистра на свободе оставили... Должно быть, и старосте Гроссману пере...

Первый. Ты чего распустил губы? Эге, да ты, брат!..

Четвертый. И вовсе не бургомистр, а Верходуй. Он ведь стерег гормахера, а на утро оба пропали — кажется, ясно.

Третий. Да, да, и старый Карфункель тоже. Чорт их теперь разберет. А все-таки Норберт был славный малый. Жалко было бы, если бы он пропал из-за женщины. И какого чорта мы тут торчим, спрашивается. Нет, не приведи бог, своего же брата да слушаться.

Первый. Ты, должно быть, стосковался по кутузке. Ты бы это сказал старосте Гроссману или Кваку.

Третий (*обнажая шпагу*). Я лучше скажу это твоей поганой харе, проклятый Иуда! Сапожник анафемский! (*Нападают на первого, который защищается*).

Четвертый (*розбивая их мечи*). Вы с ума посходили!.. Вот слухи! Вы хотите, чтобы Гроссман нас всех перевешал. Вот ироды. Стоило отнимать мечи у патрициев! Одерменниг у ворот, в городе лагерь, а они друг на дружку лезут. Как коты весною. Руки чешутся, так на стену — пожалуйте.

Третий (*пряча шпагу*). Какого он чорта начальство корчит.

Второй. Да, принесло этого Одерменнига не вовремя.

Четвертый. Видно, наш Ротштейн — лакомый кусочек. Одних осадили, другой зубы точит. И где он только...

Глашатай (*входит в сопровождении мальчика с барабаном*). Бей в барабан, мальчик. (*Мальчик бьет*). Граждане Ротштейна! Граждане Ротштейна! Граждане Ротштейна! (*Собирается группа случайных прохожих*). Цехи и корпорации в совете рабочих депутатов! Собирайтесь в ратушу в 10 часов утра сегодня, сегодня! Город в опасности! Город в опасности! Город в опасности! В ратушу! (*Оба уходят при барабанном бое*).

1-й прохожий. Колоти. Без твоей трещотки мы и не знали, что город в опасности. Рыцарь раньше тебя колотит.

2-й прохожий. Сто лет за патрициями жили, а такого сраму не видели. Кто прогнал Одерменнигов? Бюргеры. Небось, пока они были, Одерменниг пирогами торговал. Семьдесят лет тихо было... А теперь увидел, что бюргеры...

1-й ремесленник (*хватая 2-го прохожего за ворот*). Эге. Так ты на всю площадь рот разинул? (*Толпа разбегается*). Народ бунтуешь? (*Ведет его в ратушу*). Посиди в кутузке, патрицианский ходатай. (*Уводит его*).

Бишер и Клайбер выходят из левой кулисы на авансцену.

Бишер. Дай бог, чтобы я ошибался. (*Тихо*). Город не продержится и суток. Посмотри, цирюльник, может быть, отперто.

Клайбер (*стучится в дверь гостиницы*). Эй, кто там? Кой чорт? Заперто. Браунрот, конечно, на башне. Обрадовался, что нашелся выход его злости. Слушай, неужели это правда, что Норберт их шпион? Неужели правда, что Вероника была его любовницей? И она же

его выдала! Чорт знает, какая путаница. А все-таки хорошо, что Норберт выцарапался. Хоть он и шпион, а мейстер хоть куда.

Бишер. Как ни плохо правили патриции, но... Все-таки идем в ратушу. А знаешь... *(понижая голос)*, мы поторопились. Пусть Браунрот и ночует на стенах, а без бургеров толку не будет. Руки у нас, слава богу, есть, а головы пока еще у патрициев. В ратуше я буду голосовать за половину старого совета.

Клайбер. В уме ли ты! Хочешь, чтобы тебя повесили.

Бишер. Ну, мой друг, за этим дело никогда не станет. Слышишь, как колотит. *(Оглядывается)*. Слушай, цирюльник, разве тебе не кажется, что здесь вообще какая-то путаница? Кого прогнали 70 лет назад бургеры? Одерменнига. Хорошо. Мы прогнали бургеров. А теперь, кто стучит в наши ворота? Одерменниг. Почему же мы ему не откроем?

Три мастера, которые только что вошли на площадь, подходят к ним и вмешиваются в разговор.

1-й мастер. Кому не откроем? Вы, кажется, что-то сказали, мастер ювелир. Повторите, пожалуйста, ваши слова.

Бишер. Мои слова? А вы уверены, мастер суконщик, что поймете сущность моих слов, если я повторю вам сказанное?

2-й мастер. Не виляйте хвостом, любезнейший. Слышите, что вам говорят.

Собирается группа прохожих.

3-й мастер. Ювелир лопросту струсил.

Бишер. Так как я замечаю, что кроме вас, господа суконщики, здесь еще имеется несколько человек, которые не слышали того, что я сказал, я, пожалуй, повторю мои слова. Видите ли, господа, я удивляюсь, почему мы не откроем Одерменнигу, который стучит в наши ворота. *(Ропот, возгласы)*.

Возгласы. Какая наглость! Слышите, что он говорит! Предатель! Он смеется нам в глаза! Хватайте его!

Бишер. Вот видите, вы сами просили меня говорить, а теперь кричите.

Голоса. К чорту предателей! Это шпион. Одерменнигов! Вяжите предателя! Измена! А! И вы туда же!

Ваша улица недаром славится. Трусые! Живодееры несчастные!

1-й, 2-й, 3-й мастера. Так вот вы как! Народ возмущать! Граждане, хватайте бунтовщика. Эй, вы, камрады, идите сюда! (*Ремесленникам, что стоят у ратуши*). Да идите же, черти! Вяжите его!

Б и ш е р. Прочь! (*Вырывается и обнажает шпагу*).

Несколько мастеров из толпы подходят к нему и обнажают шпаги в его защиту. Образуются две группы, которые стоят одна против другой с обнаженными мечами, готовые ринуться в драку.

Первые (*с Бишером*). Негодяи! Суконные рыла! Ростовщики проклятые! Бей их, ребята! Подойди, подойди ближе! Толстое пузо! Собаколовы!

Вторые. Трусые! Живодерная улица! Прихвостни! Рваные спины! Сами собаколовы несчастные!

Сражаются.

Б и ш е р. Граждане! Граждане Ротштейна, стыдитесь! Что подумают о вас бюргеры! Идемте лучше в ратушу. (*Разбивает несколько шпаг*).

Сражающиеся опускают шпаги и в смущении отходят в сторону друг от друга.

Г о л о с а. В ратушу! Чорт бы побрал забияк! А вы куда? Идемте вместе. А все-таки ювелира следовало бы... В ратушу... (*Расходятся по разным направлениям*).

Д в а бю р г е р а входят и идут к ратуше.

1-й бюргер. Я, собственно, не понимаю, чего вам идти... После всего этого... Слушать, как это мужичье...

2-й бюргер. Вы забываете, коллега, что это наш гражданский долг: созывается вече, а не совет. К тому же, как ни как, а они ведь нас не сместили. До такой наглости они все-таки не дошли. Я думаю, и бургомистр будет.

1-й бюргер. Не сместили! Знамя у них, печать у них, ключи у них, на башнях они торчат... в ратуше — они... Вы просто смеетесь, коллега! К нам на кухню каждый день таскаются какие-то грязные депутаты, бургомистр под их...

1-й ремесленник стражи (*загораживая вход*). Простите, товарищи, но я не могу пропустить вас так...

1-й бюргер. Видите, коллега, дождались. Оказывается, мы им товарищи.

2-й бюргер. Ты с ума сошел! Как ты смеешь!

1-й ремесленник. Потрудитесь отдать мне ваши мечи. Это последний приказ Совета рабочих депутатов.

2-й бюргер. Что ты врешь, негодяй. Только что прошли два сукнострига с длиннейшими ножами, которые они, должно быть, сделали из своих ножиц. Выходит, что патрициям нельзя носить оружия?

1-й ремесленник. Да, на все время осады.

2-й бюргер. В таком случае мы не пойдем вовсе. Идемте, коллега. Вы правы, нам здесь нечего делать.

1-й ремесленник. Как вам угодно. А мечи все-таки пожалуйте. Мы их сохраним в полной исправности. У нас они не заржавеют.

Смех. Остальная стража приближается.

2-й бюргер (*отдает меч*). Идемте, коллега.

1-й бюргер (*швыряет меч*). Идемте. (*Оба уходят*).

1-й ремесленник. Видели гусей? Не нравится...

2-й ремесленник. Привыкли. (*Смех*).

Входят Бургомистр и Ирнериус. Ирнериус в общем мало изменился. В бургомистре заметна значительная перемена: он постарел, слегка согнулся, лицо утомленное и печальное. Оба в парадных платьях, с мечами и цепями. В некотором отдалении за бургомистром следуют двое ремесленников, не отступающих от него ни на шаг.

Ирнериус. Площадь почти пуста. Неужели все уже в рагуше?

Бургомистр. А... да, да... (*Погружается в свои мысли*).

Один из стражников, перебросившись несколькими словами с товарищами, подходит к следующим за бургомистром ремесленникам.

Стражник (*тихо ремесленнику*). Почему вы не отобрали у них мечей? Иди скажи ему.

Ремесленник. Гроссман ничего не говорил про мечи. Он сказал, чтобы мы его не выпускали ни на шаг... Вот мы и ходим.

Стражник. Ну, а я скажу — черта с два. (*Подходит к бургомистру и пытается обратить на себя его внимание*). Кхм... э... кхм... я того... насчет ваших мечей... Последнее распоряжение Совета рабочих депутатов. Я... конечно... мы... конечно...

Бургомистр (*поднимает глаза*). Хорошо, хорошо, ступайте.

Стражник *(топчется на месте, потом возвращается сконфуженный к ратуше)*.

Бургомистр. Погодите, канцлер, обождем здесь. *(Подходит к веранде трактира)*. Скажите, этот подмастерье... он, кажется, хотел нам что-то сказать. Или это мне только показалось... как тогда... помните, гормахер. Вам не кажется, канцлер, что все это только призраки: подмастерья, Одерменниг, гормахер, подмастерья...

Ирнериус *(мягко)*. Я думаю, нам пора в ратушу, магистер.

Бургомистр. Мне тяжело, канцлер. Мне тяжело подниматься теперь по этим самым ступеням, которые столько раз устилались красным сукном в мою честь и славу. Теперь они оплеваны и затоптаны мужицкими сапогами... старинные ступени моей ратуши. Каждый портняжий подмастерье может теперь отнять у меня мой меч и мою цепь бургомистра. Разве не насмешка, что они мне ее оставили? Старинные ступени ратуши... те, о которых поется в этой прерванной песенке. *(Закрывает глаза рукой)*. Вы помните, канцлер, скажите, вы помните. *(Берет его руку)*.

Эрна входит слева, бледная, закутанная серым плащом. Увидав бургомистра и Ирнериуса, прислушивается.

Бургомистр. Вы помните, как... в тот самый день... когда пришел этот... гормахер... мы стояли там, наверху лестницы... Фрейлейн Вероника подошла и сказала: «Ты не знаешь, папа, почему это господин бургомистр вздумал загораживать...» А! И моя дочурка сказала... *(Закрывает лицо, вздрагивая)*.

Эрна *(быстро подходит к бургомистру)*. О ваша милость. *(Берет и целует его руку)*.

Бургомистр. Это вы, Эрна... да... Неужто мы не увидим более никогда... нашей... *(Закрывает лицо)*.

Эрна. О ваша милость, успокойтесь. Войдите к нам, отдохните, успокойтесь. Я сейчас принесу вам стакан вина.

Ирнериус. В самом деле, ваша милость, отдохните здесь, а я пока пойду в ратушу.

Бургомистр *(входит на веранду)*. Да, да, идите, канцлер. Я сейчас... приду. *(Садится, держась рукой за*

сердце. Следящие за ним ремесленники становятся у веранды. Ирнериус уходит).

Площадь между тем оживляется. Группы горожан беспрестанно проходят мимо веранды. Некоторые поднимаются по ступеням ратуши.

Эрна (приносит на подносе кубок). Выпейте, ваша милость, это подкрепит вас.

Бургомистр (не обращая на нее внимания, прислоняется к столбу веранды и не сводит глаз с площади. Слышится заунывный звон колокола). Снова этот колокол вечевой башни! Он звонил и в ту ночь. Граждане Ротштейна идут на вече. В ратушу. В ратушу, которая была частью моей души. Голова моя кружится. Граждане Ротштейна! (Часть толпы останавливается, некоторые снимают шапки. Бургомистр, повинуясь прежней привычке, обращается к ним). Граждане Ротштейна! Этот колокол вечевой башни не кажется ли вам голосом вашей совести! День, который объединил вас всех одним порывом, день, который, подобно осенней буре...

Голоса в толпе. О-го-го! Бургомистр опять за старое! Валяй, бургомистр! Хо-хо! Ну, ну, дальше. «Который», «невыразимо то чувство»... Валяй всюю. По порядку!

Бургомистр (отшатывается).

Эрна. Уйдите отсюда, ваша милость... Идемте в гостиницу...

Входит Браунрот и с ним три мастера. Все в латах и шлемах, грязные и черные от дыма. Стуча ногами, поднимаются на веранду.

Браунрот (грубо Эрне, игнорируя бургомистра). Сейчас же неси нам вина и еды побольше, слышишь! Да за каким дьяволом ты открыла трактир! Я ведь говорил тебе, что торговли не будет. Ступай сейчас же! Какая теперь у черта торговля! У защитников города горло сохнет от дыма, а каждый трус, сидящий за женской юбкой, прохлаждается как ни в чем не бывало. Пусть сатана возьмет болтунов и предателей, если мы не решаемся их повесить!

Бургомистр (перерождаясь под действием оскорбления, обнажает меч). А! (Тотчас же бросает меч, с величайшим достоинством). Ваши подмастерья могли отнять мой меч, патриций не станет драться с мужиком

в трактире. Да, я патриций, и ты не можешь меня оскорбить, трактирщик, как не можешь спасти или разрушить этот прекрасный город, где каждый камень связан нашим цементом. Берегитесь, как бы награбленное добро не перевернуло вашу лодку, святотатцы. *(Браунрот бросается на бургомистра, но отступает перед его взглядом. Мейстеры молча расступаются, и бургомистр не торопясь уходит направо).*

Браунрот *(хватает Эрну за руку)*. Ты еще здесь! Скоро ты принесешь нам вина?

Эрна *(вырывается и, оттолкнув Браунрота, идет к ступенькам веранды, затем оборачивается)*. Вы! Вы!.. как ненавижу я ваши кабаньи рыла, ваши плоские лбы, проклятое мужичье! Как стая крыс бросились вы в город, и что вы с ним сделали! Вы захватили его своими грязными лапами, заплевали бешеной слюной вашей зависти! Вы надругались над девичьей красотой тихих улиц, вы раздули зарево и теперь пожинаете бурю, которую посеяли. А! Вы схватили уголь голыми руками! *(Шум тревоги и сильный треск как от ломаемых ворот)*. Слышите, тот, кто стучит в те ворота, швырнет вас обратно в ваши норы, злобные жабы, подлые крысы! *(Браунрот, задыхаясь от ярости, сначала стоит неподвижно, затем бросается к Эрне. Мейстеры удерживают его)*.

Браунрот. Прочь! Пустите меня! А! Потаскушка! Ведьма! *(Задыхается)*. Пустите меня! Я посажу тебя в клетку! На площади, голуу. Ведьма!..

Набат. Тревога. Шум и топот ног. Треск усиливается. На площади появляются в беспорядке бегущие ремесленники и горожане. Народ выходит из ратуши. Эрна скрывается в толпе. Браунрот и мейстеры кричат бегущим.

Мейстеры. Что случилось? Назад! Стойте, негодяи!

Браунрот. Эй! Эй!.. Дьяволы! Куда вы бежите! Стойте! Что случилось, анафемы?

Голоса. Будьте вы прокляты! Рыцари! Спасайтесь! Пропали! Солдаты! Черти! Дьяволы! Спасайтесь!

Браунрот и мейстеры. Да говорите же толком, негодяи! *(Сбегает на площадь и хватается одного из бегущих)*. Ступай сюда. Говори, или я убью тебя! *(Шум, крики и движение бегущих продолжают)*.

Ремесленник. Мы пропали! Они пробились к воротам! Рыцари. Впереди их один... Одерменниг!.. Мы лили

им на голову горячее масло... стреляли.. Они сломали ворота... Теперь они ломают решетку.

Другой ремесленник. Это дьявол, а не Одерменниг.

Отдельные голоса. Солдаты идут в город. Медвежья башня горит. Сломаны и вторые ворота. Солдаты на Фогтовой улице.

Входит Вероника, по-прежнему прекрасная и величественная, но с новой чертой страдания на лице. Одета со строгой пышностью.

Вероника (*пытаясь задержать поток бегущих*). Граждане Ротштейна! Граждане Ротштейна! Остановитесь! Заклинаю вас нашими святынями! (*Возле нее на несколько минут останавливается группа бежавших*). Мне ли, бедной девушке, говорить вам о мужестве! И вы, Рикснер! И вы, Курц. Где же ваша дружина, Рорбах! Ах, лучше убейте меня, лучше растопчите меня железными подошвами — не дайте мне видеть черного дня вашей чести! Мейстеры суконщики! Мейстеры! Сколько лет ваши мечи ржавели в сундуках, ожидая солнца и музыки славы! Ужели теперь, когда настал час, вы потушите блеск чистой стали! Мейстеры!

Голоса. Уведите ее! Спасайтесь! Рыцарь! Рыцарь на Замковой улице. Никому пощады! С нас будет!

Один из ремесленников (*подойдя к Веронике*). Ты!.. Еще не ты ли и предала нас, женщина! Кто тебя разберет! Ты продала своего любовника. Ты таскалась и с ним, и с бургомистром. А, потаск... (*Заносит над ней руку с проклятьем. Бургомистр, который, расталкивая толпу, спешил к Веронике, останавливает поднятую руку ремесленника и, схватив за горло, бросает его на землю. Затем, подняв с земли меч, становится возле Вероники, которая стоит, прижавшись к столбу веранды, бледная, с запрокинутой головой и остановившимся взглядом. Шум бегства и лязг сражения*).

Резкие звуки флейт и рокот барабанов покрывают шум тревоги и раздаются все ближе и ближе. Постепенно вид площади меняется. Входят солдаты справа и слева и окружают крыльцо ратуши, между тем как ремесленники и горожане занимают второй план правой половины сцены. Впереди у веранды: Вероника, Бургомистр, Ирнериус, Эрн и некоторые другие. Входят оруженосцы и герольды. Слуги поспешно устилают ступени ратуши алым ковром.

Герольды (*трубят*). Все, положившие оружие, получают пощадку и имущество! Все, положившие оружие и признавшие Одерменнига, князя Ротштейна!

Трубы.

Короткий ропот толпы, за которым следует пауза ожидания. Все с напряженным вниманием смотрят на крыльцо ратуши.

Голоса. Они проехали Замоквой улицей. Теперь он в ратуше. Идут! Идут! Одерменниг. (*Ропот толпы, волнение*).

По ступеням ратуши спускается несколько рыцарей, впереди их Верходуй. На Верходуе новое прекрасное платье, опущенное мехом, золотая цепь и докторский берет. В руке у него пергамент с висящей на шнурке печатью. Рыцари располагаются у крыльца, в то время как Верходуй, сохраняя вид скромного достоинства, остается на ступеньках внизу лестницы.

Ропот удивления в толпе. Возгласы: «Смогите, это Верходуй!»

Трубы.

На верхней площадке крыльца появляется рыцарь в княжеской мантии, в шлеме с опущенным забралом. Шум толпы стихает.

Герольды (*трубят*). Все, признавшие князя Ротштейна!

Трубы.

Герольд. Горе тому, кто нарушит волю императора!

Трубы.

Верходуй. Вот высокая грамота императора Альбрехта. (*Читает*). «Прибегавший к правосудию и к защите нашей, удостоверивший право и личность свою хартиями и доказательствами разного рода, наследственный князь Ротштейна Норберт из рода Одерменнига, с репейником в гребне, властью от бога нам данной, укрепляется во всех правах своего дома, как наследственный и прирожденный фогт и судья Ротштейна». (*Поднимает высоко над головой пергамент*).

Трубы.

Рыцарь поднимает забрало и оказывается Норбертом. В толпе движение. Восклицания изумления, переходящие в приветственные крики. Вся сцена залита ярким солнечным светом, играющим на шлемах и латах рыцарей и трубах герольдов.

Норберт. Граждане Ротштейна! Прошу прощения за то, что я так громко стучался в ваши двери. Вы не хотели мне отворять, к тому же я рыцарь и мне неприлично входить в город тихо. Вы слышали, что император признал меня вашим фогтом. Бог рассудит наших предков и не будем вспоминать старого. Я открыл ваши двери мечом, за мной император и железная сила, но я не хочу брать насильем девы Ротштейна, я хочу, чтобы она полюбила меня и отдалась моему слову, а не только мечу. Граждане Ротштейна! Я прожил среди вас целый год, и вы узнали меня, как гормахера Норберта. Хотите ли вы знать меня фогтом Норбертом?

К р и к и. Виват! Да здравствует фогт Ротштейна! Да здравствует Норберт гормахер! Виват Норберт часовщик!

Трубы.

Норберт. Подойдите сюда, канцлер Ротштейна.

Ирнериус (*приближается*).

Норберт. Это доктор Верходуй, мой канцлер. Осмотрите сначала эту хартию. Удостоверьте гражданам Ротштейна, это ли печать и подпись императора Альбрехта.

Ирнериус (*наклоняется над документами*). Да, это подпись и печать императора Альбрехта.

Норберт. Канцлер Ирнериус и вы, члены совета. Вы присудили меня к ослеплению за то, что я проник в тайную камеру ратуши. Настаиваете ли вы на исполнении приговора?

Ирнериус. Ваша светлость, статья была применена к вам неправильно по добросовестному, bona fide, заблуждению. Как фогт Ротштейна, вы имели право входа в камеру.

Норберт. Канцлер сказал. Император просил меня упрочить ваш мир и подтвердить ваши городские вольности в этой хартии (*Верходуй принимает от пажа хартию*), которую мы (*берет от Верходуя хартию*) прочтем вам в ратуше. С прискорбием я вижу, что тихие улицы вашего прекрасного города стали местом раздора и междоусобия. В тайной камере вашей ратуши я видел черную, окованную железом книгу — сколько страниц в ней запятнано кровью, залито чернилом измены? Крепче закройте эту черную книгу! Пусть особенный мир этих

стен никогда не нарушится, и я накажу смертью всякого, кто раздует пламя тревоги. Если вы дадите мне это обещание мира, я прочту вам хартию ваших вольностей.

К р и к и. Мир! Мир! Да здравствует фогт Ротштейна! Да здравствует Норберт гормахер!

Н о р б е р т. Граждане Ротштейна! Вы выберете новый Совет: поровну от цехов и бюргеров. (*Шум одобрения. Ремесленники бросают вверх шапки*). Но вас, мастера, я прошу не раздувать больше пламени. (*Верходую*). Пусть подойдет сюда моя супруга. (*Верходуй уходит и сейчас же возвращается*). Граждане Ротштейна! Вот моя супруга, она дочь вашего города! (*Гортензия в пышном наряде, с короной на голове, поднимается на крыльцо и становится ступенью ниже Норберта. Крики приветствий*). Подойдите к вашей дочери, бургомистр Раммингер. (*Бургомистр уже подошел и порывисто обнимает Гортензию, которая спустилась к нему навстречу. Немая сцена*).

В е р х о д у й. Бюргеры, цехи и гильдейские люди! Фогт Ротштейна, Норберт князь Одерменниг созывает нас на вече сегодня в двенадцать часов!

Трубы.

К р и к и. Да здравствует фогт Ротштейна! Да здравствует Норберт гормахер! Виват!

Трубы, музыка.

Норберт подает поднятую руку Гортензии и при громких криках народа и музыки спускается с крыльца и идет к авансцене. Рыцари, пажы и остальные лица следуют за ним. Несколько девушек окружают оставшего Верходую, трогая его платье, цепь и пергаменты. Верходуй довольный охорашивается и с важностью отвечает на приветствия. Из гостиницы Браунрота выходит Эрн и слуги с подносами, на которых бокалы с вином. Вероника, застигнутая врасплох, хочет уйти, но Норберт жестом ее удерживает. Вся эта сцена немая при звуках торжественной музыки.

Б у р г о м и с т р. Этот день похож на какую-то сказку. Ваша светлость... я потерял дар слова... фрейлейн Вероника... Ваша светлость... Я прошу вас в свой дом... Но раньше окажите нам честь выпить этот бокал вина. (*Норберт и окружающие принимают бокалы. Вероника также взяла бокал*). Я поднимаю бокал за вечный мир и за нашего фогта, Норберта-часовщика, который снова стал мастером часов нашей жизни.

Трубы, музыка

Норберт (смотрит задумчиво в свой бокал. Музыка и шум стихают. Большая пауза).

Как смеется
Душа вина в своем хрустальном теле
Навстречу солнцу, что блестит так ярко,
Так весело на меди длинных труб.
Ах, эти трубы! Звонкие фанфары
Блестящей меди... Холод вдоль спины,
И сердце замирает сладкой болью,
И целый мир, сдаётся, упоен
Сверкающим призывным вашим криком...
фанфары...

Они зовут, и мучат, и волнуют,
И поднимают дерзкую отвагу,
И ненасытное желанье, и пьянят,
И уносятся вверх
Ярче звона мечей, звонче пения струн,
Громче крика любви и проклятья...
О фанфары, фанфары, фанфары!
Вы, как вызов судьбе, с вами музыка битв
И простор океана...
С вами пурпур и золото славы
И огни на изломах парчи,
И покрытые красным ступени.

Вы перекричали
Мои мечты и радость тихой кельи,
Вы, длинные, неистовые трубы.
Вы перекричали
Мелодию хрустального бокала,
Ту песенку, которой так молилось,
Так верило обманутое сердце.
Герольды пестрые трубили, избоченясь,
И резкие торжественные звуки
Мне сердце наполняли жаркой кровью,
И все кругом в одном сливалось крике,
В одном сиянье краснорозовом —
И император в золотом уборе,
Парча и шелк, и алые ступени,
Огонь камней и золото фанфар.
И в этот миг предела звонкой славы
Принцесса уронила розу, и, скользя
И падая, коснулся звонкой лютни

Колочий стебель розы, и цветку
Ответили серебряные струны.
И этот ропот сладкий разбудил
В моей душе утраченную сказку
О песенке, и на одно мгновенье
Померкли золото и пурпур — фанфары.
Но только на мгновенье — снова звонки
И радостны торжественные трубы,
Забытой песни громче и звончей...

Вероника (которая с пылающим лицом, вся трепещущая, слушала Норберта, делает шаг к нему навстречу). Князь Одерменниг! Прежде рыцари грабили просто, они не унижали меча сладкой ложью и, насилуя, не проливали слез, подобно Лисе Пилигримму. (Окружающие делают движение по направлению Вероники, но останавливаются перед ее взглядом и жестом Норберта). Князь Одерменниг! Вы мечом и предательством открыли наши ворота, вы осквернили святую свободу наших улиц своими солдатами, вы железной перчаткой задушили деву Ротштейна и бесстыдной рукой разорвали ее платье — и вы еще смеете говорить о песне, о лютне! Под маской гормахера вы пришли в наш город, чтобы отыскать проклятый клад Одерменнига, и вот для чего вам эта сказка о песне, о хрустальном бокале; и если граждане Ротштейна покорно согнут свою шею — я, девушка Ротштейна, брошу вам в лицо ваше истинное имя — вор и предатель! (Бросает в него свой бокал с вином. Общее замешательство. Никто не двигается с места. Вероника стоит в той же позе с поднятой головой, тяжело дыша).

Норберт (медленно подходит к Веронике, не сводя с нее глаз. Затем, взяв за голову, целует ее в губы. Вероника неподвижна). Фрейлейн, вы неправы. Вы это знаете сами и это сознание причиняет вам жестокую муку. Но вы правы тем, что любите свой город больше всех нас, любите, может быть, один только Ротштейн и больше никого на свете. Ему вы отдали всю боль и всю радость вашего гордого сердца. Вот почему я целую ваши непокорные губы. Вот почему я, фогт и князь Ротштейна милостью императора, клянусь, что ни одна вольность Ротштейна не будет мною поправа. Вот почему я возвожу вас в высокое звание дамы Рот-

штейна. (*Обнажает меч и касается им Вероники*). Да, вы будете называться Дамой Ротштейна, вы одна будете носить на груди золотой репейник моего герба. Каждый год в этот день вы будете восходить по ступеням трона ратуши на ваше тронное кресло в золотом платье и с короной *urbis* на вашей головке, и все мы будем подтверждать перед вами торжественную присягу нашему прекрасному городу, и эту клятву будут приносить наши дети, и Дама Ротштейна будет жить вечно в вашем роде. (*Вероника опускается на ступени и тихо плачет, растроганная*). А теперь подойдите к нам, чины Ротштейна и вы, наша дорогая супруга. (*Целует Гортензию*). Мы идем к бургомистру.

Ирнериус. Вот и новая легенда: «Как Вероника Мусселиус спасла городскую свободу».

Норберт. Ах, как радостна любовь, как неукротима ненависть, как чудесно прекрасны разноцветные изломы жизни! Где же услышать тебя, моя песенка? Страсти так громки, а ты так тиха, как «спокойной ночи» ребенка, как жалоба лютни, как шелест цветов, как далекий, далекий призыв... (*Закрывает глаза рукой*).

Пауза.

Крики. Да здравствует фогт Ротштейна и его супруга! Да здравствует Дама Ротштейна! Виват! Виват!

Общие приветные крики. Все теснятся к Норберту, приветствуя его с восторгом. Вероника в прежней позе. Шумная оглушительная музыка и фанфары.

З а н а в е с

ПРИЛОЖЕНИЕ

ИНТЕРМЕДИЯ

(К 4-му акту драмы)

Время. Здесь перед вами, на этой суетной и тесной сцене, звучал аккорд творения. В малом и конечном подобии представлялся неизмеримый часовой круг вечности, и золотые сферы совершали на нем свой указанный путь, подобно исполинским стрелкам времени. Наперекор их плавному и торжественному движению промелькнули перед вами, точно дикая охота призраков, неустанно бегущие мгновения человеческой жизни — в суетной мельнице бытия могучая волна вечности дробится на тысячи сверкающих брызг, живущих одно мгновение, осененных неподвижной радугой призрачного счастья. Я обнимаю собою все: тысячевековое мгновение небесного пути и мгновенную вечность пульса человеческой страсти. Если бы сущее перестало продолжаться, оно еще существовало бы больше, и вот я, пространство, его обнимающее, протяжение, заключающее возможность бытия — невидимая мантия мира. Я — Время. Я — ничто, но я больше всего сущего, ибо я — Тьма, из которой движение Света. Я — форма, заключающая в себе всякую возможность. Итак, пусть оживут в моей неизменной постоянности блудящие фантомы существующего, ибо все возможно под покровом этой мантии, ибо все только игра прихотливо струящихся складок.

Музыка.

Часы бьют один раз.

Дитя выходит из левой дверцы часов, в руках у него ворох цветов. Ребенок садится на ступени галереи и перебирает цветы. По

галерее проходит Сказка, прекрасная женщина со скрипкой в руке. Она садится возле ребенка и, трогая пальцами струны, играет ему тихую мелодию. Дитя засыпает у нее на коленях. Женщина целует его и тихо удаляется. Ребенок просыпается и убегает, протянув руки за исчезнувшим платьем Сказки.

В р е м я. Дитя бросает и топчет полевые цветы, дитя увлекает призрачный вуаль Сказки, мелькнувший перед его глазами. Сколько еще раз оттолкнет он живые цветы радости ради призрачных лилий мечты, сколько веселых песен позабудет для этой, никогда не петой, мелодии.

Часы бьют два раза.

Ю н о ш а и его возлюбленная проходят по галерее и спускаются по ступенькам. Девушка целует его в губы. Юноша проводит рукой по лбу и отстраняет от себя девушку, после чего уходит. Девушка смешивается с толпой гостей.

В р е м я. Юноша вспомнил о поцелуе Сказки и ради призрачного поцелуя оттолкнул живое объятие женщины. Увидим, был ли он прав.

Часы бьют три раза.

Ю н о ш а выходит из левой двери в виде странствующего рыцаря. На нем легкие блестящие латы. На боку меч и скрипка. Шлем за спиной, голова обнажена.

Р ы ц а р ь. Как живителен и ароматен утренний воздух! Я иду искать мою сказку, и бесконечная радость окрыляет мое тело. Мир мне представляется зеленым лугом с серебряными речками и красными стенами замков. Полной грудью я пью эту утреннюю чашу и, как резвое, веселое дитя, каждым нервом ощущаю острую сладость жизни. Я не пропущу ни одного места и бросаю вызов всякому приключению.

В р е м я. Блестящие латы и меч на боку не прибавили тебе разума. Утренняя свежесть пьянит, как шипучее вино, но к полудню отяжелеют ноги, и вечер не принесет тебе покоя... Там, у городских ворот, в маленьком домике с мшистой крышей грустная женщина смотрит на пыльную дорожку. Горе и нужда посеребрили ее черные волосы, и печальны прекрасные глаза, но их не увидишь ты более. Придет час, когда ты охотно отдашь все сокровища земли за возможность поцеловать эти грустные глаза, которые так мало видели радости, и припомнишь всякое суетное слово свое, припомнишь, как мало ты сделал для

той, которой никто тебе не заменит. Когда горячие слезы обиды затуманят твои глаза — слишком поздно пожалеешь ты о робкой ласке матери.

Рыцарь (*проводя рукой по лбу*). Пусть ветер обвеет мне лицо и отгонит горький туман сожаления. Утро да будет утром. (*Уходит*).

Часы бьют четыре раза.

Рыцарь (*входит*). Я видел множество девушек, но ни одна из них не была похожа на Сказку. Я взял несколько мостов, но ни один из них не привел меня в ее страну.

Часы бьют пять раз.

По галерее мимо рыцаря проходят в красивой процессии девушки. Рыцарь подходит к каждой, заглядывает в лицо, берет за руку и снова отходит в сторону с жестом разочарования. Девушки уходят той же дорогой.

Часы бьют шесть раз.

Рыцарь проходит по галерее. Слышится мелодия вальса. Рыцарь идет в ту дверь, за которой скрылись девушки.

Часы бьют семь раз.

Рыцарь входит под руку с прекрасной дамой.

Рыцарь. Музыка опьянила меня. Эта ночь обжигает мое лицо своим прерывистым дыханием. Мне кажется, что это ты, и я хочу узнать твою тайну... Неужели ты, наконец, сбылась, моя сказка... Да... ласка твоих ладоней, живая теплота груди... (*Привлекает ее к себе*). Я люблю... люблю... смыкается круг... (*Крик петуха*). (*Рыцарь вырывается из объятий женщины*). Прочь! Я узнал тебя. (*Отталкивает женщину*). Благословляю тебя, свежее дыхание утра! (*Уходит*).

Женщина после мгновенного раздумья закрывается плащом и уходит.

Вероника (*взволнованная встает и снова садится*).

Бургомистр. Что с вами, фрейлейн.

Вероника (*резко*). Оставьте меня. Я нахожу, что эта глупая комедия слишком растянута.

Часы бьют восемь раз.

Процессия виноградного праздника. Девушки и мальчики с корзинами винограда, с кувшинами и гирляндами. Усталый рыцарь в

запыленном и порванном плаще сидит на ступеньках галереи. Мимо него проходит веселая процессия. Последняя девушка угощает его вином.

Рыцарь. Благодарю тебя, мое дитя. Прощай.

Девушка. Оставайтесь с нами, рыцарь. Посмотрите, день уже склоняется к вечеру... Вы устали, ваше платье в пыли. Оставайтесь с нами.

Рыцарь. Храни тебя бог. (*Уходит*).

Девушка провожает его взглядом и уходит, вздохнув.

Часы бьют девять раз.

Рыцарь (*садится у колонны и грустно смотрит перед собой*). Все прошло... Часы бегут неустанно... Где ты, моя юность? Где светлая радость утра? Искристая чаша желаний?

Время. Посмотри, серебро в твоей бороде... Да, все ушло. Где твоя любовь, которая была на твоей дороге? Тебе стоило протянуть руку, а ты... с песнями обогнал тебя и праздник жатвы и праздник винограда... И вот стоишь ты на пыльной дороге с разинутым ртом, глотая золотую пыль... Как печален этот закат, эта свежесть могилы...

Рыцарь. А! Если я не уклонился с моего пути ни для сладкого отдыха, ни для шумной утехи, то разве не прекрасна далекая звезда, к которой я иду? Пусть она недостижима, но иначе она не была бы звездой. У меня еще есть моя Сказка.

Время. Что ты знаешь о звездах, глупец? Что твоя химера, что эта песня, которую ты ищешь с упрямством слепой лошади на мельнице. Пусть на неведомых тебе тайниках существующего, среди прообразов и схем бытия и звучит эта песня, далекое эхо которой будит в ваших умах мысль о прекрасном. Пусть она вся красота и вся мудрость, но подумай, глупец, что эта песня в сравнении с дикими пропастями Времени. Ляжет ли сверкающим мостом этот бледный луч над ужасными безднами мироздания? Между двумя ударами твоего пульса мысль пробежит десять раз вашу землю от края до края. Но нужно сто лет, чтобы она достигла первого предела ужасных огней, которые вы называете звездами. (*Уходит*).

Часы бьют десять раз.

Рыцарь (*встает*). Голова моя кружится и колени дрожат. Я искал и верил. Утро и полдень обманули меня, и вечер принес разочарование. Теперь я хочу только сна и смерти. Я призываю тебя. (*Идет к двери часов*).

Часы бьют одиннадцать раз.

Дверь отворяется.

Смерть, закутанная в серое покрывало, стоит на пороге.

Рыцарь. Тебе...

Смерть (*поднимает свое покрывало и открывает лицо прекрасной женщины. Она отступает, увлекая объятием рыцаря, и целует его в губы. Дверь захлопывается в то время, как*

Часы бьют двенадцать раз.

Время (*снова появляется из соседней двери часов*). Так вращается колесо жизни, и неподвижная радуга надежды тусклым призраком смотрит из живущих одно мгновение брызг. (*Уходит*).

Часы бьют один раз.

Тот же мальчик с цветами в руках выходит из двери часов и направляется к эстраде бургомистра. Взойдя по ступенькам, он рассыпает цветы у ног Вероники и Гортензии.

Гортензия наклоняется и целует мальчика.

Ирнериус. Вот и прекрасно. Слава богу, теперь он нашел свою фею. Право, это прекрасный конец.

Вероника (*сдерживает раздражение, злое ще*). Поверьте, канцлер, что это еще не конец.

КОНЕЦ ИНТЕРМЕДИИ

1910

ВЫКУП

(СВАДЕБНАЯ ПОЕЗДКА МАРУСИ)

Драма в 5 актах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Игорь Николаевич Мальванов
Михаил Захарович Любушин
Сергей Мартынович Галимский
Маруся—его дочь
Иван Антонович Невструев, художник
Алексей Валерианович Сухотин, молодой советник
Доктор Шалюмо
Павел Иванович Померанцев, кандидат
Марья Леопольдовна } молодые дамы
Шара Орехова }
Нина Васильевна Кияшко, актриса
Ефим Николаевич Боричевский, член суда
Князь Кемский
Сережа Карасев
Лакей Мальванова
Лакей князя

Железнодорожные служащие и публика на вокзале.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Зал первого класса на вокзале губернского города. На сцене правый угол этого зала, составляющий как бы особую комнату, отделенную от остального помещения широкой прямоугольной аркой в левой стороне сцены со створчатой, сейчас раскрытой дверью. Там, за этой аркой, и буфет и все входные двери, здесь же — справа стена, покрытая плакатами и обычными вокзальными объявлениями, с маленькой дверью, идущей в следующий коридор; прямо два огромные окна, за которыми видны пути и перрон. Диван, несколько небольших, покрытых скатертями столиков. Ранний весенний вечер; за окнами вспыхивают красные и зеленые огни, мелькают маневрирующие составы, проходит публика, визжат по асфальту тележки артельщиков, слышны то близкие и резкие, то далекие и гармоничные гудки паровозов.

Еще совсем светло, можно свободно читать.

Входят Сухотин, Невструев и Шалюмо.

Сухотин. Я говорил, что еще рано — никого нет.

Шалюмо. Поезд в восемь двадцать — я справлялся.

Сухотин. Видите, я говорил, что рано.

Невструев. Ну, ведь это ваш всегдашний припев — еще рано. Еще успею, мол, рано — таково завидное свойство молодости.

Сухотин. Зато вы всегда полагаете, что все равно уже поздно — стало быть, нечего и беспокоиться.

Невструев. Печальная, но святая истина. А потому выпьем пивка.

Шалюмо. Рано так рано, поздно так поздно. Опоздаешь на свадьбу, поспеешь на похороны. Пить — умереть и не пить — умереть, ошибается молодость, ошибается и старость. А потому пойдем выпьем пива и оставим бесполезные споры,

Невструев. Аминь.

Сухотин. Только сядем там у буфета, там виднее — если кто приедет.

Невструев. Там — так и там, лишь бы пиво.

Уходят налево за арку.

Входят слева Любушин и Маруся.

Любушин. Кто это тебе поклонился? Откуда у тебя такие знакомства?

Маруся. Разве ты не знаешь — доктор Шалюмо.

Любушин. Не этот — другой.

Маруся. Это художник Невструев. Я познакомилась с ним у Шары Ореховой.

Любушин. Еще лучше! Неужели ты не знаешь, что это за женщина. Хорошее общество для молодой девушки. Удивляюсь твоему отцу, куда он смотрит.

Маруся. Стало быть, когда мы поженимся, ты меня никуда непустишь. Приятная перспектива, нечего сказать!

Любушин. Дело твое — я тебя не неволю.

Маруся. Скажи уже прямо, что я тебе надоела.

Любушин. Что уж греха таить — сокровище порядочное.

Маруся. Я хочу пива — сядем здесь. *(Садится за столик)*.

Любушин. Ты с ума сошла! Девушка, на вокзале — пиво!

Маруся. Знаешь, если я решаюсь выйти замуж, то только чтобы не слышать постоянно этих глупых правил — «девушке нельзя пить пива, девушке неприлично есть семечки, девушке неприлично идти одной в гости». Господи, какая скука! Неужели я не могу пить, когда у меня жажда! Если ты не хочешь, я поеду домой.

Любушин *(садясь)*. Ну, хорошо, не кричи хоть на весь вокзал. *(Подзывает пальцем лакея)*. Дайте бутылку сотерна.

Маруся. Я не хочу вина! Я ж сказала, что хочу пива!

Любушин. Хорошо, хорошо. Дайте полбутылки вина и бутылку пива. *(Лакей уходит)*. Знаешь, Маруся, тебе нужно серьезно подумать о твоих манерах — неужели...

Маруся (*болтая ножками*). Ах, да слышала, слышала! Не ворчи ты хоть один вечер. (*Лакей приносит вино и пиво*). Пиво, пиво, пиво! Ах, как весело. (*Разглаживает руками скатерть*). Налей. Какое чудное пиво. Прелесть — какая пена.

Любушин (*не торопясь разворачивает одну из принесенных им газет и принимается ее читать*).

Маруся. Да ну же, перестань дуться, Миша.

Любушин (*через газету*). А? Что... тише же, Маруся...

Маруся. Да ну же, Миша, попробуй, какое вкусное пиво.

Любушин (*через газету*). У-г-у... (*Прихлебывает свое вино*).

Маруся. Да брось свою гадкую газету — посмотри, какой дивный вечер... Знаешь, когда я смотрю на такое вот бледносинее небо, на эти зеленые и красные огоньки, мне так хочется куда-нибудь уехать... далеко... далеко... (*Слышен гармоничный далекий гудок паровоза*). Ах! (*Схватывает его за руку*). Ты слышишь... слышишь!

Любушин (*расплескав вино*). Что такое! Да что с тобой, девочка! Это же несомненно наконец! (*Вытирает пальто*).

Маруся (*мечтательно улыбаясь*). Слышишь, какой чудесный далекий гудок... Ты знаешь, я обожаю гудки — вот такие далекие, звонкие и нежные, как свирель... мне тогда представляется вечер... голубое поле... из рощи выбегает поезд... белый дым стелется и застревает в колосьях, а золотые искры летят и гаснут на синем небе. А в вагоне светится окно, и в нем мелькает такая знакомая, такая родная тень... может быть, это моя мама... милая мама... Умерла моя мама...

Любушин. Ну вот, теперь ты расфантазировалась, девочка.

Маруся. А еще лучше утром — ранним, ранним утром, когда лежишь в постели и вдруг сквозь сон слышишь такой вот гудок паровоза — тогда почему-то такая сладкая радость сожмет вдруг сердце, словно этот гудок обещает такое волшебное счастье, и сразу же станет грустно. Ах! (*Вздыхает полной грудью*). А этот запах... (*Берет его за руку*). Этот запах каменного угля, который так неразлучен с железной дорогой — этот запах волнует и опьяняет и заставляет дышать так глубоко и часто,

и зовет туда, далеко-далеко, где блещут убегающие рельсы!

Любушин. Вот смешная девчонка. Ну, пей свое пиво и идем — в самом деле, здесь можно угореть от паровозного дыма. *(Погружается в свою газету)*.

Маруся. Неужто в жизни нет ничего волшебного, ничего далекого... *(Задумывается, достав из сумочки подсолнухи, начинает их грызть. Пауза)*.

Любушин *(в ужасе)*. Маруся! Ты с ума сошла! Опять семечки, брось сейчас же! Господи, что это за невозможная девчонка!

Маруся. Боже мой, и этого нельзя.

Любушин *(подбирая с полу шелуху)*. Да пойми же, что это неслыханная распущенность. Какое несчастье, что ты выросла без матери, каждый день тебе приходится твердить вещи, о которых знает каждая мещанка! А ведь ты из старинной фамилии — подумать, дочь сенатора — ужас! Отдай сейчас же семечки!

Маруся *(смущенная, высыпает из сумочки подсолнухи, Любушин с сердцем забирает)*. Вот...

Любушин. Это не все — у тебя, наверно, полные карманы!

Маруся. Да нет же, ей-богу, все.

Любушин. Не ври, пожалуйста. *(Шарит в карманах ее кофточки)*. Ну! Что с тобой делать, не знаю! *(Находит и высыпает на стол еще горсть подсолнухов, два куска сахара, коробку папирос, большой кусок черного хлеба и свисток. Маруся окончательно сконфужена)*. Подсолнухи, два куска сахара, кусок черного хлеба, папиросы, свисток! Да что ты, наконец, барышня или уличный мальчишка! Ну, скажи на милость — я еще понимаю папиросы, но зачем черный хлеб?

Маруся. Я... я хотела покормить Ваську.

Любушин. Какого Ваську?

Маруся. Ах, да не все ли тебе равно, — ну, жеребенка.

Любушин. Жеребенка, жеребенка! Знаешь, я тебе советую серьезно подумать о своих манерах и вообще-э — поступках *(прячет в карман конфискованные предметы)*, тебе, слава богу, восемнадцать лет, ты не девочка.

Маруся. Ну хорошо, хорошо, слышала, не буду. С завтрашнего дня буду носить в карманах только пудру и губную помаду, только не ворчи, ради бога.

Любушин (*подзывает лакея и расплачивается*).
Не знаете, скоро московский поезд?

Лакей (*смотрит на часы*). Через двадцать минут.

Любушин (*встает*). Ну, я, верно, не дождусь газет. Идем домой. Послушай, Маруся, — где ты выкопала эту шляпку? Нельзя же не думать об этих вещах — в сущности, ты могла бы быть хорошенькой девушкой, а одеваешься, как какая-нибудь сиделка из больницы.

Маруся. Скажи прямо, что тебе стыдно со мной идти! Пусти, я пойду сама.

Любушин. Ну перестань, Мурка, что за вздор.

Маруся. Я не виновата, что у меня нет мамы, что меня никто не любит, никто обо мне не заботится... а тебе стыдно надо мной смеяться. Стыдно! (*Принимается плакать, утирая глаза свернутым в комочек платком*).

Любушин. Господи, Маруся! Да перестань же, на нас смотря!

Маруся. И пусть смо-смотрят. (*Платочек, которым она вытирала слезы, разворачивается, и из него сыплется на пол какое-то семя*).

Любушин (*в отчаянии*). Господи! Этого еще недоставало! Опять какие-то семечки. Это же несносно!

Из левой половины зала входят Шара Орехова, Нина Княшко, д-р Шалюмо, Невструев и Сухотин, продолжая разговор и звонко смеясь с развязным видом признанных хозяев общества.

Маруся. Это... это конопляное семя... для голубей.

Любушин (*подбирая зерна*). Чорт знает, что такое. Скандал, на нас все смотрят.

Шара. Где же Игорь? Я думала, что мы опоздаем, я так спешила, вообразите, моя Муська куда-то затащила мои шипцы, и я целый час их искала.

Невструев. Правильно. Девчурке пять лет, и она уже завивается.

Шара. А что вы думаете — прихожу вчера домой, а она пудрится перед зеркалом.

Маруся. Дай мне твой платок.

Любушин. Вытри глазки и идем.

Маруся. Идем... скорее.

Невструев. А поклонники у нее уже есть?

Шалюмо. Игорь Николаевич сейчас будет — садитесь, mesdames, не хотите ли чего-нибудь пока? (*Все садятся за стол*).

Ш а р а. Да, да, я умираю от жажды. (*Видит Марусю*). Здравствуйте, Маруся.

М а р у с я. Здравствуйте. (*Уходит с Любушиным*).

Н и н а. Что это за странная пара? Он недурен, а она, кажется, плакала, эта мартышка.

Ш а р а. Кто? Разве — я и не заметила. Это у них часто бывает. Это Маруся Галимская и ее жених.

С у х о т и н. Какая Галимская? Здесь есть, говорят, какой-то Галимский, что я такое о нем слышал — какой-то старый чудак, чуть ли даже не отставной сенатор и притом музыкант, будто бы близкий друг Рубинштейна, Балакирева, д-да.

Ш а л ю м о. Это он самый и есть — а это его дочка.

Н и н а. Сенатор? Почему же она такая оборвашка? Вот уж не похожа на сенаторскую дочку!

Ш а р а. Да, это правда. Матери нет, некому за девочкой присмотреть. Доктор — ну что же, вина? (*Шалюмо уходит*).

С у х о т и н. А отец?

Ш а р а. Отец ее не любит.

Н и н а. Еще бы, такую мартышку.

Ш а р а. Неправда, она милая девочка. А так уже, знаете, бывает. У него была другая дочь — старшая — Ирина. Вот эту он любил — красавица и пела, как ангел.

Ш а л ю м о (*возвращается*). Сейчас все будет.

Н е в с т р у е в. Да, если бы она не умерла, это была бы знаменитая певица. Я ее слышал. Дивный голос.

Ш а р а. Да, бедняжка умерла — отец чуть не помешался от горя. А Марусю не любит, что правда — то правда.

С у х о т и н. А эта... Маруся... тоже поет?

Ш а р а (*смеется*). Вот сказали! Да она трех нот взять не сумеет! Знаете, чем она целые дни занимается? Гоняет голубей.

С у х о т и н. Каких голубей?

Ш а р а. Ну, господи, каких голубей! Ну, которые летают. (*Смех*).

Ш а л ю м о. Гонная охота. Что же, это, говорят, очень интересно.

Ш а р а. Их, понимаете, выпускают и смотрят, как они летят. Знаете, есть такие голуби, которые кувыркаются в воздухе.

Н и н а. Прекрасное занятие для барышни.

Невструев. Ну, знаете, хорошо, если бы все увлечения наших дам были так же благородны... и невинны...

Лакей (*приносит вино, бокалы, фрукты. Шалюмо принимается хозяйничать*).

Шалюмо. Пожалуйста, прошу вас — Нина Васильевна, Шара.

Нина. Воображаю — помогает же ей кто-нибудь в этом... спорте.

Шара (*подставляя свой бокал*). Ах, какая прелесть, умираю от жажды. (*Смеется*). Да, уж действительно. Если бы ты видела этих спортсменов. Мальчишки из лабазов, какие-то гимназисты, лодочники.

Невструев (*напевает*). «Гондольер молодой, взор твой полон огня».

Шара. Ах, один изумительный красавец... (*Смеется, что-то вспомнив*).

Невструев. Слышите, слышите — уже что-то вспомнила! Милая Шарочка, когда вы меня полюбите?

Шара. Молчите, несчастный: все равно вам уже поздно.

Невструев (*вздыхает*). Увы, печальная истина.

Сухотин. А меня, дорогая Харитина Григорьевна?

Шара. А вам еще рано. (*Смех*).

Нина (*неожиданно прерывает свою задумчивость*). Ну, а он? Кто же он такой?

Шара. Кто? Лодочник?

Нина. Ах, да какой там лодочник! Этот... что с этой... девчонкой.

Невструев. Ага. Забрало и нашу мрачную красавицу.

Шара. Ах, Марусин жених. Ну, так ты же видела — его фамилия Любушин. Теперь он приват-доцент, что ли.

Нина. Приват-доцент и с такой девчонкой.

Шалюмо. Эге, Нина Васильевна! Подождите, все расскажем Игорю Николаевичу.

Шара. За его здоровье! (*Поднимает свой бокал*). Да где же он в самом деле? Может быть, он не поедет, раздумал — с мужчинами это бывает.

Невструев. Например, с вашим мужем, когда он возвращается с вокзала, желая уличить вас в измене.

Шара. Вы с ума сошли. (*Вдруг начинает смеяться*). А что вы думаете, один раз таки вернулся, противный. Хорошо, что... А ну вас... (*Смех*).

Нина. Шара! Ты с ума сошла.

Шара. Я виновата, что они лезут? Так, действительно, договоришься. Да где же, наконец, Игорь! Доктор, идите же узнайте.

Шалюмо. Неужели вам мало трех таких прекрасных собеседников?

Невструев (*наливая ей вина*). И собутыльников.

Шалюмо. И собутыльников, как (*показывает*) советник «еще рано», художник «уже поздно», и я, доктор «как раз пора».

Невструев. На тот свет.

Шалюмо. Хотя бы и на тот свет; мне кажется, компания вполне подходящая.

Шара (*пьет*). Так ведь это же счастье при нас и останется, а Игорь через полчаса уезжает, да еще как далеко — в Египет. Я думаю, есть разница.

Нина. Как ты много говоришь, Шара.

Шара. Не всем же быть мрачными красавицами, как ты.

Невструев. Увы, и эти последние полчаса не принадлежат вам, мои дамы. По лицу доктора я заключаю, что и сейчас Игорь Николаевич говорит «до свидания» какой-нибудь даме.

Нина. Даме? Какой даме? Что за глупый балаган!

Мальванов быстро входит слева в сопровождении своего лакея. Все шумно его приветствуют.

Все. Наконец-то! Игорь Николаевич! Бессовестный!

Невструев. Ради бога! Что вы с нами делаете! Из-за вас дамы нам жить не дают.

Мальванов (*лакею*). Собачий билет пусть остаётся, но на первой же станции пересадки его к себе — он будет скучать, я знаю. Дашь кондуктору пять рублей, словом... да, багаж уже сдан, хорошо. Ну, иди, да постой. (*Отдает ему на ухо какие-то таинственные распоряжения*). Смотри же. (*Лакей уходит*). Ну, мои друзья, — все досадные заботы окончены, и теперь я принадлежу только вам одним. (*Наливает себе вина*).

Невструев. Знаем мы эти заботы. Видели. В шляпках.

Нина (*вставая*). Игорь Николаевич, на одну минуту.

Сухотин. Э, нет, так нельзя, мы протестуем.

Н и н а (*отведя М. к рампе*). Если у вас нет совести — это ваше дело. Но не делайте меня смешной — этого я вам никогда не прощу.

М а л ь в а н о в. Да что с вами, моя дорогая...

Н и н а. Вы едете с женщиной. Не лгите — я все знаю.

М а л ь в а н о в (*смотрит на нее с искренним изумлением*). Ну, знаете, это уже слишком глупо! Неужели вы считаете меня таким идиотом! Я еду отдохнуть и повезу с собой женщину! Да и какой смысл! Как будто бы женщины нельзя найти в любом месте земного шара! Это так же глупо, как брать в дорогу двадцать французских булок, — ведь гораздо проще достать каждый раз свежую в любой булочной Европы или Азии.

Н и н а. Какой вы... негодяй. (*Смеется против воли*). А ну вас, в сущности, мы сами и виноваты. (*Возвращается к столу*).

Н е в с т р у е в. О чем это вы там беседовали? Давали ему какое-нибудь поручение на дорогу?

М а л ь в а н о в (*сидясь, весело*). Да — она просила меня купить ей в Египте самую свежую французскую булку — такую же свежую и ароматную, как моя ненаглядная (*целует руки Шары*), моя упоительная Шара.

Ш а р а. Какой вы... жулик. А ну вас, в сущности, мы сами и виноваты.

М а л ь в а н о в. Слово в слово. Я начинаю верить в коллективную душу женщины. В своей жизни мне пришлось узнать двух-трех женщин (*наливает себе вина*), и каждая из них...

Н е в с т р у е в. Двух-трех женщин! О злодей, о синяя борода! Тысячу трех!

Ш а л ю м о. Игорь Николаевич! Опять коньяк — забыли последний припадок.

М а л ь в а н о в. Да не все ли равно, дорогой доктор. Вы же сами знаете, что мои дни в сущности сочтены. Разве можно жить с грудной жабой? Не сегодня — так завтра. Итак, о чем я говорил?

Ш а р а. О женщинах, конечно. О чем же другом вы можете говорить?

М а л ь в а н о в (*берет ее руки в свои*). Ни о чем, ни о чем другом, моя Шара.

Ш а р а. Какой вы. А — да что там, все равно здесь все свои, неужели меня ни капельки не любили?

Н и н а. Шара! Опомнись.

Ш а р а. Ах, оставь, пожалуйста, я не могу перегорать внутри, как ты, да вон, небось, и тебя прорвало.

Н е в с т р у е в. Mesdames, бросьте — все равно.

Ш а л ю м о (*досказывая*). «Уже поздно».

Н е в с т р у е в. Вот именно — все равно уже поздно его исправлять, ведь вы знаете, что он не может любить женщины дольше трех дней, и если он на своем пути склонился на мгновение к вашим коленям, приласкайте его курчавую голову, не запускайте слишком глубоко в эти кудри ваших пальчиков.

С у х о т и н. Потому, что в них и так уже светится порядочная лысина.

М а л ь в а н о в (*ероша волосы*). Ах, подлый советник. Итак, выпьем за короткие радости нашей жизни, за лучшую радость — женщину. А знаете, господа, когда я был молод и, вероятно, не дурен собой, женщины не обращали на меня ни малейшего внимания. Во-первых, я был очень робок с женщинами (*общий смех*), право, робок, напрасно вы смеетесь, я и теперь робок. Во-вторых, судьба преследовала меня с удивительным упрямством. Прежде всего я заразился экземой. Четыре года я чувствовал себя словно отверженным — мне казалось, что все избегают меня, моют руки после моего прикосновения. Болезнь прошла, но лучшие годы моей молодости были испорчены.

Ш а р а. Бедный Игорь Николаевич. (*Гладит его руки*).

М а л ь в а н о в. Затем... затем компаньон обокрал моего отца... отец застрелился... десять лет я прожил в ужасной нищете, покуда не заплатил всех долгов. Потом... умерла невеста... Потом я получил сразу два наследства и стал богатым человеком. Но молодость прошла, здоровье тоже, и какова насмешка судьбы — теперь, когда я стар, болен, едва дышу, приговорен к смерти...

Н е в с т р у е в. Да бросьте, Игорь Николаевич!

Ш а л ю м о. Видели несчастного умирающего?

Ш а р а. Как вам не стыдно!

М а л ь в а н о в. Ладно, ладно — в вашем протесте, друзья мои, я слышу фальшивые ноты — ну, так вот теперь я, кажется, имею у женщин некоторый успех. (*Общий смех: «Ах, злодей, некоторый успех»*). Да, женщины много должны мне за время моей молодости... И теперь я только получаю мои долги — правда, немного поздно. (*Он целует руки у Нины, а Шару прямо целует в губы*).

Если судьба платит, никогда не откладываете получки до завтра. Завтра судьба может раздумать.

Невструев. А так как вы едете в Египет, то можете получать по всем вексялям судьбы, ведь Египет—страна чудес и родина судьбы.

Нина (*глухим торжественным тоном*). Разве за судьбой нужно ехать так далеко? Судьба стоит за нашей спиной и считает минуты (*встает*), а в руках у нее свой счет — быть может, длиннее вашего. Берегитесь сводить с ней счеты — она припомнит вам все, что вы взяли в долг и от чего уклонились при расплате! (*Садится и пьет вино*).

Невструев. Да — это и я понимаю.

Шалюмо. Чудная женщина!

Мальванов (*смотрит задумчиво в свой бокал*). Кроме судьбы есть еще счастье, моя Нина, и я в него верю. Правда, я никогда его не знал, но я сумею его угадать там, где каждый из вас пройдет мимо.

Невструев. Вот это интересно — научите и нас, Игорь Николаевич.

Мальванов. Счастье похоже на бедную, кроткую девочку, которая проходит в толпе и смотрит всем в глаза, и ищет привета и ласки, но никто не понимает этого тихого призыва. И тогда она идет в чей-нибудь дом и скромно садится в уголке, как бедное нелюбимое дитя. И хотя кругом становится так светло и уютно — ей достаются одни попреки, и только когда она уходит, начинают понимать, что это было счастье...

Сухотин. Как это прекрасно! Счастье — нелюбимое дитя. (*Задумчиво*). Словно эта девочка, о которой тогда говорили...

Мальванов. Какая девочка?

Шара (*вдруг начинает плакать*).

Мальванов. Шарочка, прелесть моя, что вы — полно, дорогая моя.

Между тем вокзальная суета заметно усилилась. Бесперывно входят пассажиры и носильщики с грудой багажа.

Смешанный гул, восклицания и звонкие детские голоса все больше заполняют залу.

Швейцар (*входит и, потрясая колокольчиком, объявляет наступив*). Первый звонок на Ворожбу,

Конотоп, Бахмач, Киев, Сарны, Ковель, Варшаву—первый звонок.

М а л ь в а н о в. Ну, полно, Шара, успокойся. Вытри глазки.

Н и н а. Шара.

Л а к е й М а л ь в а н о в а (*входит и подает ему билеты и квитанции*). Извольте квитанции и собачий билет. Всего двадцать восемь рублей, кроме прежних. Сейчас пойдете?

М а л ь в а н о в. Хорошо, иди — займи место, уложи вещи,— мы сейчас идем. (*Лакей уходит*). Ну, улыбнись же, моя радость. Ну, друзья мои,— пора, нальем последние стаканы — и в путь.

Из-за арки быстро входит С е р е ж а К а р а с е в, довольно нескладный юноша, в фуражке городского учителя и в школьном костюме, из которого он заметно вырос. В руках у него маленькая, закрытая двускатной крышкой корзинка. Не обращая никакого внимания на публику, он направляется с деловым видом направо. В ту же минуту из-за арки выбегает М а р у с я и кричит ему вдогонку.

М а р у с я. Сережа! Сережа!

Л ю б у ш и н (*догоняя ее с сильнейшим негодованием, которое он вынужден сдерживать*). Маруся, ты с ума сошла! Маруся!

М а р у с я. Ах, да отстань, пожалуйста,— он уйдет. Сережа!

Л ю б у ш и н. Маруся — на нас смотрят!

С е р е ж а (*услышав зов, оглядывается*). Маруся! (*Возвращается*). Вот здорово! (*Сильно трясет ее руку*). Маруся! А я только хотел идти к вам во двор, да боялся, что поздно.

М а р у с я. А я за вами гналась, гналась. Фу! Запыхалась.

Л ю б у ш и н. Маруся, нам пора.

М а р у с я. Да обожди же, ты видишь, я занята. Как вы сюда попали?

С е р е ж а. Я был у Коли Барвинского, его отец здесь служит весовщиком в пакгаузе. Вот у них голубятня, Маруся, куда там наша! Одних турманов восемнадцать штук! Есть один серый Уразовского завода. Голова—кубик, хвост седой, красота! А чистых сколько! Ах, там есть один скакун — удивление! На прошлой неделе загнали двух чистых, прямо как набросился — тот же ястреб! Лабазник Хаботин давал сорок рублей!

Маруся. Да что вы!

Нина. Действительно. Вот она, наша мартышка! Скандал, на вокзале с каким-то мальчишкой.

Любушин. Маруся, я ухожу.

Серезжа. Хотите, как-нибудь пойдём, я вам всех покажу.

Маруся. Сейчас, сейчас, одну минутку, Миша *(нежно успокаивает его пожатием руки)*, я его только спрошу. Да! Чего я за вами гналась, дайте вспомнить. Да! Что мне делать, что они так линяют? Это ничего, не опасно?

За столом смех.

Серезжа. Нет, пустяки. Кладите им в воду кусок железа.

Шара. Маруся! Мурочка! Чем это вы так увлекаетесь? Идите к нам на минутку. *(За столом смех. Мальванов встает в видимом волнении, не спуская глаз с Маруси)*.

Любушин. Маруся, на нас смотрят, смеются — это же позор.

Маруся. Сейчас, сейчас... так кусок железа. А я и понятия не имела. А это у вас что в корзиночке — неужели голуби? Покажите, Серезжа, миленький!

Серезжа *(открывая корзинку)*. Это я вам, Маруся, выменял двух чистяков: вот — один чиграш, другой оловянистый. Я вам занесу на кухню.

Маруся. Спасибо, Серезжа. Какая прелесть! *(Достает и берет в руки одного голубя)*. О, какая дуся! Смотри, Миша! Ну, поздоровайся с дядей — вот с этим. *(Подносит голубя Любушину. За столом взрыв смеха)*.

Любушин *(в сильном гневе)*. Глупая девчонка! Оставайся здесь, если хочешь! *(Быстро уходит)*.

Маруся. Господи! Серезжа, да идите вы, догоните его, вы видите, как он рассердился! Скорее. Идемте!

Шара *(с места)*. Маруся, Мурочка, да идите же к нам!

Маруся *(прижимая к себе голубя, глядит вокруг испуганно, словно ищет его своими полными слез глазами. На мгновенье ее тоскующий взгляд встречается с восхищенным взглядом Мальванова, который делает по направлению к ней несколько шагов)*. Идемте же, идемте, Серезжа. *(Быстро уходит, увлекая за собой Серезжу)*.

Н и н а. Ну, уж действительно сокровище, эта девчонка. Вы видели, они опять поссорились.

Н е в с т р у е в. Игорь Николаевич, что же это вы нас бросили?

Ш в е й ц а р (*входит и звонит как прежде*). Второй звонок на Ворожбу, Конотоп, Бахмач, Киев, Сарны, Ковель, Варшаву — второй звонок. (*Уходит, потрясая звонком*).

Все шумно встают из-за стола. Суета усиливается. Мальванов оглядывается непонимающим взором, потом схватывает за руку Шалюмо и отводит его в сторону.

М а л ь в а н о в. Ради бога, доктор, кто эта девочка?

Ш а л ю м о. Здравствуйте! Да вам то что?

М а л ь в а н о в. Кто эта девочка?

Ш а л ю м о. Вот забота! Какая-то Галимская.

М а л ь в а н о в. Боже, какая прелесть!

Ш а л ю м о. Да что вы! А у нас ее считают дурнушкой.

М а л ь в а н о в. Как же я до сих пор не видел такого сокровища? И вдруг теперь, за пять минут до отъезда. Да нет, это какой-то сон!

Ш а л ю м о. Да успокойтесь, ненасытная душа, через месяц ее свадьба.

Н е в с т р у е в (*подходит*). Да что это вы, сударь, идемте в вагон: через пять минут едете. Дайте хоть взглянуть на вас на прощанье.

М а л ь в а н о в. Через пять минут... и никогда не увидеть больше этих сияющих глаз, в которых дрожат слезы. Какая нелепая насмешка. Хорошо же. (*Возвращается к столу и наливает себе вина*). До свиданья, мои дорогие друзья! За ваше здоровье! (*Загадочно улыбается*). За милую девочку — «Счастье»!

В с е. Счастливого дороги! Скорей возвращайтесь, милый Игорь Николаевич! Пишите!

М а л ь в а н о в (*подносит стакан к губам, но в ту же минуту шатается, роняет стакан и падает на стул. Общий испуг и переполох*). Воздуху...

Ш а р а (*бросается к нему*). Боже мой! Игорь! Что с тобой! Скорее воды, доктора!

В с е. Что такое! Дурно! Доктора! Ах, да вот же доктор!

Ш а л ю м о (*берет Мальванова за руку и затем растегивает воротник и рубашку*). Воды. (*Брызжет ему*

в лицо). Налейте коньяку. Так. (*Подносит к его губам рюмку*).

Ш а р а. Боже мой, неужели опять припадок? Доктор!

Ш а л ю м о. Тише, тише, не волнуйтесь. Идите скорее за экипажем.

Н е в с т р у е в. Вот тебе раз. А как же с поездом — пора в вагон.

Ш а л ю м о. Бегите скорей, ищите Петра — пусть берут вещи. Куда же ему ехать?

Н и н а (*отходя в сторону*). Все это очень странно.

Н е в с т р у е в (*Сухотину*). Идем скорее — третий звонок. (*Убегают*).

Ш а л ю м о (*Шаре*). Идите за экипажем! (*Шара уходит*). Ну, что вы, Игорь Николаевич, выпейте вина.

М а л ь в а н о в (*открывает глаза*). Ушли? (*Слышен третий звонок и свистки паровоза*). Третий звонок... Наконец-то... Простите, дорогой доктор, но я не мог иначе выпутаться... Какое счастье... я здесь, я снова ее увижу.

Ш а л ю м о. Кого? О ком вы говорите?

М а л ь в а н о в. Девочку с голубем... Это счастье — я угадал ее в толпе... и я остался... Тссс — ни слова. (*Закрывает глаза*). Воды...

Н и н а (*быстро подходит*). А — так вот что значит эта комедия! Увидим, куда приведет вас это «счастье». (*Уходит в гневе*).

М а л ь в а н о в (*вскакивает как ни в чем не бывало*). Куда бы ни привело, только бы с нею! (*Снова принимает усталый вид*). Дайте мне вашу руку, доктор. (*Опирается на его руку*). Идемте... домой. Помните же — у меня припадок.

Ш а л ю м о (*смеясь*). Сердечный, конечно.

М а л ь в а н о в. Не смейтесь, доктор, это серьезно, как смерть.

Уходят.

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Гостиная у Галимских, соединенная в глубине аркой со смежной залой. Старинная мебель, большие тусклые зеркала, бронзовые трехсвечники по стенам. Старомодная строгая роскошь, темные, спокойные краски, на фоне которых только чудесные резные рамы XVIII столетия ярко поблескивают своими завитушками. Ранний весенний вечер, голубой и ясный, тихо смотрит в высокие окна налево. На сцене пусто. Из залы доносятся отрывистые звуки рояля и настраиваемых скрипок.

Г а л и м с к и й — красивый старик с высоким лбом и седой бородой, в очках, в старомодном сюртуке—и князь К е м с к и й — тоже старик, желчного, беспокойного вида с черными вьющимися волосами и с седой короткой волнистой бородой, с блестящими глазами, одетый с аристократической элегантностью — выходят из залы.

К е м с к и й. Я слышал всех скрипачей нашего века: Оле Буля, Саразате, Вьетана, Исайе. Я слышал Венявского — это был волшебный скрипач, дамы плакали, когда он играл свои мазурки, и все же, вы знаете, у кого я слышал самый певучий смычок, самое изумительное portamento, — у одного бродячего музыканта, чеха со смешной фамилией — Горчичка. Если бы вы слышали это чарующее legato, эту огненную аподжиатуру! Но он был горький пьяница, едва ли понимал, о чем пела и плакала его волшебная скрипка... Но я вижу, что уже восемь часов, а Ефима Николаевича нет. Удивительно нетвердый человек. Я уверен, что он закопался в свои отвратительные решения и забыл, что у нас квартет, гнусный судейский крючок.

Г а л и м с к и й. Успокойтесь, дорогой князь,— у него заседание — он придет прямо из суда.

К е м с к и й. Ну, смотрите. Да, а наш альт! Этот молодой кандидат, как его... Апельсинов, Лимонов — такая фруктовая фамилия.

Г а л и м с к и й. Померанцев. Придет, придет,—не волнуйтесь, пока напьемся чаю, все будут в сборе.

К е м с к и й. Будем надеяться, что так. Но что это? Что за чудесная головка, какие глаза, какая дивная осанка! Можно подумать, что это писал Доменикино...

Г а л и м с к и й. Не правда ли? А между тем это портрет моей дочери Ирины, умершей двенадцать лет назад... двенадцать лет...

К е м с к и й. Какая чудесная сила светится в ее глазах...

Г а л и м с к и й. Это сила таланта. Если бы она не умерла двадцати четырех лет отроду, она была бы самой выдающейся певицей нашего времени. Ее учитель Габель говорил, что не знал лучшего *bell canto* со времени Марчеллы Зембрих. Но у Зембрих не было и десятой доли ее очарованья, ее потрясающей силы.

К е м с к и й (*не сводя глаз с портрета*). Теперь я помню. Мне говорил о ней Рубинштейн в 1890 году в Дрездене. Он говорил, что в Москве есть девочка, о которой через три года будет кричать вся Европа.

Г а л и м с к и й (*горько*). Да — а через четыре года она умерла. Посмотрите. (*Он показывает на висящий под портретом небольшой лавровый венок*). Этот венок ей поднесли на ее единственном концерте в Веймаре, где ее знали лучше, чем в России. Великая герцогиня плакала, когда она пела, а студенты из Иены устроили серенаду с факелами в ее честь. Я запретил ей принимать подарки — но лавровый венок... (*Он достает платок и закрывает глаза*).

К е м с к и й (*кладет ему руку на плечо*). Бедный Сергей Мартынович.

Г а л и м с к и й. Да, дорогой князь, теперь вы понимаете, что значит лишиться такой дочери и доживать одинокую, бесполезную жизнь.

К е м с к и й. Постойте — как одинокую! Да ведь у вас есть еще дочь! Ну, конечно же, я познакомился с ней у Ефима Николаевича. Прелестная девочка с такими глубокими глазами!

Г а л и м с к и й (*с неудовольствием*). Ну, что это! Глупый гусенок с красными лапками — не умеет ног взять

на фортепьяно. После той — разве можно говорить об этой?

К е м с к и й. И все-таки у нее такие трагические глазки. (*Звонок*). А, наконец-то, наконец. Наша судейская скрипка.

Г а л и м с к и й. Да, должно быть, это он. Он, он, я уже слышу.

Входит Б о р и ч е в с к и й, сухощавый господин средних лет, в элегантном черном сюртуке, с орденом на шее. В руках у него цилиндр и скрипичный футляр.

К е м с к и й. Наконец-то. Пожалуйста, ваше превосходительство! Ну, что — многих засудили? У кого оттягали имение?

Б о р и ч е в с к и й (*кладет футляр и здороваётся*). Какая чудесная погода... Когда идешь мимо этих серых заборов, за которыми цветут вишни и яблони, все остальное кажется таким ненужным и скучным. Никакая музыка не сравнится с симфонией цветущего сада. Брошу все и буду разводить розы.

К е м с к и й. Удивительно, как такая поэтическая душа может уживаться с решениями правительствующего сената и прочим судейским хламом? Как может такой тонкий нос нюхать по целым дням сургучную копоть и пыль судебных архивов? Вы ведь знаете — у него невероятное обоняние: если в комнате было три женщины, он вам скажет, чем каждая была надушена, и еще многое другое. Талант!

Б о р и ч е в с к и й. Пока же я только слышу, что в столовой наливают ароматный чай, которого я с удовольствием выпью.

Г а л и м с к и й. Верно. Идемте, господа, милости прошу!

Все идут, смеясь, к двери направо, но останавливаются при виде вышедшей из двери М а р у с и, которая останавливается в смущении.

Б о р и ч е в с к и й. Здравствуйте, Марья Сергеевна! Какая вы сегодня нарядная!

Г а л и м с к и й (*бормочет*). Глупый утенок, туда же нарядилась.

К е м с к и й. Здравствуйте, мое дитя, ведь мы с вами немножко знакомы, правда? (*Задерживает ее ручку в своей*). О, какие сердитые глазки! Немцы говорят о таких бровях, что из них вылетает бабочка и убивает человека.

Боюсь, что из-за вас в свое время пострадает не одно сердце. И вам не стыдно, Сергей Мартынович, прятать такую прелестную дочурку?

Г а л и м с к и й (*сердито*). Ну, ну, прелестная, прелестная — вы ей наговорите. Она и в самом деле вообразит, что на что-нибудь похожа — глупый цыпленок, не умеет трех ног взять на фортепьяно. Идемте же, господа, чай простынет.

Маруся отходит в сторону смущенная и грустная.

К е м с к и й (*Боричевскому тихо*). В этой девочке есть что-то фатальное. Вы видели ее глаза — такие глаза приносят несчастье. Я бы не поехал с ней на одном пароходе — ей-богу, не поехал бы! Ну, идемте, судья, идемте. (*Уходят направо*).

Маруся остается одна, молча смотрит в пространство, закусив кончик платка, который она держит в руке.

Пауза.

Входит Л ю б у ш и н — Маруся подбегает к нему.

Л ю б у ш и н. Здравствуй, Маруся. (*Целует ее в висок*). У вас гости?

М а р у с я (*молча здоровается с ним*).

Л ю б у ш и н (*осматривая ее платье*). Что это? Почему ты в этом платье? Что за нелепая фантазия?

М а р у с я (*разглаживая в смущенье платье руками*). Разве... разве тебе не нравится?

Л ю б у ш и н. Это уже другой вопрос. Но почему ты его надела — ведь это лучшее твое платье.

М а р у с я. Я... я... у нас гости и... и потом...

Л ю б у ш и н. Гости? Какие?

М а р у с я. Ефим Николаевич и князь. Будут играть квартет.

Л ю б у ш и н. Квартет! Так ведь это бывает каждую субботу, да ты и не выходишь к ним... Что ты путаешь, девочка?

М а р у с я (*набравшись храбрости*). Я думала, что мы... что мы поедем к Мальванову... папа позволил.

Л ю б у ш и н (*выходит из себя*). Как к Мальванову! Да ты с ума сошла!

М а р у с я. Я... я думала...

Л ю б у ш и н. К Мальванову! К этому проходимцу, бездельнику, кутиле. Да ты понимаешь, что ты говоришь!

Мало того, что он всюду говорит, что остался в городе только из-за тебя, теперь он преследует тебя своим ухаживанием, зная, что ты невеста. Ехать к такому мерзавцу! Да разве ты не знаешь, что это за негодяй? Вся его жизнь уходит на дикие кутежи, на интриги с женщинами, на всякие безумства. Его похождения — это сплошной скандал. Его дом — это вертеп, о котором говорят только шепотом,— и ты хочешь, чтобы я повез тебя туда, девушку, дочь сенатора, мою невесту! Да ты с ума сошла, Маруся!

Маруся (*раздражаясь*). Господи, как ты все преувеличиваешь! У Мальванова бывают все — я не понимаю, что тут ужасного. Он приезжал к нам с визитом, папа его принял. Он приезжал и к тебе. Наконец, он приезжал сегодня специально меня приглашать; в чем же дело, ведь не одна же я поеду, а с тобой...

Любушин (*раздражаясь еще больше*). Да неужели ты не понимаешь даже того, что нельзя молодой девушке ехать в дом к холостому мужчине! Какое несчастье, что у тебя не было матери и ты не понимаешь самых простых вещей. Да, наконец, что тебя так прельщает на этом глупом вечере? Это какое-то наваждение! Я не говорю о тебе, но чем вообще привлекает женщин этот гнусный крысолов, вовсе не красивый, уже немолодой и вдобавок больной. Мне было просто противно пожать его руку, мне казалось, что она липнет отвратительным потом, мокрыми лишаями, какими, говорят, покрыто все его тело.

Маруся (*возмущенная*). Это неправда! У него астма, грудная жаба, но ничего гадкого у него нет!

Любушин. Действительно мало. И вот в честь такого проходимца ты надела свое лучшее платье и собиралась ехать к нему, в его вертеп, соперничать с подозрительными красавицами, которых нигде больше не принимают, с его любовницами, вроде этой Шары или непризнанной актрисы Кияшко.

Маруся (*возмущенно*). Миша!

Любушин. Да разве ты не слышала, кто у него бывает? Эта дура Орехова, эта Кияшко, кафе-шантанная актриса, танцевавшая голый в ночных ресторанах. Я уж не говорю о неприличиях, но неужели ты не понимаешь, каким глупым утенком ты должна выглядеть рядом с их умопомрачительными туалетами в своем нелепом платье, которого ты и одеть как следует не умеешь. Какие-то бан-

ты, глупая бахрома! Ты лучше посмотри в зеркало на свою прическу, в которой ты похожа на хохлатую курицу!

Маруся (*начинает тихо плакать*).

Любушин. Ну вот, теперь этого еще не доставало. (*Раздраженный ходит взад и вперед по комнате*). Да ну же, перестань — ведь это же глупо, Маруся. (*Маруся молчит*). Маруся! (*Подходит к ней*). Ну, прости меня, я не хотел тебя обидеть. Ты же знаешь, что я хочу тебе добра. Ну, перестань, дурочка.

Маруся (*перестав плакать*). Ты стыдишься меня — я это давно вижу. Я не виновата, что не умею одеться, что у меня не было мамы... Папа меня не любит. Серафима только насмехается. Если бы ты любил меня на самом деле, я бы казалась тебе и красивой и нарядной.

Вспыхивает электрическая люстра.

Любушин. Ну, перестань, Мурка, — ты же знаешь, что я тебя люблю.

Маруся. Кто любит, тот не стыдится.

Любушин. Ну, вытри глазки, успокойся, ты все преувеличиваешь, все тебя любят — и папа, и я, и даже Серафима Андреевна. (*Достаёт часы*). Будь умницей — я, может быть, еще зайду к ужину.

Маруся. Ты уходишь?

Любушин. Да, мне нужно к ректору — у нас совещание.

Маруся (*печально*). Останься, Миша, мне будет так скучно...

Любушин. Ну, вот еще глупости — послушай музыку, впрочем, ты ничего не понимаешь в Бетховене.

Маруся (*с порывистой нежностью берет руки Любушина*). Ну, останься, ну, ради меня, я ведь никогда тебя не просила. Вспомни, как давно мы не были вместе — ты все уходишь, а я все одна, все одна... Мы проведем вечер вдвоем, будет так хорошо, сначала мы послушаем музыку, а потом пойдем посидим в мою комнату, ты мне что-нибудь расскажешь, сыграем в карты, — помнишь, как мы любили сидеть вместе, когда ты был студентом — ты и тогда ужасно важничал, но все-таки любил меня немножко больше, — ты даже целовал меня иногда... А потом поужинаем — я попрошу Серафиму, чтобы она приготовила тебе твоё оливье с осетриной. Хочешь? Поухаживай за мной и перед гостями — они все думают, что я бед-

ная замарашка, а теперь будут видеть, какой у меня важный, красивый жених. Хорошо? Хорошо, Миша? (*Приникает к нему с робкой лаской*). Ну, поцелуй же твою бедную девочку, маленькую твою невесту, меня ведь никогда никто не ласкает...

Любушин (*холодно целует ее*). Глупая девочка, вечная у тебя фантазия. Ты все выдумываешь себе какие-то романы. (*Ищет шляпу*).

Маруся. Ты... ты все-таки уходишь.

Любушин (*просто*). Я же сказал тебе, что у нас совещание. Прощай, будь умницей. (*Уходит*).

Маруся (*стоит одиноко, печально глядя в даль*).

Быстро входит Галимский, оглядывается.

Галимский. Кто это только что был — не Померанцев?

Маруся. Нет, это Михаил Захарович...

Галимский. А Померанцева не было?

Маруся. Не было.

Галимский. Что за подлый мальчишка, до сих пор не можем начать квартета — князь из себя выходит. О, проклятый лоботряс, заставляет ждать двух действительных и одного тайного советника. Ну, погоди, попадешься ты князю — он тебе покажет опаздывать. (*Бежит в раздражении по комнате*). И где он пропадает, мерзавец, шляется, должно быть, по Пушкинской улице с какими-нибудь девчонками или катает шары на бильярде. Ну, что я скажу гостям? Что? (*Внезапно останавливается перед Марусей*). И почему ты не играешь на скрипке, скажи на милость? Почему? Если бы ты играла, мы могли бы начать, не ожидая этого мерзавца. Твоя сестра играла на скрипке, как Саразете. Если бы она не была певицей, она бы дала концерты на скрипке. Какие у нее были руки — скульптура. А на что ты способна, скажи на милость! Голубей гонять с мальчишками! Ни таланта, ни красоты, ни манер — сплошная бездарность. Смотреть досадно! И это моя дочь, сестра Ирины! Смотри! (*Тащит Марусю за руку к портрету*). Смотри. Видишь эти божественные руки, какая пластика, какое благородство линий, они живут, трепещут, в них душа таланта. А что у тебя? Посмотри на свои руки (*берет ее руки*), ни красоты, ни характера — сплошное мещанство, красные гусиные лапки! (*Бросает ее руки. Маруся поспешно прячет*

их за спину). Глупый гусенок — и больше ничего. Нечего делать, придется попросить князя, чтобы сыграл пока что-нибудь соло. О проклятый мальчишка, погоди, мы тебе покажем... (*Убегает направо*).

Маруся (*смотрит сквозь слезы на свои руки*). Глупый гусенок... бедные лапки... никто вас не любит... никто...

Слева из балконной двери тихо просовывается голова Померанцева, который сначала боязливо оглядывается, а потом уже осторожно входит. Это молодой кандидат с веселым и добродушным, сейчас испуганным лицом, с рыжеватыми непослушными волосами, одет в длинный форменный сюртук — летнее пальто он снимает и кладет на стул при входе.

Померанцев (*подходит на цыпочках к Марусе*). Здравствуйте, Марья Сергеевна! Кажется, я опоздал. Ради бога, скажите: все в сборе, не сердятся, что я опоздал?

Маруся (*смеется*). Ну, и влетит же вам, Павел Иванович, долго будете помнить.

Померанцев. Да что вы говорите! Неужели все уже в сборе?

Маруся. Ну, еще бы! Целый час ждут. Ефим Николаевич рвет и мечет.

Померанцев. Да что вы говорите! Ну, пропала моя голова. И всего ведь на полчаса забежал к Фремелю, сыграл одну партию на бильярде да сапоги почистил. Господи, что я за несчастный человек!

Маруся. Да ведь это же свинство, Павел Иванович! Знаете, что вас ждут, и где-то шляетесь. Хорош музыкант, а еще в квартете играет.

Померанцев. В квартете, в квартете! Вы думаете, мне очень весело сидеть целый вечер и пилить с этими старыми чучелами. (*Маруся смеется*). Ради бога, простите, Марья Филипповна, — ей-богу, я не то хотел сказать. Но если бы вы знали, как они меня угнетают. «Это не так, не спешите, не путайте фразировки, яснее, прозрачнее, détaché, легато, спикато! Чорт знает что. Вам, молодой человек, на шарманке играть, а не на скрипке». Целый вечер голову грызут.

Маруся (*смеется*). Ах, бедный Павел Иванович! Да зачем же вы играете, если так?

Померанцев (*вздыхает*). Ничего не поделаешь — начальство. Ах, если бы вы знали, Марья Сергеевна, с ка-

ким бы я удовольствием, вместо этой проклятой музыки, посидел здесь с вами, в этой милой гостиной, поглядел бы в ваши сердитые глазки...

Маруся. Еще что выдумали — ступайте к вашему начальству!

Померанцев. Неужели вы не верите мне, милая Марья Сергеевна? (*Берет ее руки*). Да ведь если бы не вы, я бы тридцать раз бросил все эти квартеты, несмотря на всех председателей в мире! А когда я подумаю, что пусть в другой комнате, но все же здесь, где-то так близко, сидит маленькая милая девочка, с такими чудными, печальными глазками, я готов играть всю ночь — на скрипке, на шарманке, на контрабасе, я готов слушать попреки и брань трех стариков, чтобы хотя на мгновенье...

В эту минуту из-за арки выскакивают все три квартетиста и с яростью устремляются к Померанцеву.

Кемский. А! Так вот он где! Оказывает, он здесь, а мы ничего не знаем!

Боричевский. Где вы пропадаете, о чем вы думаете, молодой человек!

Галимский. Девять часов, а мы еще не начинали!

Померанцев (*смущенный*). Я... я... я... ваше превосходительство...

Кемский. Заставляете ждать! Не держите слов!

Боричевский. Безобразия! Разгильдяйство! Позор!

Галимский (*Марусе*). А ты чего здесь? Сама не играешь и ему не даешь! Туда же с молодыми людьми, глупая девчонка! Очень ты ему интересна, подумаешь!

Померанцев. Я, ваше пр-ство, право же, я спешил. Только что кончилось заседание.

Боричевский. На бильярде!

Кемский. В Варшавской кофейне!

Боричевский. Там целую ночь заседание!

Кемский. Сейчас же берите скрипку, и марш! Не сердитесь на нас, милая барышня, право, он не стоит ваших милостей.

Боричевский (*нюхая воздух*). Фу! Фу! Что за отвратительный запах! Скипидар, терпентин! Чем вы наскипидарились, несчастный?

Померанцев. Я... я... ничего... Это... это сапожная мазь...

Боричевский. Так и есть! Опять сапоги начи-
стили! Вы же знаете, что я не переношу этого гнусного
запаха! Ну, что я буду теперь делать! Я не могу с ним
играть — у меня сейчас же будет мигрень!

Кемский. О строптивый юноша! Сергей Мартыно-
вич, дайте ему какие-нибудь туфли, пусть играет в туф-
лях.

Померанцев. Помилуйте, разве возможно.

Галимский. Отлично. Я сейчас дам. (*Уходит*).

Кемский. Снимайте сейчас же ваши гадкие бо-
тинки! Мигом!

Померанцев. Да помилуйте, разве мыслимо?

Боричевский. Да вы еще будете рассуждать! На-
скипидарился и еще рассуждает.

Галимский (*возвращается с огромными красными
туфлями*). Вот.

Кемский. Чудесно. Ну-с. Надевайте.

Померанцев (*снимает, ворча, ботинки*). Самая
лучшая мазь... это уже тиранство какое-то... прямо ин-
квизиция испанская. (*Надев туфли*). Корабли ка-
кие-то.

Кемский. Слава богу. Наконец-то. Марш!

Боричевский. Да ну же, ворочайтесь, живо.
(*Достает из футляра скрипку*).

Кемский, Боричевский, Галимский хватают Померанцева за руки
и увлекают в залу через арку, причем Галимский размахивает кон-
фискованными ботинками, а Боричевский скрипкой.

Все хором:

Квартет G-moll, allegro non troppo!

Исчезают за аркой, где уже видны зажженные у пюпитров свечи.
И сейчас же оттуда доносятся торжественные звуки Бетховенского
квартета, слышимые с перерывами, до конца акта. Маруся, которая
звонко смеялась во время предыдущей сцены, теперь стоит при-
умолкшая, грустная, с еще большей тоской вперив в глубину ком-
наты неподвижный взор. Потом садится в кресло в уголке направо,
опустив руки на колени ладонями вверх и склонив головку в пе-
чальном раздумье. Так она сидит, как бедное, нелюбимое дитя.

Большая пауза.

Слева из балконной двери тихо входит Мальванов.

Останавливается у порога. Затем осторожно подходит к Марусе,
которая вскакивает в испуге.

Маруся. Вы! Вы!

М а л ь в а н о в (*берет и целует ее руки и говорит со сдержанной, но увлекательной страстью*). Да, это я... я пришел за вами.

М а р у с я (*отступая*). За мной?

М а л ь в а н о в (*снова берет ее руки*). Да, да, за вами. Я пришел за вами, потому что без вас пуст мой праздник, потому что только для вас я созвал музыкантов и нарядную толпу гостей, только для вас я зажег все лампы в моем доме, только для вас я сорвал все цветы моего сада. Но померкли и огни, и цветы, и скрипки, потому что счастье — капризная девочка... Она не хочет идти туда, где музыка, цветы и огни, она не хочет идти к тому, кто призывает ее так страстно, так нежно; счастье — капризная девочка, она сидит печально в мрачном пустынном доме, где никто ее не любит, не ценит, не понимает... Там сидит она, как бедное, нелюбимое дитя, среди тусклых зеркал и ворчливых стариков... бедная маленькая принцесса. Идемте же, идемте ко мне, моя принцесса, — мое убегающее счастье, бросьте эту мрачную комнату — идемте ко мне в мои высокие светлые залы, там мы будем танцевать, и вы станете смеяться так звонко, так весело, как маленькая фея.

М а р у с я (*очарованная*). Господи... зачем... зачем вам маленькая замарашка, бедная мышка, которую... никто не любит, — откуда, откуда вы это узнали?..

М а л ь в а н о в. Я узнал это в тот синий вечер, когда в первый раз увидел вас на вокзале... ради вас я свернул с моего пути. Я остался здесь, чтобы быть близко к милой девочке, которой никто не любит, чтобы хоть один раз заглянуть ей в глаза, смотревшие так кротко и так печально... (*Берет ее руки и смотрит в ее глаза*).

М а р у с я (*вырывает руки и отворачивает лицо*). Нет, нет, уходите, оставьте. Уйдите. Я не пойду к вам.

М а л ь в а н о в. Маруся... (*Целует ее руки*). Маруся...

М а р у с я (*снова вырывает руки*). Оставьте мои бедные руки, даже папа смеется над ними. Уйдите. Я не хочу, чтобы опять смеялись над бедной девочкой, некрасивой, смешно одетой, с красными грубыми руками. Уйдите — мне больно слушать вас. Уйдите, я вас умоляю.

М а л ь в а н о в (*с искренним удивлением*). Некрасивой, смешно одетой? Да кто сказал вам эту глупую ложь? (*Берет ее за плечи и подводит к зеркалу*). Какой злой волшебник заключил вас в этом сумрачном доме среди

старых картин и ворчливых стариков? Что они понимают в вашей красоте? Что понимает в ней ваш жених, желчный, сухой педант, который и из вас хочет сделать чопорную куклу по образу и подобию своему? Не верьте, не верьте им. Глядите — сейчас я покажу вас такой, какой вы снитесь мне каждый день, каждую ночь, когда мои мечты говорят мне, как вы прекрасны.— Сядьте (*Маруся послушно садится*). Вот, смотрите. (*Он моментально разрушает ее неудачную прическу, берет с подзеркальника гребень и несколькими мастерскими ударами создает ей прелестную прическу, безупречно идущую к ее лицу. Разделив волнистые пряди пополам, он проводит их косо под ушами, слегка закрыв их верхушки и соединив на затылке, где тяжелая масса волос мягко спускается на шею, оттеняя щеки чудесной рамкой. Из кармана он достает нитку жемчуга и пропускает ее спереди назад над левым ухом, пряча концы в волосах. Справа на виске он укрепляет алую розу, которую достает из шляпы. Затем быстро зажигает у зеркала две свечи и подводит к нему трепещущую девушку*). Смотрите — узнаете эту милую девочку?

Маруся. Ах!

Мальванов. Теперь постоит. (*Несколько минут он смотрит молча на ее платье, затем с тем же вдохновением артиста и искусством баловня женщин он превращает несколькими простыми приемами ее неудачное, слишком загроможденное платье в прелестный бальный наряд. Для этого, достав из кармана маленькие ножницы, он прежде срезывает с ее платья широкую бахрому, идущую от правого плеча к поясу и оттуда под углом направо поперек всей юбки. Точно так же он срезывает гипюровую вставку на груди. А затем, все из той же шляпы, достает гирлянду мелких роз, которую прикалывает вдоль платья. Срезая с плеч такие же гипюрные короткие рукава, он надевает на ее обнаженные руки длинные белые перчатки**). Сделав все это, он снова подводит ошеломленную девушку к зеркалу). Ну что? Вы видите теперь, как обманывали вас те, кто уверял вас, что вы замарашка, что вы некрасивы, что вы глупый гусенок с красными

* Все эти детали могут быть изменены по желанию. Важно лишь удалить с платья его безвкусные нагромождения и выявить ясные линии наряда.

лапками. Да, гусенок, который стал уже лебедем. Смотрите же, как прекрасны эти чудесные руки, как сияют эти глаза, как смеются милые губки. Идемте же, идемте со мною туда, где сияют огни, где звенит упоительный вальс, где каждый увидит, что вы так прекрасны, моя милая девочка-Счастье!

Маруся (*порывисто протягивает ему обе руки*). Это сон! Что вы сделали с бедной Марусей?

Мальванов (*целует ее руки*). Идемте же, идемте скорее.

Маруся (*набрасывая лежавшие у зеркала мантию и шарф*). Идемте. (*Он увлекает ее к двери*). Постойте, одну минуту. (*Она останавливается на минуту, не отнимая у него правой руки и прислушивается, приложив к губам палец левой*).

В эту минуту музыка в зале обрывается и сейчас же раздаются взрыв упреков и брани, на фоне которых жалобно выделяется тенорок оправдывающегося Померанцева.

Голоса (*достаточно хорошо слышимые*). Скандал! Кавардак! Каша! Что вы сделали с вашим рондо! Где было ваше *spiccato*? Это не спикато, а кислая капуста! Если не умеете читать нот, надо было смотреть на Ефима Николаевича! Та-ра-ра-ра-рарарара. Пауза! Пауза! Новый смычок! новый смычок! новый смычок!

Голос Померанцева Да право же, я, ваше превосходительство... я смотрел...

Голоса. Вы смотрели? На кого вы смотрели? На вашу бабушку? На Варшавскую кофейню! Вам на бильярде играть, а не на скрипке! Позор! Провалить такое рондо! (*Голоса переходят в глухое бормотание*).

Маруся. Тсс — одну минуту. Спрячьтесь скорее в переднюю. Через минуту я буду с вами. (*Она вталкивает Мальванова в двери передней. В ту же минуту из-за арки выскакивает взъерошенный Померанцев, отдуваясь и вытирая лицо платком*).

Померанцев. Фу! Вот наказание! Всю голову прогрызли! Еле спасся! Маруся, голубушка, милая, вырвался на пять минут — перерыв, всю голову прогрызли... Но что с вами? Вы куда-то собрались — оделись.

Маруся (*решительно наступает на Померанцева*). Павел Иванович, вы очень меня любите? Говорите сейчас, скорее.

Померанцев. Господи! Марья Серге...

Маруся. Значит, любите. Слушайте — сейчас же идемте, скорее, — вы должны меня проводить.

Померанцев. Как идемте! Куда?

Маруся. Ах, да скорее, не рассуждайте! На вечер к Мальванову. Я не могу идти одна — Михаил Захарович нездоров — поняли?

Померанцев. Да как же... да ведь...

Маруся. А, так вы не хотите? Прощайте!

Померанцев. Да что вы, господа, стойте. Да ведь Ефим Николаевич меня живьем съест. Подумайте, ведь он мое начальство. Удрать с квартета! Да он меня со службы выгонит! Этого он никогда не простит!

Маруся. Как хотите, я вас не неволю. Прощайте.

Померанцев. Ну, хорошо, хорошо, едем. Что вы со мной делаете? А! Для вас ничего не жалко!

Маруся. Спасибо, спасибо, милый Павел Иванович. Я вам этого никогда не забуду. Скорее же — марш! Идем.

Померанцев. Идем. Где моя шляпа? Стойте. Скандал. Как же я пойду в этих кораблях! Сапоги они забрали.

Маруся. Господи. Этого еще не доставало! Все пропало! И угораздило вас чистить эти противные сапоги. Ну, что теперь делать, что делать, что делать! А! Идея! Папины ботинки! Сейчас, одну минуту. *(Убегает и моментально возвращается с ботинками)*. Вот — скорее. Надевайте. Да не топчитесь целую вечность. Господи, кто-нибудь войдет — все пропало. Скорее, тюлень несчастный.

Померанцев. Вот переполох, прости господа! Да тут не то что в тюленя — в носорога *(надев ботинки)* пре-пре-вра-вра... Маруся, да они тесные. Ей-богу — жмут зверски.

Маруся. Надели? Не рассуждайте. Скорее...

Померанцев. Ай — те-есные. *(Дрыгает ногой)*. А... Ай!

Маруся. Они разойдутся. Идемте же скорее...

Померанцев. Ей-богу, трудно ступать. Ай! *(Дрыгает)*.

Маруся. А, да идите же, носорог несчастный. Скорее! На извозчике поедem. *(Схватывает его за руку и увлекает в дверь)*.

Пауза. Сцена пуста, и только красные туфли кандидата стоят одиноко на самой середине комнаты.

Из-за арки выскакивают все три приятеля — князь, Боричевский со скрипками в руках, а Галимский со смычком виолончели. Выйдя на середину комнаты, оглядываются в недоумении.

Кемский й. Да где же он? Молодой человек! Где вы?

Боричевский й. Куда он пропал? Павел Иванович!

Галимский й. Павел Иванович! Где вы? Пора!

Все. Павел Иванович! Пора!

Кемский й. Нигде не видно. Может быть, он вышел — гм — проветриться...

Боричевский й. Всюду тихо — пусто...

Кемский й. А! Туфли! Туфли на полу! Туфли! (*Поднимает и потрясает туфлей*).

Боричевский й. Неужели! Удрал — это ясно!

Кемский й. Удрал, без сапог, удрал мерзавец! О!

Галимский й. Да неужели сбежал? О, каналья!

Все. Пропал квартет! Ну, погоди же, мерзавец! Погоди! О! О! О!

Яростно потрясают скрипками.

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

В доме Мальванова. Красиво убранная комната, выходящая в глубине в галерею, большие окна которой, чередующиеся с бронзовыми бра, видны через пролеты арок, замыкающих сцену. Ковры, статуи, цветы и красивая мебель комнат составляют теплый контраст с холодным великолепием белой галереи. Слева, ближе к авансцене, группа мягкой мебели. Двенадцатый час ночи. Издали доносится музыка.

Сухотин и Невструев сидят в квадратных глубоких креслах друг против друга, разделенные маленьким столиком, на котором две бутылки и стаканы. Оба курят и молча пьют. Пауза. Невструев насвистывает мотив долетающего из зала вальса.

Марья Леоп. (*вбегает*). Алексей Валерианович! Где вы — идемте же танцевать, негодный!

Сухотин. Да ведь еще рано — успеем.

Марья Л. Как рано! Двенадцатый час. Идемте (*Тащит его за руки*). Идемте же, гадкий медведь.

Сухотин. Ах, Марья Леопольдовна, и куда спешить. Тут так хорошо. Право, еще рано.

Молодой человек (*вбегает*). Марья Леопольдовна! Где вы! Идемте же скорее — наша очередь!

Марья Л. Да неужели! Идем. Смотрите же, я больше не приду, не хотите, не надо. (*Убегает с молодым человеком*).

Невструев (*тихо смеется*).

Сухотин. Чего это вас?

Невструев. Да ведь в самом деле. Над вами все смеются, что вы не торопитесь, потому что «успею — еще рано», а я уж и торопиться не хочу, «все равно, уже поздно». Смотрите, жизнь не ждет, не успеете оглянуться, как уже будет поздно.

Сухотин. Ну, велика забота.

Невструев. Да, вот вам и забота. В конце концов мы никогда не живем. Первую половину жизни мы все думаем «еще рано—успеем», а вторую половину проводим в бесполезных сожалениях о прошлом, упуская то немногое, что еще осталось на дне нашего кубка, дескать, все равно уже поздно. А жизнь не ждет и убегает, как вон эта Марья Леопольдовна, что прибежала вас звать танцевать. Смотрите — она не вернется.

Сухотин. Ну и чорт с ней. Мне и тут хорошо.

Невструев. Да—посмотрите, как поступает Мальванов. Он не прощает жизни ни одной минуты. С грудной жабой, в сорок лет он не думает о том, что уже поздно, и не откладывает ничего на завтра, а все берет сегодня.

Пауза.

Шара (*вбегает*). Игорь Николаевич! Здесь нет Игоря Николаевича? Вы не видели, Иван Антонович?

Невструев. Нет, мой ангел, не видели.

Шара. Где же он делся? Ничего не понимаю. Нигде его нет. (*Убегает*).

Марья Л. (*вбегает*). Вы не видели Игоря Николаевича? Что такое, нигде его нет. А на вас я сердита. Не пойду танцевать, и не просите. (*Убегает*).

Невструев. Видели? Его уже ищут. Созвал гостей, а сам куда-то исчез. Узнаю Мальванова — его стиль.

Шалюмо (*входит*). Иван Антонович. Идемте в карты играть, что вы здесь киснете.

Невструев. Да ведь уже поздно, какие там карты.

Шалюмо и Сухотин смеются.

Невструев. Да смейтесь, смейтесь. Над собой смейтесь.

Входят Нина и Шара. Нина в великолепном бальном платье, бриллиантовом колье и браслете, в наброшенном на плечи черном манто.

Нина. Я не намерена дольше терпеть этого оскорбления. Если хозяин бросает гостей—это оскорбление. Я уезжаю. Если бы у нас было больше достоинства, мы бы уехали все, и это было бы ему хорошим уроком. Алексей Валерианович, проводите меня — я уезжаю. Если хотите, едемте вместе.

Сухотин (*нерешительно встает*). Да что вы, Нина Васильевна. Ведь еще рано. (*Шара, Невструев и Шалюмо смеются*).

Нина. Как хотите — я вас не заставляю. Иван Антонович, проводите меня. Я отвезу вас, если хотите.

Невструев (*невозмутимо*). Да куда же я теперь поеду, все равно уже поздно, помилуйте, двенадцатый час. (*Общий смех*).

Нина (*в гневе*). Прекрасно, оставайтесь с вашим глупым смехом. Когда вам плюют в лицо — лучше всего смеяться.

Невструев. Да позвольте, дорогая Нина Васильевна...

Сухотин. Да право же, послушайте — вы не поняли...

Нина. Хорошо, хорошо. Я все поняла. Смотрите, как бы вам обоим не было слишком поздно. Прощайте.

С гневом поворачивается и эффектно уходит к аркам. В эту минуту из галереи вбегает взволнованная Марья Леопольдовна, хватая Нину за руку и тащит ее обратно в комнаты.

Марья Л. Нина Васильевна, душечка, если бы вы знали, что случилось, если бы вы знали. Шара, милая, душечка. Игорь Николаевич только что приехал... уф... (*Не может говорить, запыхалась*). Не могу говорить. Сердце... уф...

Нина. Удивительные новости.

Марья Л. Да нет, вы послушайте! Он приехал не один, а с дамой, то есть не с дамой, а с какой-то девчонкой, понимаешь, такой жареный цыплёнок с прижатыми локтями (*показывает*), носится с ней, как с принцессой.

Шара. Боже мой, это Маруся! Да неужели!

Невструев. Ха-ха-ха! Это прелестно! Узнаю Игоря Николаевича!

Нина. Этого еще недоставало!

Марья Л. Всюду ее водит, показывает ей дом и, понимаете, подводит к ней знакомиться, точно с какой принцессой.

Нина. Какое безобразие, какое бесстыдство!

Марья Л. В конце концов остановил котильон и велел играть вальс, и теперь танцует с ней один в целом вале!

Невструев. Вот это ловко! Милый Игорь Николаевич! Вы подумайте, какая красота, какой стиль: вальс в честь маленькой Золушки, все расступились, и они вдвоем в целом зале!

Шалюмо. Да, но это ей дорого обойдется — этот сказочный вальс.

Нина (*уже забыла, что хотела уезжать, нервно сбрасывает манто и выпрямляется, гневная и прекрасная*). Так вот оно что! Хорошо же! Ей нужно сейчас же показать ее место.

Марья Л. Да, да, непременно! Нужно ее хорошенько проучить!

Нина. Несчастливая девчонка, грязная мартышка с мокрым носом, и туда же — в царицы бала! Пусть лучше идет гонять голубей по крышам!

Марья Л. Каких голубей? Каких голубей? Нина?

Нина. Ах, да не все ли равно. Разве вы не знаете, что это уличная девчонка.

Шара. Ну, ты уж слишком, Нина. Да по стойте, с кем же она — может быть, с ней ее жених, Любушин. Такой брюнет в очках, мрачного вида, чопорный.

Марья Л. (*смеется*). Ах, нет. С ними какой-то уморительный кандидат, ходит за ней по пятам, да еще, кажется, хромает — потеха!

Шалюмо. Ну, словом, бедной девочке капут. Идемте же, почтеннейший. Идемте в общество бубновых и трефовых дам, которые гораздо симпатичнее живых.

Невструев (*забирая со стула бутылку*). А нельзя ли ей как-нибудь помочь, этой девочке?

Шалюмо. К чему? Станет дамой — сама такой же будет. (*Уходит*).

Нина. Сядем пока здесь. (*Садится на диван слева. М. Л. и Шара следуют ее примеру*). Алексей Валерианович, вы знаете этого Любушина?

Сухотин (*из своего кресла*). Нет. Я его вижу каждый вечер в нашем клубе. Да он и сейчас там — перед тем, как ехать сюда, я заходил в клуб и видел его там.

Нина (*многозначительно*). А... плохо же он смотрит за своей невестой.

Входит Мальванов под руку с Марусей, за ними Померанцев, заметно хромая в узких ботинках. Маруся прелестна в своем наряде и очаровательна в своем смущении.

М а л ь в а н о в. А здесь вы можете отдохнуть, моя маленькая фея. Если бы вы знали, как я счастлив, видя вас у себя посреди всех этих знакомых вещей, которые теперь кажутся обновленными и лучшими от одного вашего взгляда.

М а р ь я Л. Вы слышите, оказывается, мы — вещи.

М а р у с я. Господи, как это все чудесно... Когда я проходила мимо этих огромных зеркал, я боялась смотреть в их сияющую глубину... оттуда, словно из далекой сказки, шла навстречу незнакомая, новая Маруся. Я никогда не забуду этого вальса в чудесном, высоком зале. Я была как во сне. Все расступились перед нами, и зал казался таким бесконечным, словно море — еще минута, и я бы упала без чувств.

Ш а р а. Но посмотрите, как она переменялась — прав-же, она недурна, эта маленькая Маруся.

М а р у с я. И сейчас у меня кружится голова. Вы меня простите, милый Игорь Николаевич, мы посидим немножечко с Павлом Ивановичем вот здесь, в уголочке.

Н и н а. Вы слышали — «немножечко», в «уголочке». Что бы уже прямо в «куточке».

М а л ь в а н о в. Ну конечно, конечно. Я сейчас пришлю вам чего-нибудь освежиться — мороженого, фруктов.

М а р у с я. Да-да, мне ужасно хочется пить.

М а л ь в а н о в. Потому что вы маленькая фея, а ведь феям всегда нужно дать напиток, чтобы они не исчезли — если верить сказке о трех лимонах.

М а р у с я. Вы заставите поверить всякой сказке. (*Садится*).

М а л ь в а н о в. Сейчас я пришлю вам вина с лимонадом.

М а р у с я. И если можно — маленький, маленький стаканчик пива...

М а л ь в а н о в. С удовольствием, сию минуту. (*Уходит*).

Н и н а. Это ужасно. Она воображает, что она в пивной.

М а р у с я. Садитесь же, Павел Иванович. (*Усаживаются направо у авансцены по обеим сторонам маленького столика. Маруся слева, а Померанцев справа от зрителей*). Господи, да чего вы такой кислый! Да ну же, смотрите веселее. Подумайте, мы с вами вдвоем на балу, удрали от старших, — я чувствую себя такой веселой ма-

ленькой девочкой. Вот сейчас будем пить вино, а потом пойдём с вами танцевать, хорошо? Да ну же, улыбнитесь, — неужели вы не забыли ваших гадких ботинок!

Померанцев. Да, если бы вы знали, как они жмут, эти проклятые ботинки. Сил просто нет терпеть. Правый ещё — ой — ничего, а левый — хоть плачь. Но разве в ботинках дело? Вы меня мучите хуже всяких ботинок!

Маруся (*звонко смеется*). Да что Вы, Павел Иванович! Неужели я хуже ботинок? (*Смеется*).

Марья Л. Это ужасно. Вы слышите, как она хохочет — скандал!

Померанцев. Вот видите, вы только смеетесь надо мной. Вы думаете, мне приятно слушать, что говорит вам этот Мальванов! Вы с ним танцуете, смотрите на него так нежно, улыбаетесь. Теперь я дальше от вас, чем там, в вашем тихом доме, где я глядел украдкой на ваши сердитые глазки... Если бы вы знали, как вы мне дороги, Маруся...

Маруся. Да перестаньте же, глупый. Я и то боюсь, что нас слушают эти три дамы, — я чувствую, как они сверлят мне спину своим взглядом, — бррр. С одной я знакома — мне пужно ей поклониться. Ну, улыбнитесь же, милый Павел Иванович, право, я вас очень люблю. (*Лакей приносит сифон, две бутылки, два стаканчика и фрукты*). А вот и пиво. Боже мой, коньяк! Это вам, Павел Иванович. Спасибо. (*Лакей уходит*). Какие прелестные стаканчики. (*Кланяется Шаре*). Здравствуйте.

Шара (*с места*). Здравствуйте, Маруся. Какая вы сегодня нарядная.

Нина. Спроси ее, почему она не с женихом.

Померанцев тайком снимает под столом левый ботинок и с наслаждением шевелит ногой в красном чулке, отдуваясь — ффу...

Шара. А где Михаил Захарович — почему вы не с ним?

Маруся (*смущаясь*). Он... он... нездоров... у него болит... голова.

Шара. Неужели? А как же Алексей Валерианович видел его только что в клубе? (*Нина и М. Л. вызывающе смеются*).

Маруся. Разве... я... я... не знаю...

Шара (*смеется*). Смотрите, Мурочка, может быть, вы поссорились? Погодите, мы расскажем Михаилу Захаровичу ваши приключения.

Сухотин (*неожиданно вмешивается в разговор из своего кресла*). Я не говорил, что видел Любушина в клубе сегодня. Я сказал, что видел его прежде.

Марья Л. Как, прежде! Как вам не стыдно! Вы только что говорили, я сама слышала.

Сухотин. Да вам-то какая забота, Марья Леопольдовна, не все ли вам равно, где бывает Любушин.

Маруся (*смеется*).

Марья Л. Какое нахальство!

Маруся (*Померанцеву*). Вы слышали, как он их отделал? Какая прелесть — он за меня заступился. Какая жалость, что я с ним не знакома. Ну, тем лучше. (*Торопливо вынимает из волос розу*). Павел Иванович, пойдите к нему и передайте от меня эту розу.

Померанцев. Что вы, бог с вами, Маруся. (*Поспешно надевает ботинок*). Что подумают эти дамы!

Маруся (*повелительно*). Вы слышали, что я сказала? Если вы не хотите, я отдам сама.

Померанцев. Господи, что это за капризная девочка. (*Встает*).

Марья Л. Это неслыханно! Она ведет себя, как котка!

Маруся. Ага, вот оно что. Кажется, начинается всерьез. Смотрите же, Павел Иванович. Дело слишком серьезно.

Померанцев (*берет розу*). Будьте покойны, Маруся. Я уже вижу. (*Спокойно подходит к Сухотину и подает ему розу*). Марья Сергеевна Галимская поручила мне передать вам эту розу. Позвольте и мне позжать вашу руку.

Сухотин (*встав, берет розу и жмет руку Померанцеву*). Сердечное спасибо, горжусь этой честью. (*Кланяется с места Марусе, прижимает розу к губам и, вдев ее в петлицу, снова садится в свое кресло. Померанцев возвращается к Марусе*).

Марья Л. Какое бесстыдство! Это какой-то кафешантан!

Шара. Тише же — ведь все слышно.

Нина. Ну так что же, ведь она сама этого хочет.

Маруся. Спасибо, Павел Иванович, вы прекрасно сказали. За это я с вами выпью, а потом мы с вами пойдём танцевать. Да что с вами, что вы опять такой кислый?

Померанцев (снова снял потихоньку один ботинок).

Маруся. Вот я вам сейчас налью коньяку с сельтерской водой (наливает коньяк в стаканчик), будет вам дуться... а себе пива — вот теперь воды.— Ах, как смешно шипит.— А теперь чокнемся. (Звонко чокается с Померанцевым). Пойдите, я вам еще налью. (Наливает и неосторожно пускает струю из сифона на Померанцева, который в ужасе вскакивает и отряхивается, забыв, что он без ботинок... Маруся принимается смеяться с заразительной веселостью).

Померанцев. Ай! Да что это вы, Маруся! Новые брюки! (Садится и поспешно надевает ботинок).

Маруся (смеется). Ой, не могу. В одном... ботинке... крас.... красные... красные... чулки...

Нина (громко). Действительно, какая-то пивная. Кажется, придется уйти — здесь просто неприлично оставаться.

Маруся (вставая, громко и серьезно). Ну, Павел Иванович, идемте лучше танцевать. Глупо — приехать на бал и сидеть с нетанцующими. Между прочим, вы заметили, что дамы, которые не танцуют, всегда ужасно злятся. Вероятно, им ничего больше не остается, как сплетничать насчет окружающих. (Медленно идет к аркам).

Померанцев (в ужасе). Тсс-тише, ради бога, Маруся.

В это время три дамы также встали и поправляют свои платья и прически, собираясь идти в зал. В ту минуту, когда Маруся поравнялась с ними, Шара обращается к ней.

Шара. Смотрите, Маруся, достанется вам от Михаила Захаровича, что-то уж очень вы разошлись сегодня.

Нина (Шаре). Laissez la — est ce que vous ne voyez pas ce genre la? J'ai cru d'abord qu'e c'est une fillette la gue — maintenant elle me paraît une simple... coureuse*.

Шара (в ужасе). Нина! Ты ж ума сошла!

Под влиянием услышанного оскорбления, Маруся мгновенно преобразается. Она выпрямляется и гордо поднимает голову. Теперь в ее

* Оставьте ее, разве вы не видите, какого она сорта? Раньше я думала, что она уличная девчонка, но теперь я вижу, что это просто... потаскушка.— Авт.

манерах нет уже ничего мальчишеского — в ней проснулась женщина и сказалась порода. Спокойно обернувшись к Нине, она отвечает ей отчетливым голосом, в котором звенящие ноты гнева скованы глупым достоинством.

М а р у с я. Pourquoi tant d'attention a une fillette de la rue, dont chaque pas vous poursuiviez si obstinément? * Вы прекрасно знали, что уличная девчонка поймет оскорбление, которое вы ей бросите. В течение целого вечера вы высмеиваете каждый мой шаг, хотя я ничего вам не сделала. Теперь я могу вам сказать, сударыня, — да, к сожалению, я пришла сюда против желания моего жениха, — и вижу, что он был прав. Он запретил мне ехать сюда потому, что, по его словам, здесь можно встретить подозрительных красавиц, женщин без чести и стыда. О, не спешите отвечать. (*Останавливает спокойным жестом бросившуюся вперед Нину*). Я не видела в этом ничего опасного, потому что не считаю себя выше других женщин. Но сейчас я поняла, что женщина, которая не уважает чужого достоинства, женщина, которая унижается до травли глупой, неопытной девушки, — действительно (*пауза*) лишена чести. (*Спокойно поворачивается, кладет руку на локоть Померанцева и медленно уходит*).

Короткая пауза, потом взрыв.

М а р ь я Л. Это возмутительно! Дрянная девчонка! Дрянь! Нахалка! Нужно сейчас же ее вышвырнуть вон! Нужно!

Сухотин поспешно встает и уходит.

Ш а р а. Это поразительно! Как она нас отделала! Вот так штука!

Н и н а. Хорошо же! Это ей дорого обойдется. (*Сдержав свой порыв, злоеце*). Запомни, Шара, она мне дорого заплатит за это.

М а р ь я Л. (*в азарте*). Нужно сейчас же идти к Игорю Николаевичу, нужно сейчас же идти к... нужно сейчас же, я сейчас же...

Н и н а (*с раздражением*). Ах, да оставьте, пожалуйста, ваши глупости, когда вы перестанете трещать, как на базаре. Вы бы поучились выдержке у этой девчонки.

* Зачем уделять столько внимания уличной девчонке, которую вы так упорно преследовали на каждом шагу? — *Ред.*

Марья Л. Что такое! Да как вы смеете! Вы бы лучше смотрели за вашей репутацией, о которой знает даже эта девчонка.

Нина (*спокойно*). А ваша репутация заключается в одном слове — дура.

Марья Л. Да как вы смеете, да как вы смеете! Да как... (*Наступает*).

Шара. Да тише же, Марья Леопольдовна. Это наконец несносно. Но как она нас отделала! (*Заливается веселым смехом*). Как она нас — нет, это прелесть, это поразительно — какая осанка, какой взгляд, вот вам и уличная девчонка! (*Хохочет*).

Нина. Ты с ума сошла.

Марья Л. Действительно, это, это... С вами дождешься толку. (*Уходит*).

Шара (*сквозь смех*). Да ведь и ты, ведь и ты выслужала! Ой, не могу! (*Бросается в кресло*). Видишь, ты думала, что в коробке мартышка, а вместо мартышки выскочила львица и — гам! прямо за нос. Ну конечно — недаром же она дочь сенатора.

Нина. Все равно — она мне заплатит за это.

Входят Мальванов и Невструев с бутылкой в руке.

Мальванов. Ну, что тебе стоит — ты понимаешь, не отстает от нее ни на шаг. За целый вечер я не успел сказать с ней двух слов — всюду за ней это чучело. Ну, будь другом, замани его куда-нибудь хоть на полчаса. Если бы ты знал, каких трудов мне стоило привезти ее сюда и так удачно — без жениха, и вдруг этот кандидат портит мне всю игру.

Невструев. Нет, нет, выпутывайся, брат, сам, как знаешь, да и девочку оставь в покое — все равно уже поздно.

Мальванов. Как поздно? Оставь, пожалуйста, свои прибаутки.

Невструев. Конечно, поздно, ведь она невеста.

Мальванов. Я не признаю никакого «поздно». Я знаю только одно слово, и это слово — «сегодня». Поздно будет завтра. (*Оглядывается*). А! Прекрасно, это будет вернее. (*Подходит к дамам*). Шара, радость моя, на тебя одна надежда. (*Пристально вглядывается в их лица*). Но отчего у вас такие опрокинутые лица? Особенно у Нины. А, понимаю — королева гневается на Белоснежку.

Н и н а *(меряет его гневным взглядом и уходит. Невструев идет за ней)*.

М а л ь в а н о в. Что за мрачный вид, какая трагическая осанка!

Ш а р а. Если бы ты знал, как она нас отделала, эта твоя мартышка!

М а л ь в а н о в. Да что ты! Что за прелестная девочка! Шара, радость моя, на тебя одна надежда. Целый вечер я не могу сказать с ней двух слов — так прилип к ней этот проклятый кандидат. Только ты можешь помочь мне, Шара.

Ш а р а. Я? При чем здесь я?

М а л ь в а н о в. Увлеки, закружи ему голову, займи его чем-нибудь, ну, хоть на полчаса.

Ш а р а. Да ты думаешь, что говоришь? Как тебе не стыдно!

М а л ь в а н о в *(целует ее руки)*. Шара, Шара, моя дорогая, разве я виноват, что она притянула мою душу, эта девочка... жизнь так коротка, — быть может, это последние дни моей жизни. Я ее вырвал у судьбы на эту ночь, быть может, на одну только ночь, и этот нелепый кандидат мешает и мелькает в моей игре, как досадная лишняя карта. Только на полчаса. Быть может, это последние полчаса моего счастья — ты же знаешь, мои дни сочтены, все равно я скоро умру. *(Садится у ее ног на подушке)*.

Ш а р а *(смеется)*. Ах, плут, ах, какой хитрый плут. *(Перебирает пальцами его волосы)*. Сколько женщин заплуталось в этих кудрях. Так ты скоро умрешь, бессовестный? Умрешь? *(Целует его страстно в губы, он отвечает)*.

М а л ь в а н о в. Нет, правда, Шара. Я чувствую последнее время такую странную тоску... *(Целует ее руки)*. Часто ночью, когда у меня припадок удушья, я боюсь, что не доживу до утра... вот и сейчас кругом цветы, женщины, нежный вальс долетает из залы, а смерть, быть может, сидит на стуле возле моей кровати и выглядывает по временам из двери и ждет, скоро ли я приду ложиться спать... Я боюсь одиночества, Шара. Иногда мне хочется лечь вот так у твоих ног и спрятать голову в твоих коленях, но потом я вспоминаю эту девочку, и мне кажется, что я не все еще взял у жизни, а ведь время идет... времени так мало, Шара.

Ш а р а. И все-таки ты плут. Ну, да уж ладно. Говори, что я должна делать.

М а л ь в а н о в. Какая ты прелесть, Шара! Сколько в тебе ясной мудрости, моя золотая Венера! *(Встает)*. Идем, я тебя познакомлю. Задержи его только на полчаса,— я уверен, что через полчаса он сам не захочет уйти от тебя. Идем же. Только начинай прямо с конца,— ведь времени так мало.

Ш а р а. Ладно, не учи льва есть мясо. *(Уходят за арку налево)*.

Справа из-за арки выходит Н и н а. Оглянувшись и убедившись, что никого нет, она подходит к телефону, висящему слева у авансены, и звонит.

Н и н а. Дайте 25-16. Гражданский клуб. Это клуб? Попросите к телефону Любушина. Лю-бу-шина. Да. Это все равно, откуда. *(Слушает)*. Это вы, м-сье Любушин? Вы меня слушаете? Не хотите ли посмотреть, как веселится ваша невеста? Да — ваша невеста. Она на балу у Мальванова. Не все ли вам равно, кто говорит. Что? С какой же стати мне врать — придите и посмотрите,— это ведь так просто. *(Вешает трубку)*. Чего проще. Посмотрим, что из этого выйдет. *(Уходит)*.

Из арки выходит, хромая, П о м е р а н ц е в и, убедившись, что никого нет, бросается в кресло, поминутно оглядываясь, снимает оба ботинка и с наслаждением вытягивает ноги.

П о м е р а н ц е в. Кажется, никого нет. Ф-ф-фу. О-о-о-о. Ф-у. Чуть не сдох... фф-танцевать вздумал... хотя бы пять минут... уф, без этих анафемских ботинок.

В эту минуту в пролете арки появляется Шара и с любопытством наблюдает за Померанцевым.

Ш а р а. Вот он, этот Иосиф. Боже мой, что это он делает?

П о м е р а н ц е в. Еще бы минута, и упал без чувств. А, чтоб вас черт побрал, проклятые! *(С сердцем швыряет об пол ботинок, который отскакивает на середину комнаты)*.

Ш а р а *(подхватывает ботинок и звонко хохочет)*.

П о м е р а н ц е в *(в ужасном смущении надевает второй ботинок и, пряча необутую ногу, подходит к Шаре)*. Ради бога, простите, сударыня... я... ей-богу... это, право.

Ш а р а (*продолжая хохотать*). Но зачем... зачем... зачем вы швырялись ботинками? (*Хохочет*).

По м е р а н ц е в. Ради бога, сударыня. Отдайте ботинок. (*Отступает к дивану*).

Ш а р а (*садится возле него на диван*). Скажите, зачем вы бросили ботинок?

По м е р а н ц е в. Я... я... нечаянно. (*Садится рядом*).

Ш а р а. Нечаянно? Ах, замечательно правдоподобно! Какие хорошенькие носочки. (*Померанцев поспешно поджимает ногу*). Очень милый рисунок. Где это вы покупали?

По м е р а н ц е в. У Альшванга. Ради бога... (*Хочет взять ботинок*).

Ш а р а. Нет, нет. (*Отводит его руки*). А вот ботинки неважные. (*Рассматривает*). Какие-то стариковские.

По м е р а н ц е в (*в отчаянии*). Да ведь это не мои ботинки!

Ш а р а. Как не ваши! Вот это мило! А чьи же?

По м е р а н ц е в. Это все равно, чьи. Одного... одного господина — они мне зверски жмут.

Ш а р а (*заинтересовавшись*). Так зачем же вы их надели?

По м е р а н ц е в. Потому что... потому что... (*В отчаянии*). Это вышло по ошибке. Нужно было спешить... я... я... не нашел своих и надел... чужие.

Ш а р а (*всплеснув руками, роняет ботинок, который Померанцев поспешно надевает*). Ах, бессовестный! Значит, вы были на свиданье у замужней дамы и когда... когда одевались, надели по ошибке ботинки мужа. Здорово! Хороши, нечего сказать.

По м е р а н ц е в (*доволен, что выпутался, слабо отрицает*). Нет, что вы, я не говорил этого. Какая пупочка, прелесть.

Ш а р а. Ай, ай, такой молодой и такой испорченный юноша! А право, он в сущности очень недурен.

По м е р а н ц е в. Да нет же, право, сударыня, простите, я должен идти.

Ш а р а. Нет, нет, ни за что не пушу. Скажите сначала, кто эта дама.

По м е р а н ц е в. Что вы, сударыня? Разве можно рассказывать такие вещи?

Ш а р а. Это правда. Это хорошо, что вы так скромны. Можете за это поцеловать мне руку.

Померанцев (*целует один, потом другой раз*). Восторг, какая ручка. Пропал!

Шара. И вы прямо со свиданья заехали за Марусей — и на бал. Значит, вы очень устали. А? (*Придвигается и заглядывает ему в глаза*).

Померанцев. Что она говорит! Прямо в жар бросает.

Шара. Она очень интересная? Скажите, она очень интересная?

Померанцев. Да, конечно, интересная... Право, мне нужно идти.

Шара. Интереснее меня?

Померанцев. Господи, да разве можно с вами сравнивать!

Шара. То есть, как сравнивать! Значит, она лучше?

Померанцев. Да ведь вы же красавица, я таких и во сне не видел!

Шара (*польщенная, придвигается еще ближе*). Ну, откуда же вы знаете, какая я, — ведь вы же не видели меня так, как ее... без платья... а? (*Заглядывает в глаза. Померанцев тяжело дышит*).

Померанцев. Какая женщина... пропал, погиб... вакханка...

Шара. А? не видели? (*С увлекающей нежностью и страстью*). Не видели? (*Приближает свое лицо к его лицу*). Не видели?

Померанцев (*не выдержав, схватывает ее за плечи и страстно целует в губы*). Прелесть, божество, Венера!

Шара (*отвечает, но потом вырывается и встает*). Да вы с ума сошли! Кто-нибудь войдет. Вы действительно какой-то донжуан. Прощайте, вам пора к вашей Марусе.

Померанцев (*хватает ее руки*). Шара, радость моя, блаженство, разве я могу уйти куда-нибудь от Вас, Шара!

Шара (*поправляя волосы*). Так нельзя же у всех на виду. Идемте, кажется, там никого нет. (*Увлекает его в правую дверь*).

Пауза.

Быстро входит, почти вбегает смущенная и встревоженная Маруся, за ней Мальванов.

Мальванов. Маруся, радость моя, маленькая моя фея...

Маруся. Умоляю вас, оставьте меня. Это дурно, то, что вы говорите. Где Павел Иванович? Господи, где же он? Нам давным-давно пора домой. И зачем только вы мне дали этого вина, теперь у меня кружится голова. Ах, должно быть, ужасно поздно.

Мальванов. Не уходите — присядьте возле меня хоть на мгновение, моя пугливая девочка-счастье, моя последняя радость. Побудьте со мной, моя волшебная гостья.

Маруся (*ломаю руки*). Умоляю вас, найдите Павла Ивановича. Я чувствую, что уже так поздно, мы непременно, непременно должны вернуться к двенадцати часам. (*Сжимает виски руками*). Михаил Захарович наверно заедет к ужину — меня нет, а папа даже не знает, где я. Нет, нет, об этом даже подумать страшно! Пустите — я побегу сама. Тише. (*Прислушивается*). Где-то бьют часы. Господи! Только бы не двенадцать. (*Издали доносится звон часов*). Только бы не двенадцать.

Мальванов (*сжимает ее ручки и покрывает их поцелуями*). Ну, успокойтесь, не тревожьтесь, моя пугливая Золушка.

Маруся (*вырываясь*). Нет, нет, пустите, пустите меня, умоляю вас. Господи, снова бьют часы... (*Где-то близко слышен серебристый звон каминных часов*). Наверное, двенадцать. (*Вырывается и бежит к арке, Мальванов преграждает ей дорогу*).

Мальванов. Маруся, Маруся, не мучьте меня так жестоко. Пусть даже так, пусть даже пробил этот сказочный час полуночи — но волей или неволей, лаской или обманом — я не пущу вас отсюда. Я не пущу вас отсюда, потому что вы мое счастье, которое снилось мне всю жизнь, которое я искал так долго и так напрасно. Я угадал вас в толпе на вокзале, когда увидел в первый раз в жизни ваши зовущие печальные глаза — разве не ради вас я остался в городе, круто повернув назад на самом пороге вагона? С той поры вы завладели моей душой, я понял, что мое счастье — это резвая девочка с грустными глазами, которая живет в сумрачном доме, как бедное, нелюбимое дитя, и не хочет уйти оттуда, и я решил вырвать, отнять вас у судьбы, хотя бы на одну только ночь. (*Маруся вся дрожит, он увлекает ее к дивану*). И сегодня только для вас я зажег эти праздничные огни, от которых вы хотите бежать опять туда, в ваш сумрачный угол, где при-

ковала вас судьба. *(С еще большим увлечением)*. Ну, хотите, хотите, бежим вместе. Бежим вместе туда, в темную глубину ночи, где так сладко дышать после света и шума комнат — я всюду пойду за вами, моя бедная девочка. Бежим туда, где при свете зеленых огней так заманчиво блестят голубые рельсы и тяжело дышит локомотив, и так приветливо мерцают желтые лампы за зеркальными стеклами вагонов. Хотите — сейчас же, сию минуту сядем в вагон и помчимся через голубые поля далеко, далеко, навстречу грезам, любви, свободе. Мы будем сидеть, прижавшись в уголке, как маленькие дети, и ты мне расскажешь все твои сказки, и я поцелую тебя так нежно, так страстно, так больно... *(Он неожиданно привлекает ее к себе на колени и целует долгим поцелуем ошеломленную лежащую у него на руках девушку)*.

Незадолго перед этим в галерее показывается Любушин. Он быстро проходит мимо арок и останавливается в пролете при последних словах Мальванова.

Увидя объятия, он поднимает руку к виску, затем делает резкое движение вперед, уронив легкий стул. Мальванов быстро оборачивается. Маруся вскакивает с восклицанием испуга.

Маруся. Миша! *(Закрывает лицо руками)*.

Мальванов *(встает и идет к Любушину)*. Что вам угодно?

Любушин *(с аффектированным спокойствием)*. Теперь — больше ничего. *(Поворачивается и идет к арке)*.

Маруся *(с криком бросается к Любушину)*. Нет, нет, ты не можешь, ты не смеешь так уйти, Миша. *(Схватывает его за руку)*.

Любушин *(настойчиво, но тихо освобождается от ее руки)*. Оставьте меня — наши дороги разошлись, ты сама этого захотела. *(Уходит)*.

Маруся *(снова схватывает его руку)*. Нет, нет, Миша, ты не можешь так уйти, ты пришел за мной, и я пойду с тобой, с тобой, и ни с кем больше. *(Из галереи слышны голоса)*.

Любушин *(раздраженный возвращается в комнату и снова отталкивает Марусю)*. Я же сказал, что не выйду с тобой из этого дома. Ты можешь возвратиться и без меня.

Маруся. Ты не смеешь так говорить, не смеешь!

Я твоя невеста, и ты должен взять меня отсюда (*Ломает руки*).

Любушин (*с усмешкой*). Успокойся — я не стесняю тебя больше. Ты свободна — делай с собой что хочешь. Прощай.

Поворачивается и идет к выходу. В это время в галерею вошли Нина, Марья Л., Невструев, Сухотин и Шалюмо. Со словами: «Что же это вы, Игорь Николаевич, где вы?» они готовы были войти в комнату, но останавливаются на пороге арки, глядя удивленно на происходящую сцену и мешая выйти Любушину.

Из залы все время доносится музыка.

Маруся (*догоняет и берет его руку*). Почему же ты не хочешь меня выслушать? (*Со слезами*). Это гадко, это стыдно, я ничем... тебя не... (*Плачет*).

Любушин (*раздраженный и сконфуженный этой сценкой, снова отталкивает ее руку. До сих пор он старался говорить спокойно, теперь кричит*). Оставь же меня — на нас смотрят! Ты с ума сошла! (*С отвращением*). От тебя пахнет вином.

Маруся (*в ужасе закрывает лицо руками*). Ты! Ты сказал мне это. Ты, взрослый, сильный мужчина, решился так оскорбить бедную, глупую девочку, не пытаешься даже узнать, виновата она или нет! Ты три раза оттолкнул меня, когда я цепляясь, как бедное животное, за твои руки, просила участия и помощи... и ты оттолкнул меня... (*Выпрямившись, с величайшим достоинством*). Иди. Дай бог, чтобы ты никогда не пожалел об этой минуте. Два часа назад я вошла в этот дом бедной, глупой девочкой. Надо мной здесь смеялись, меня обижали — я стала кое-что понимать. Я стала рваться отсюда, но увидела, что попала в западню. И когда я бросилась к тебе, как к избавителю, ты нанес мне последнюю, самую жгучую рану. И вот уже нет больше глупой девочки, девочка стала женщиной, узнавшей страданье, горькую муку обиды, насмешки разбитой любви.

Мальванов быстро подходит к ней и берет обе ее руки. Пришедшие осторожно входят в комнату, стоя у арок и оттеснив Любушина к середине сцены.

Мальванов. Я не прошу у вас прощения потому, что я его не стою. Но я хочу сказать здесь громко всем и господину Любушину в особенности, что никто не смеет упрекнуть вас ни в чем недостойном. Я сознаю, что

поцеловал вас насильно в этой комнате, потому что я люблю вас, но вы мне не ответили. Но я говорю это вовсе не затем, чтобы защищать вашу честь. Если господин Любушин считает вас запятнанной — с какой радостью я приму эти ручки, которые он отталкивает. (*Целует ее руки*). Час очень удобен. Здесь все в сборе — отвечайте мне, Маруся,— хотите вы быть моей женой?

Движение и ропот среди присутствующих.

Любушин круто поворачивается и идет к арке.

Маруся (среди полной тишины и напряженного внимания всех оборачивается к уходящему Любушину и говорит тихо и нежно). Миша, вернись.

Любушин останавливается и поднимает руку к голове — в его движение мучительное колебание. Он оборачивается лицом к Марусе.

Тихий вальс долетает из залы.

Маруся (повторяет так же нежно). Миша... вернись.

Любушин обводит глазами гостей и встречает насмешливый взгляд Нины. Пошатнувшись, он резко поворачивается и уходит, прорвав линию гостей. Сдержанный гул. Пауза.

Маруся бежит вслед Любушину, но, пошатнувшись, падает на руки Мальванова, который отводит ее к дивану.

Мальванов (тихо целует ее голову). Бедное дитя. (*Гостям*). Простите, господа. Простите.

Все медленно и тихо уходят из комнат. Тихая музыка.

Мальванов (садится подле Маруси, которая тихо плачет, спрятав лицо в подушках дивана). Время залечит твою рану, а потом ты немножко меня полюбишь... моя бедная девочка... А когда мы повенчаемся, мы поедем с тобой далеко, далеко, в чудесную синюю даль, куда так заманчиво убегают блестящие рельсы. Ты увидишь все, о чем ты так часто мечтала, стоя у зеленых семафоров и слушая далекий гудок паровоза... ты увидишь голубые горы и тихие озера, и белые колонны вилл в глубине апельсиновых рощ, и бесконечное синее море... ты увидишь блестящие города, к которым так сладко подъезжать в вечернюю пору, когда тысячи золотых огоньков сверкают в голубой дымке и разбегаются бусами по неведомым ули-

цам и зовут и волнуют такой заманчивой радостью. Ты увидишь желтые пирамиды и косые паруса Египта, и смуглых арабов, и караван верблюдов, и маленького Мука, и калифа аиста, и багдадских пирожников, и все твои сказки, моя милая маленькая невеста.

Маруся тихо плачет, спрятав лицо в подушках дивана.

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Вокзал — угол зала первого класса, — декорация первого действия. Чудесный летний вечер только что спустился на землю. Огни едва зажглись и кажутся такими бледными на прозрачном вечернем небе. За окном обычная вокзальная суета — мелькает публика, визжат по асфальту тележки артельщиков, проплывают маневрирующие составы вагонов. Слышны то близкие и резкие, то далекие и гармоничные гудки паровозов. И вдруг, точно сорвавшись, где-то над самым ухом вскрикивает, раскатившись в вечернем воздухе, острый, хватающий за сердце гудок.

Молча проходят несколько пассажиров и артельщиков с багажом. Проходит поспешно дама, ведя за руку звонко и без умолку болтающую девочку. Слева направо проходит девочка-подросток с корзиной фиалок. Оттого ли, что вечер только что спустился, шаги и голоса раздаются торжественно гулко, точно в пустом храме. Только сейчас вспыхнули матовые круглые лампы в зале, а вечер за окном стал как будто еще светлее и прозрачнее.

С противоположных сторон входят и встречаются Боричевский и Кемский. Князь сильно подался и с трудом двигается, опираясь на палку. За ним в некотором отдалении следует предстательный лакей. Боричевский, напротив, помолодел, выглядит франтом в мягкой серенькой шляпе пирожком и коротком пальто.

Кемский. А! Судья, прокурор, первая скрипка! Откуда это — неужели из судебного набега. Ездили когонибудь закатать по всем правилам вашего подлого искусства? Давно уж я вас не видел. Давно.

Боричевский. Здравствуйте, князь. Нет, я никуда не ездил. Я здесь иногда покупаю журналы — их ведь только и можно достать, что на вокзале. Как ваше здорье? Что это вы с палочкой?

К е м с к и й. Да всего понемногу — и подагра, и склероз, и сердце. Был припадок — думал уж, что придется сыграть последнее *andante*... Хочу вот съездить за границу, сначала в Вену, а потом куда прикажут. (*Садится*). Сядемте, судья, в ногах правды нет, а в ваших, судейских, тем более. (*Лакею*). Иди посмотри, все ли в порядке. У меня купе до Варшавы. (*Лакей уходит*). Да, давненько мы с вами не играли, ваше превосходительство. Ну да — чуть ли не с того самого вечера, как сбежал от нас этот смешной кандидат, с которого мы сняли башмаки — помните, — ему ведь пришлось удрать в башмаках Сергея Мартыновича.

Входят два официанта и молча убирают один из столов. Ставят вазу с шампанским, бокалы, фрукты, посуду, придвигают стулья и запрокидывают их спинками к столу в знак того, что стол занят.

Б о р и ч е в с к и й (*смеется*). А вы знаете, эти башмаки принесли ему удачу — он пленил в них одну прехорошенькую барыню, и теперь состоит с ней в нежных отношениях. Но что за чудесная погода — сады благоухают — какая симфония запахов! Мне кажется, что и здесь (*нюхает воздух*), мне кажется, что и здесь, среди запахов каменного угля, я слышу аромат фиалок — ну, конечно же, и какой сильный запах!

К е м с к и й (*смеется*). Ну, и нос у вашего превосходительства. Это поразительно: когда я подъехал к вокзалу, отсюда уходила цветочница с целой корзиной фиалок. Я даже хотел купить у нее букетик, но воздержался. Фиалки приносят несчастье... Да... когда-то нам доведется опять собраться... Как поживает милейший Сергей Мартынович? А вы помните его дочку, эту прелестную девочку с таким фатальным лицом? О, у меня безошибочный взгляд на лица. На изломе ее бровей я видел бабочку, которая приносит несчастье. Увидите, эту девочку ожидает трагическая судьба. Я бы ни за что не сел с ней в один поезд — спаси меня бог. (*Крестится*).

Б о р и ч е в с к и й (*смеется*). Вот чудак! Да разве вы ничего не знаете!

К е м с к и й (*встревоженно*). А что? А что такое?

Б о р и ч е в с к и й. Да ведь она вышла замуж — вышла или выходит, чуть ли даже не сегодня. И притом действительно довольно драматично: прежний жених ее бросил — она все пыталась с ним примириться, плакала,

просила — целая драма — и все напрасно. Ну, так теперь она выходит за другого — за Мальванова, знаете, такой искатель приключений. После свадьбы прямо от венца они едут за границу — вот будет совпадение, если как раз сегодня... (*Смеется*). Придется вам тогда ехать с бедной Марусей, ваше сиятельство.

Официанты кончают убирать стол, ставят вазы со свежими цветами.

Кемский. Да что вы говорите! Неужели!

Боричевский (*оглядывается*). А вы знаете, очень похоже. Смотрите, готовят стол: шампанское, цветы — это очень похоже на свадьбу.

Кемский (*подпрыгивает на стуле*). Действительно! Неужели такое совпадение!

Входит лакей Кемского и подходит к нему.

Лакей. Багаж сдан. Поезд через 20 минут, ваше сиятельство.

Кемский (*волнуясь*). Пойди спроси у этих лакеев, для кого готовят этот стол. (*Лакей отходит и тихо беседует с официантами*). Вот еще история — ни за что не поеду!

Боричевский (*смеется*). Ну и чудак вы, ваше сиятельство.

Кемский. Да, чудак, чудак. Если бы вы испытали, что я испытал...

Лакей (*возвращается*). Это, ваше сиятельство, свадьба-с, провожают господина Мальванова с супругой. (*Боричевский смеется*).

Кемский (*вскакивает*). Ни за что не поеду! Чорт знает, что такое! Мало того, что она сама должна приносить несчастье, эта милая девочка, но ехать с новобрачными! Да ведь это верная неудача! Это вам всякий дурак скажет. Что за безобразие! Ах, какая досада. (*Достает из кармана бумажник*). Ну, ступай в кассу — может быть, они возьмут в кассе, попробуй так продать кому-нибудь. Ступай. (*Лакей уходит*). Не угодно ли — скажите на милость. Ехать в одном поезде с новобрачными, да еще с такой фатальной девочкой. Благодарю покорно.

Боричевский. Ну, я ухожу. (*Встает*). До свиданья, князь, поправляйтесь поскорей, повеселитесь в Европе, приезжайте домой, будем опять играть Бетховена.

Через зал медленно проходит Нина Кишко.

Кемский. Идемте, я вас провожу. Не угодно ли ехать с новобрачными. Хорошее дело. Ха! Да еще лечиться — ха! Хорошая будет поездка. Да, жаль девочку. Увидите — бедняжка кончит трагически. Да-да. Я вижу...

Боричевский. Да будет вам каркать, идемте. *(Уходят налево)*.

После короткой паузы слышен смех и шумный разговор. Входят только что повенчанные Маруся и Мальванов, за ними Сухотин и Невструев, Марья Леопольдовна, Шара с Померанцевым, Галимский и Шалюмо. Маруся прелестна в своем изящном и идущем к ней наряде, в шляпе с белым страусовым пером. В ней уже нет прежней угловатости, движения женственны и спокойны, вся осанка исполнена кроткого, но обязательного благородства. Она лихорадочно возбуждена, глаза блестят. В руках у нее и у провожающих букеты цветов. Все говорят, перебивая друг друга.

Невструев. Какой эгоизм, какой возмутительный эгоизм! Увезить такую прее... прелестную женщину. Марья Сергеевна, право, я вас очень, очень люблю. На кого вы нас, стариков, оставляете?

Сухотин. Я говорил, что еще рано. *(Галимский отходит в сторону)*.

Невструев. В сущности, следовало бы запретить свадебные путешествия — как че-через-черезвычайно вредные и даже опасные... для остающихся.

Мальванов *(Марусе)*. Бедная мышка, устала — погоди, скоро отдохнешь.

Маруся *(грустно улыбается)*.

Мальванов. Какое странное чувство охватывает меня в эту минуту, ведь в этом самом зале я увидел тебя впервые, теперь ты моя, только сейчас я понимаю, каких усилий мне стоило вырвать тебя у судьбы, которая не хотела отдавать моего счастья. Если бы ты знала, как я горжусь этой победой! Судьба мне много должна, у меня с ней старые счеты — теперь она может злиться, сколько угодно — сегодня я счастлив — и прощаю ей все ее подлости.

Маруся. Не нужно, не нужно так говорить — мне страшно. Меня и так гнетет целый день какое-то предчувствие...

Шара *(подходит и целует Марусю)*. Милая, прелестная, чудная. Как я теперь тебя люблю, если бы ты знала. *(Смех)*.

Невструев. Поздно, поздно догадались, мой ангел — теперь-то ее все любят. Нужно было раньше. Вон и советник думал, что ему еще рано, а теперь нос повесил. Выпьем с горя, советник, чернильная твоя душа, какую девочку прозевал. Эх!

Мальванов. Господа, прошу. Шара, Марья Леопольдовна. Иван Антонович, налей же вина дамам — будет тебе философствовать.

Все шумно рассаживаются у стола. Маруся и Мальванов сбоку.

Шара. За здоровье новобрачных, за здоровье милой моей Маруси, которую мы не умели ценить, пока она была с нами. *(Все чокаются с Марусей и Мальвановым)*. Будь счастлива, малютка!

Все. За ваше здоровье! За ваше здоровье! Возвращайтесь поскорее! Будьте счастливы! *(Маруся всех благодарит)*.

Померанцев. Ах, Маруся, Маруся. Кто то теперь будет слушать, как меня пьлят в квартете... Если бы вы знали, как мне грустно с вами прощаться... Как это все скоро случилось...

Марья Л. Теперь нужно непременно женить Алексея Валериановича. Непременно! Слышите, Алексей Валерианович? Мы вас женим.

Сухотин *(невозмутимо)*. Зачем мне жениться? Теперь все равно уже поздно. *(Общий смех)*.

Шара. Как поздно! Что вы врете! Это Ивану Антоновичу поздно — вам ведь «еще рано».

Марья Л. Перепутал, перепутал, ошибся! *(Хлопает в ладоши)*.

Сухотин. Нет, Марья Леопольдовна — не перепутал. Все до поры до времени. Казалось «все рано», а теперь вдруг стало поздно. Сердце не мирится — жизнь не ждет. *(Пьет)*.

Марья Л. Вот тебе и на! *(Общий смех)*.

Невструев. А мне наоборот. Было все поздно, а теперь *(пьет)*, а теперь стало как раз пора. Завтра же женюсь на Марье Леопольдовне. *(Встает и кланяется Марье Леопольдовне. Общий смех)*.

Марья Л. Нахал. *(Отворачивается. Смех)*.

Мальванов. Простите, господа, я сбегая на минутку посмотреть, не идет ли мой лакей — я его послал

домой за билетами, оказывается, я забыл их дома. (Марусе). Я сейчас, моя радость.

Слева возвращается Г а л и м с к и й. Мальванов уходит.

М а р у с я. Я хочу поговорить с папой. (Встает). Простите, господа, я на минутку.

Н е в с т р у е в. Идите, идите, мой ангел, мы посидим. (Сухотину). Да, брат советник, промолчал девочку... теперь не вернешь.

С у х о т и н. Ее, друг мой, не я один проглядел...

М а р у с я (идет налево и подходит к Галимскому, который нерешительно прс хаживается у арки). Вам скучно—вы устали, папочка. (Пододвигает ему стул на авансцене слева). Хотите, я посижу с вами минутку. (Галимский садится, она присаживается около него. Галимский заметно постарел и осунулся, одет изысканно). Мне кажется, что вы... очень на меня сердитесь. (Заглядывает ему с робкой нежностью в глаза). Я боюсь, что очень вас огорчила, папочка...

Г а л и м с к и й (притворно сердит). Ну, ну, глупая девочка, глупый гусенок, стоит жалеть старика-отца? Проживет и так — недолго.

М а р у с я (берет его руки). Я ведь действительно глупый гусенок, папочка, мне бы так много хотелось вам сказать, а я не умею. Я ведь никогда не умела ничего делать кстати — в этом все мое горе.

Г а л и м с к и й. Да, да, теперь уедешь, забудешь старика-отца, который вечно на тебя ворчал... да... да... (Закрывает глаза рукой).

М а р у с я. Папа... Если бы вы знали, как мне самой не хочется сегодня ехать... словно какое-то предчувствие давит сердце.

Г а л и м с к и й (сжимает руки). Маруся, родная моя девочка, да неужели ты уезжаешь? Господи, как мог я, старый дурак, проглядеть твою кроткую улыбку, твои ясные глазки...

М а р у с я. Папочка, папочка, зачем...

Г а л и м с к и й. Какая ужасная слепота! Неужели нужно было восемнадцать лет не видеть, не замечать тебя, чтобы только теперь на вокзале, за пять минут до разлуки понять, чего я в тебе лишаюсь,—это... это какая-то нелепость. Ведь я же видел, ведь я же видел каждый день эти милые красные лапки, эти милые лапки

(целует жадно ее руки), над которыми я так глупо смеялся. Ведь ты же грела, ты светила мне каждый день, мой маленький, ласковый фонарик, а я только ворчал и смеялся над тобой и отдавал всю мою любовь другой — умершей дочери, когда рядом, подле меня билось живое, преданное сердце, сияла такая ласковая улыбка, такая...

Ма р у с я. Ну, успокойся, милый папочка. Я ведь знала, что вы меня любите. Мы скоро вернемся — и опять заживем все вместе. Я снова буду вашим маленьким фонариком. *(Гладит его руки)*.

Г а л и м с к и й *(едва сдерживая слезы, вытирает платком щеки и очки)*. Да... да... заживем... глупый гусенок... Разве счастье приходит, когда его зовут... Счастье — это пугливая, маленькая замарашка, маленькая робкая девочка, такая вот, как ты была прежде... и когда его не замечаешь, оно сидит в уголке, и всем так хорошо и светло — и только когда оно уходит, видишь, что это не замарашка, а прекрасная, стройная девушка... и тогда уже оно не вернется. *(Берет ее руки)*. Какой ты стала красавицей... Если бы ты знала, родная, как мне больно с тобой расставаться... милая, родная девочка.

Входит Кемский со своим лакеем.

Лакей *(отдавая Кемскому билет)*. Никак невозможно продать, ваше сиятельство. Ежели бы просто билет — а то ведь купе, никто не берет — дорого-с.

Кемский. Хорошо, ступай. Забирай вещи. Все равно не поедем.

Лакей. Ежели бы не купе, а то посудите сами — семьдесят шесть рублей-с.

Кемский. Ну, ну, не рассуждай, ступай. *(Видит Галимского и Марусю)*. А — милейший Сергей Мартынович. Вижу, вижу, — провожаете вашу прелестную дочурку. *(Подает Марусе руку)*. Господи, да какая вы стали красавица! Поздравляю, поздравляю вас, милое дитя. *(Целует ее руку)*. Покидаете нас, стариков. Да-да, старая грустная песня... да-да; полно, дорогой Сергей Мартынович, она еще вернется — мы еще полюбуемся на нее. А что? Мы еще выучим ее играть на скрипке. А?

Г а л и м с к и й *(вытирая щеки)*. На что... на что она способна — глупый гусенок. Бездарная девчонка — пальцы, как из дерева, не умеет трех нот взять на фортепьяно.

Слух, как у бегемота. Пусть... пусть едет, глупая мартышка... *(Вытирает глаза)*.

Маруся *(нежно целует отца)*. Милый папочка... Ах! *(Подбегает к окну, увидев кого-то на перроне)*. Господи! Зачем? Зачем он здесь?

Входит Мальванов со своим лакеем.

Мальванов. Что за ерунда! Куда я их мог засунуть? *(Роется в карманах, в бумажнике)*. А на камине, под часами, смотрел?

Лакей. Так точно, везде искал — и на камине, и на письменном столе, и в гардеробной. Где же теперь найти? Квартира большая.

Шара *(с места)*. Игорь, Маруся — ну, что вы там застряли? *(Встает и идет к ним, за ней Сухотин и Померанцев. Маруся отходит встревоженная от окна)*.

Мальванов. Черт их знает, вероятно где-нибудь в другом костюме — так и уложили в сундуки. Можешь себе представить. *(Роется в карманах)*. Куда-то засунул билеты — прямо хоть оставайся, и в кассе теперь ничего нет — я уже справлялся.

Маруся. Ах! *(Обрадованная)*. Да неужели?

Сухотин. Да неужели?

Шара. Вот прекрасно! Оставайтесь, оставайтесь, чудесно!

Померанцев. И отлично. Оставайтесь хоть до завтра.

Мальванов. Что вы, господа, разве мыслимо теперь оставаться? Все уложено, собрались. *(Продолжает нервно рыться в карманах)*. Ах, какая досада!

Кемский. Вы потеряли билеты! Какое удивительное совпадение. Разрешите вам предложить мое купе. *(Поспешно достает из бумажника большой синий билет)*. Купе первого класса, на два места до Варшавы. Я собрался сегодня ехать, но должен остаться. Пожалуйста.

Маруся. Ах! Последняя надежда...

Мальванов *(нерешительно)*. Помилуйте, но я право не знаю — может быть, это вас затруднит.

Кемский. Напротив — вы меня выручите, — у меня разболелась нога, и я все равно должен остаться.

Лакей князя *(поспешно входит)*. Готово, ваше сиятельство — забрал вещи — в карете-с.

М а л ь в а н о в (довольный). Ну, если так, тогда отлично, очень вам благодарен — прямо гора с плеч.

М а р у с я. А может быть... а может быть, останемся, Игорь... Весь день меня мучит какое-то предчувствие...

М а л ь в а н о в. Да что ты, моя радость, разве это возможно, когда мы всех потревожили — получится какой-то водевиль. (*Берет у Кемского билет*). Очень вам признателен, князь, прямо выручили. (*Жмет ему руку*). Сколько мы вам должны? (*Достаёт бумажник*).

К е м с к и й. Семьдесят шесть рублей.

М а л ь в а н о в. Ровно. (*Дает деньги*). Еще раз спасибо.

К е м с к и й. Не за что, не за что. Счастливой дороги! (*Подходит к Марусе*). Прощайте, милое дитя. (*Целует ее руку и потом долго смотрит ей в глаза*). Счастливой дороги! (*Лакею*). Идем. (*Идет к выходу, еще раз оглянувшись, и бормочет со страхом*). На ее лице тень смерти — нет-нет — не может быть, это мне показалось.

Л а к е й. Чего-с?

К е м с к и й. Ступай, дурак, не с тобой говорят. Бедная девочка! Ее может спасти только одно: если кто-нибудь внесет за нее выкуп,— выкуп — свою жизнь, да — жизнь за жизнь — да-да-гм... (*Медленно уходит, оглядываясь*).

Ш а р а. Жалко. И принесло этого противного князя. Ну, ничего, мы тебя везде найдем, малютка, везде. (*Целует ее*).

М а л ь в а н о в. Что же вы, господа, затуманились? Нужно выпить, так нельзя. Теперь и я выпью, а то я было совсем расстроился с этими билетами, Шара, Алексей Валерианович, Иван Антонович, что же вы — наливайте,— нечего носа вешать. Сергей Мартынович, выпейте же за наше счастье. (*Все возвращаются к столу, кроме Шары и Маруси, которые остались на авансцене*).

Ш а р а. Ну что ты, глупая девочка, будь веселее!

М а р у с я. Целый день меня гнетет какое-то предчувствие, Шара... Если бы ты знала, как мне не хочется ехать. Когда я услышала, что потерялись билеты, я вся задрожала от радости, и вдруг этот князь... это недаром... это недаром, Шара. Здесь какая-то игра судьбы. Она хочет, чтобы мы поехали, а когда судьба увлекает — нельзя остановиться на полдороге. Игорь сказал — получится водевиль, да, да, нельзя остановиться—нужно идти вперед.

хотя бы там... ожидала драма — я чувствую, что не переживу этой поездки, Шара.

Ш а р а. Полно, дурочка, как тебе не стыдно — жизнь улыбается тебе, у тебя такой чудный муж.

М а р у с я. Да, да, если бы ты знала, какой он славный—и все-таки... (*Молчит*). А ты знаешь—прежде я чуть не каждый день бегала сюда, на вокзал, мечтать... все смотрела на убегающие вдаль рельсы, на зеленые огни semaфоров и все мечтала... мечтала... Какой заманчивой казалась мне эта убегающая даль, как сладко замирало сердце, когда я слышала гудок паровоза... как я завидовала всем, кто проносился мимо, сидя за зеркальными стеклами блестящих вагонов... И вот теперь пришла и моя поездка — свадебная поездка Маруси... и вместо радости сердце сжимается такой щемящей болью... Господи — опять. (*Вскрикивает и, сжав руку Шары, всматривается в синий пролет окна*). Шара, дорогая моя (*она очень взволнована*). Скорее — пришли ко мне потихоньку Игоря. Пожалуйста, очень тебя прошу. (*Шара уходит*). Что... что я скажу ему, вся моя душа смущена и испугана.

М а л ь в а н о в (*подходит к ней с бокалом вина*). Что ты, моя девочка, устала, наволновалась. Выпей вот вина, это тебя подкрепит.

М а р у с я (*берет бокал и жадно пьет вино*). Слушай, милый, я знаю, что ты не рассердишься... я... я... хотела бы сказать два слова Любушину.

М а л ь в а н о в. Любушину? Да разве он здесь?

М а р у с я. Я вчера и сегодня посылала за ним, но его нигде не могли найти, а сейчас я увидела его через окно... на перроне. Ты не сердись, милый, я хотела бы проститься с ним.

М а л ь в а н о в. Только то. Ну, конечно, простись, моя радость. Я сейчас это тебе устрою.

М а р у с я. Какой ты славный, милый.

Входит швейцар и, потрясая звонком, объявляет нараспев:

Первый звонок на Ворожбу, Конотоп, Бахмач, Киев, Сарны, Ковель, Варшаву — первый звонок.

Суэта усиливается. Некоторые пассажиры устремляются на перрон

М а л ь в а н о в (*громко*). Ну, друзья мои, идемте посмотрим на наши места, любопытно посмотреть, какие это бывают княжеские купе. Идем, моя ласточка. (*Берет Ма-*

рукою под руку). Мы посидим в вагоне, а ты на минутку выйдешь.

Все. Идем, идем, а где букеты? Возьмите мое манто! Где же вы, Алексей Валерианович? Какой чудный вечер!

Все, смеясь и болтая, идут налево через арку к выходу. Последней идет Шара и вдруг возвращается, увидев входящую из глубины Нину. Все остальные ушли.

Шара (*подойдя к Нине*). Ты! Ты здесь! Что тебе здесь надо?

Нина (*с усмешкой*). Что-то не очень сияющий вид у вашей новобрачной.

Шара. Зато у тебя (*осматривает ее шикарное черное манто*) зловещий вид... Зачем ты прилетела сюда, как зловещая черная птица? (*Беспокойно*). Смотри... (*Берет за руку*). Не вздумай чего-нибудь сделать моей Марусе. Если ты тронешь ее пальцем, я тебя задушу собственными руками...

Нина (*смеется*). Ее трогать? К чему? Ведь она и так обречена. Посмотри на ее лицо. На нем лежит тень смерти.

Шара. Ты с ума сошла! Злая дура!

Нина (*спокойно*). Ты сама дура. Она надумала играть с судьбой и уже проиграла. Увидишь — она не вернется живой из этой «свадебной поездки». (*Смеется и уходит налево*).

Шара (*вдогонку ей*). Дура! Актриса! Без пяти минут Сара Бернар! (*Уходит взволнованная*).

Короткая пауза.

Почти вбегает Маруся, подбегает к столу, приложив руку к сердцу. Публика схлынула. Сцена пуста.

Медленно входит Любушин, небрежно, неряшливо одетый, мрачный, с желтым измятым лицом Резко бросается в глаза контраст с его прежней чопорной и выложенной внешностью.

Любушин (*помолчав*). Зачем ты меня звала?

В зале стало вдруг так тихо. Суэта схлынула. За окном слышно, как мастер постукивает своим молоточком по колесам вагонов Этот меланхолический, музыкальный стук отчетливо слышен во все время последующей сцены:

«тум та ре — ре-ке-тум-тарé».

Маруся. Миша... Я посылала за тобой... я так хотела тебя видеть все эти дни...

Любушин. Зачем это?

Маруся. Миша, Миша, зачем ты говоришь неправду... неужели ты мог так легко, так просто забыть меня... Ну, скажи же, ведь я вижу, как ты страдаешь. Миша, у нас пять минут — только пять минут... Не мучь же себя и меня. *(Она снимает с его головы мягкую шляпу и старается ее выправить и почистить. Он резко вырывает шляпу из ее рук)*. Ведь это же не может быть. Ведь я люблю тебя, я люблю тебя одного, Миша... *(Она припадает к нему, тихо плача)*. Ну, хочешь, хочешь, я не сду, я останусь с тобой, навсегда с тобой, мой милый, любимый, родной.

Любушин *(резко отталкивает ее)*. Уйди! Иди к нему — к своему... мужу. Иди к нему, к кому ты убежала тогда, а может быть, бегала много раз, распутная девчонка!

Маруся *(с кротким упреком)*. Миша. Миша.

Любушин. Оставь, пожалуйста, эти твои ангельские взгляды. Невинная жертва! Фальшивая девчонка! Ты еще смеешь говорить, что любишь меня! Для меня у тебя не было этих ангельских улыбок, бархатных взглядов! *(Со злобой, но без тени иронии)*. Теперь ты стала красавицей, изящной дамой — какие манеры, какие улыбки, какой туалет.

Маруся. Миша!

Любушин. Это все для него — для того, кого ты любишь! Со мной ты была обтрепанной девчонкой с грязными ногтями. Иди, иди к нему, для кого ты надушилась этими поразительными духами. *(Нюхает свои перчатки)*. Какой опьяняющий аромат. Ты вся пропиталась этим запахом распутства. *(Стаскивает с рук свои перчатки)*. Не хочешь даже запаха твоего тела — любовница Мальванова! *(Швыряет в нее перчатки)*.

Маруся *(Подходит к столу и жадно пьет вино)*. Ну, что — ну, что я должна сказать тебе, чтобы ты мне поверил в эти последние, последние минуты? *(Падает обессиленная на стул)*.

В жуткой тишине наступившей паузы меланхолически звучит молоток поездного мастера «тум тарé... рёке тум-тарé...»

Любушин. Прощай. *(Поворачивается и идет к арке. Маруся неподвижно сидит, прижав обе руки к сердцу. Но на половине дороги Любушин шатается и, повернувшись к Марусе, подбегает и с криком бросается к ее*

ногам). Маруся! Родная моя девочка! (*Плачет, уткнувшись лицом в ее колени; она опустила руки на его голову*).

«Тум тарé!.. ре-ке-тум-тарé».

Любушин (*с бесконечной мукой и страстью*). Родная, бесценная, любимая моя девочка... (*Жадно целует ее руки*). Жалкий... жалкий безумец... сколько лет... сколько лет я провел подле тебя, и только теперь... только теперь, в минуту вечной разлуки, я понял, как бесконечно ты дорога мне, моя ненаглядная, любимая, родная. Какой туман застилал мои глаза все эти годы. Ведь я даже не целовал тебя никогда... Когда ты так неумело и робко искала моей ласки, я стыдился твоего порыва, как чего-то неуместного... Жалкий дурак, я стыдился твоей угловатой нежности, вместо того, чтобы разбудить в тебе женщину моим поцелуем. А ведь мы росли вместе, и сколько раз твои шалости бросали тебя в мои объятия — и каждый раз я отталкивал тебя так глупо... Маруся, моя Мурочка... Помнишь, помнишь, еще в прошлом году, когда тебе было семнадцать лет... ты занозила себе ножку выше колена, лазя по своим голубятням, и прибежала ко мне запыхавшись — и с такой доверчивой грацией попросила меня вынуть занозу над коленом — а я прогнал тебя и назвал бесстыдницей, вместо того, чтобы поцеловать эту милую ножку. А ведь я люблю тебя, я люблю тебя так безумно, так мучительно больно. (*Плачет, целуя ее руки*). Мурочка, моя родная девочка...

Пауза. Маруся ласкает его волосы.

Резко врывается звонок и крик швейцара, доносящийся из соседней залы за аркой.

Голос швейцара. Второй звонок на Ворожбу, Конотоп, Бахмач, Киев, Сарны, Ковель, Варшаву — второй звонок!

Любушин встает, шатаясь и озираясь непонимающим взглядом. Вбегают Шара и Померанцев. Маруся встает.

Померанцев. Марья Сергеевна! Где вы — второй звонок! Пора в вагон. (*Видит Любушина*). Ах, извините. (*Отходит в сторону*).

Шара. Маруся, дитя мое, что с тобой? (*Оглядывается на Любушина*). Иди же, моя прелесть, пора — сейчас третий звонок. Игорь волнуется.

Маруся (*проводит рукой по глазам, поправляет волосы, словно очнувшись*). Да... да... я сейчас... я сейчас... третий звонок... (*Идет, шатаясь, Шара берет ее под руку*). Да... идем.

Шара. Ну, успокойся, возьми себя в руки. Идем лучше на воздух.

Маруся. Да... да... идем. Прощай, Миша...

Любушин (*бросается к ней, но сейчас же останавливается, сжав руки. Глухо*). Прощай.

Померанцев, Шара и Маруся уходят. Маруся оглядывается на Любушина. Он бросается за ней, но потом останавливается на месте, кусая сжатые пальцы.

Пауза.

Слышна резкая трель звонка — третий звонок. Затем свисток и гудок паровоза. Затем шум уходящего поезда. Любушин бросается к окну и жадно впивается глазами в темноту ночи. Потом отходит, шатаясь, с искаженным мукой лицом. Достает из кармана револьвер и стреляет себе в грудь в ту самую минуту, как слева слышны все приближающиеся смех и говор возвращающихся с перрона друзей Мальванова. Любушин падает. На шум выстрела сбегается публика, в числе их Шалюмо, Шара, Померанцев, Невструев, Сухотин, которые подбегают к Любушину. Шалюмо наклоняется к нему и осматривает рану. Его поднимают и кладут на диван. Среди восклицаний выделяются следующие реплики.

Шара. Господи, этого я только и боялась!

Померанцев. Только бы она не узнала!

Голоса. Доктора! Скорее доктора!

Другие голоса. Да тише же — доктор есть — разве вы не видите — доктор Шалюмо...

Шалюмо (*с места*). Сейчас же удалите всех посторонних.

Невструев. Пожалуйста, будьте добры. (*Оттесняют публику*). Прошу вас, уйдите. Здесь нельзя оставаться.

Публика уходит.

Шалюмо. Отодвиньте стол. (*Стол сейчас же отодвигают в сторону*). Бегите сейчас же в аптеку — здесь есть на вокзале. Тащите все, что есть — марлю, вату, иодоформ, карболку, сулему. Воды! Горячей воды! Да — белья! Достаньте в конторе чистых простынь и подушек. (*Невструев и Померанцев убегают*).

Сухотин не пускает никого в зал. Шара плачет.

Любушин (*очнувшись*). Маруся...

Невструев и Померанцев возвращаются с кувшином, подушкой, сложенными простынями, свертками ваты и несколькими склянками. Шалюмо молча распоряжается. Все принесенное кладут на двух стульях.

Любушин. Марусе... телеграмму.
Шара. Что, что он говорит?

Шалюмо хлопчет возле Любушина.

Померанцев. Он просит послать телеграмму Марусе.

Шара. Боже сохрани! Теперь, в такую минуту.

Сухотин. Но ведь он может умереть — он едва дышит. Разве можно отказывать умирающему?

Невструев. Что же—это можно. Поезд известен—я помню номер вагона. Через полчаса они будут в Ворожбе. *(Достаёт книжку и пишет)*. А впрочем, все равно уже поздно.

Шара. Но, может быть, может быть, это не так опасно, узнайте у доктора. *(Сухотин подходит к Шалюмо и сейчас же возвращается)*.

Сухотин. Шалюмо говорит, что нельзя ни за что ручаться.

Шара. Посылайте...

Невструев *(читает)*. «Ворожба, курьерский поезд, вагон-микст № 2313, купе Марии Мальвановой. Любушин опасно ранен умоляет вас приехать проститься с ним. Невструев. Сухотин. Шара. Шалюмо».

Любушин. Маруся... вернись... телеграмму.

Сухотин *(подходит к нему)*. Телеграмму послали, успокойтесь.

Шара. Посылайте. *(Невструев уходит)*. Господи, какой ужас, бедная, бедная девочка.

Любушин *(чуть слышно)*. Маруся... вернись...

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Пять часов спустя. Около двух часов ночи. Та же комната вокзала, и только пролет, соединяющий ее со смежной залой, закрыт теперь широкой створчатой дверью, одна узенькая створка которой служит калиткой в этих деревянных воротах. Электрическая люстра погашена, и только одинокая свеча, горящая на отставленном в сторону столе, нарушает мрак этой залы, которая стала как будто выше. Любушин лежит в глубине на диване, застланном чистой простыней с чистой подушкой. Возле него Шалюмо, Шара, Сухотин и Невструев сидят слева, ближе к рампе.

Шалюмо (*осторожно встал и подходит к остальным*).

Шара. Ну, что? Скажите же, неужели никакой надежды?

Шалюмо (*пожимает плечами*). Трудно сейчас что-нибудь сказать. Во всяком случае пулю нужно вынуть сегодня же утром. Если, конечно, он доживет до утра...

Шара. Доктор!

Шалюмо. Как будто ничего и не задето — но ужасное кровоизлияние. Главное, чтобы не усилилась лихорадка. И потом ему нельзя волноваться — а он мечется... ждет.

Любушин (*стонет*). Маруся... Маруся...

Шалюмо. Слышали? Что же тут можно поделать? (*Возвращается к Любушину*).

Шара. Хоть бы уж она скорее приехала. Господи, какая мука! Который час?

Сухотин (*смотрит на свои часы*). Без двадцати два — мои, впрочем, спешат минут на восемь.

Шара. Два часа... (*Считает по пальцам*). Девять, десять, одиннадцать, двенадцать, час, два. — Когда вы

послали? В девять, половина десятого. Прошло почти пять часов. Сколько идет телеграмма? Почему же ее нет? Ведь здесь всего какой-нибудь час езды.

Невструев. Час с четвертью. Вы забываете, что она должна ждать встречного поезда. Не получить телеграммы она не может, я на всякий случай послал и вторую — одной станцией дальше. Теперь уже скоро. Поезд будет через полчаса.

Шара. Ах, хотя бы уже скорее... как ужасно пахнет этот отвратительный идоформ... Бедная, бедная девочка, что она должна испытать, получив эту проклятую телеграмму?

Невструев. Вот женская справедливость — я думаю, ему еще тяжелее — как он мучится, как он ее ждет, несчастный!

Шара. Так ведь он ее видел перед... этим, почему же он не сказал ей «останься». — Неужели нужно убивать себя для этого?

Сухотин. Ну, знаете, я это понимаю — когда клубок так запутан, трудно решать одними словами. Чтобы сказать «останься» в ту страшную минуту, нужно было дорого заплатить — он и заплатил — честно — своей жизнью. Деньги на стол — без малейшего упрека — по-джентльменски.

Шара. Но почему ее нет, почему ее нет до сих пор? Может быть, что-нибудь случилось... в дороге?

За перегородкой слышна все нарастающая тревога. Глухой шум — неясные возгласы — тревожные звонки — потом долгий звонок телефона. Несколько раз повторяется слово «Ворожба». Беготня.

Любушин. Маруся.. Маруся...

Шара. Что это за несносный шум. Опять его разбудили.

Сухотин. Не знаю. Поезд (*смотрит на часы*) еще только через полчаса — через двадцать две минуты.

Шара. А может быть, какой-нибудь другой — вы не знаете? Может быть, это Маруся. Опять звонки — да какие тревожные. У меня так расстроены нервы, что я так и жду какого-нибудь нового несчастья. Алексей Валерианович, пойдите узнайте, что там такое.

Сухотин. Я узнаю, скоро ли поезд. (*Уходит*).

Пауза. За перегородкой та же суета, которая внезапно смолкает.

Померанцев вбегает взволнованный, сильно хлопнув дверью.
Невструев и Шара бросаются к нему и машут руками.

Шара. Тише! Вы с ума сошли! Вы его разбудите!
Невструев. Тише! Как с цепи сорвался. Чего вы?
Померанцев (*задыхаясь, не может говорить*). Я...
я... только что...

Шара. Да что такое? Что с вами? Поезд близко?
Померанцев. Я сейчас... был на телеграфе... только что... получена... ужасная... телеграмма...

Шара. Какая телеграмма?

Невструев. Только что... Крушение поезда... в 40 верстах от Ворожбы... поезд... сошел с рельс.

Шара. Крушение!

Невструев. Как крушение!

Шалюмо (*тихо подходит*). Что такое? Что случилось?

Померанцев. В 30 или 40 верстах от Ворожбы... подробностей нет, телеграмма запоздала... но... но это может быть только, только тот поезд (*задыхается*), словом, курьерский.

Шара (*вскрикивает*). Маруся...

Любушин (*стонет*). Маруся... Маруся...

Невструев. Да нет. Это вздор, причем тут Ворожба, они ведь давно проехали.

Шара (*плачет*). Нет. Нет... это какое-то проклятие — да нет же, этого не может быть — идите, идите скорее, узнайте...

Сухотин (*входит тихо и медленно — все бросаются к нему*).

Шара. Ну-ну... в чем дело?

Невструев. Что такое? Что вы узнали?

Сухотин (*молчит, отвернувшись*).

Шара. Неужели! Да говорите же!

Невструев. Да говори же, что ты молчишь, какие подробности?

Сухотин (*достает платок и сдерживает слезы*).

Шара. Боже мой, боже мой... что такое...

Сухотин (*отвернувшись, молча протягивает листок телеграммы. Невструев выхватывает его*).

Невструев. Свечку! (*Померанцев подает свечу со стола. Невструев берет свечу, которая прыгает у него в руках и читает*): «На тридцать второй версте... курьерский поезд... сошел под откос — два вагона разбиты в щепки...

убито шесть, ра...ранено... два. Число жертв не выяснено. (*Останавливается*). Убиты... (*Не может читать*). Убиты ехавшие за границу только что... повенчанные супруги... Мальвановы».

Ш а р а. Игорь! Маруся! (*Истерически плачет, сдерживая рыдания*).

Невструев стоит, отвернувшись, поставив свечу на стол. Померанцев и Сухотин тихо плачут.

Ш а р а. Бедная, бедная девочка. Как она не хотела ехать, точно предчувствовала, какой будет эта свадебная поездка. (*Горько*). Свадебная поездка. Да нет, нет, этого не может быть, не может. (*Снова начинает истерически плакать*).

Невструев. Мои руки до сих пор пахнут ее духами. Неужели же, неужели это... возможно...

Сухотин. Почему же, почему никто из нас не держал в своих руках эти милые теплые ручки... Зачем, зачем мы отпустили ее? Теперь мне кажется, что она с такой кроткой, такой печальной мольбой смотрела нам всем в глаза — и мы не умели, не умели понять этого взгляда.

Невструев. Она проходила мимо нас, как робкая тень счастья, которое стучится так тихо, так несмело... и никто не умел протянуть рук, чтобы во-время удержать ее подле себя... и только когда она уходила, понимали, что это было... счастье. А судьба уже стерегла ее — как свою добычу.

Померанцев. Вы подумайте — ведь она могла не поехать! Судьба хотела их спасти — ведь они потеряли билеты! И если бы не этот князь, они бы остались, остались живы! Ведь это он, проклятый, всучил им свой билет! Проклятый — он словно знал, что эта поездка будет роковой... почему он сам не поехал — почему!

Ш а р а (*возмущенная*). Какая подлая нелепость! Старый, едва волочащий ноги — спасается чудом, а они, молодые, полные жизни (*плачет*) гибнут. Да где же правда, где?

Л ю б у ш и н (*стонет*). Маруся... Маруся...

Все умолкают и переглядываются, начинают говорить тихо.

Ш а р а. Господи. Мы совсем забыли о нем... Ему нельзя говорить об этом — нельзя... это убьет его.

Невструев. Да, пусть верит, что она придет, или не придет, но жива — только это спасет его.

Шара. Жива. Да неужели же, неужели же (*снова плачет*), разве можно поверить, разве можно поверить, что Маруся... что Игорь... Игорь. Игорь, который так легко, так радостно брал жизнь, который так верил в свое счастье? — ведь ему всегда везло — и тут судьба хотела его спасти, но он сам, он сам оттолкнул ее руку. И подумать, подумать, что теперь... убитый... раздавленный... никогда, никогда больше... (*Она истерически рыдает. Померанцев и Шалюмо успокаивают ее*).

Померанцев. Ну, перестаньте, успокойтесь, дорогая. Идемте на воздух, идемте, так же нельзя.

Шара (*встает, шатаясь*). Идем-те. (*Померанцев берет ее под руку и уводит*).

Пауза.

Часы бьют два раза. Невструев сидит на стуле, опустив голову на руки. Сухотин стоит задумавшись.

Шалюмо (*Сухотину*). Я пойду поговорю по телефону с больницей да и вообще пройдуся. Посидите пока возле него.

Сухотин. Хорошо. (*Садится возле Любушина. Шалюмо уходит*).

Пауза. Среди наступившей тишины слышен длинный далекий гармонический гудок паровоза. Любушин начинает беспокойно метаться на своем диване. Он приподнимается на локте и схватывает Сухотина за руку.

Сухотин. Что вы... успокойтесь.. лягте.

Любушин. Ты слышишь... ты слышишь этот далекий гудок паровоза... это она! Это она, Маруся! Она едет, она едет ко мне, потому что она услышала мой призыв, потому что она любит меня!

Сухотин. Ради бога, успокойтесь, лягте, вам нельзя говорить.

Любушин. Она едет, она едет ко мне, прекрасная, благоухающая, вся обвеянная сладким воздухом полей, над которыми мчится поезд... ты слышишь, ты слышишь, как стучат колеса, как звонко и радостно несется гудок паровоза над спящими в предраассветной мгле полями. А она... она прижалась пылающим лбом к блестящему стеклу и смотрит, и все смотрит в голубую даль... и думает обо мне, обо мне, которого она любит. О скорее... скорее

протяни мне свои теплые ручки, моя ненаглядная, родная, любимая... Мне так тяжело, моя голубка... так тяжело... (*Падает в изнеможении на подушку. Снова поднимается*). Идите... идите на перрон, посмотрите... не видно ли... не видно ли... поезда...

Невструев. Несчастный — если бы он знал, где теперь его Маруся...

Сухотин. Хорошо, хорошо, успокойтесь. Поезд скоро будет.

Любушин (*настойчиво*). Иди... иди посмотри туда... налево, налево... за зеленым семафором... где блестят убегающие рельсы... посмотри... не видно ли красных глаз паровоза.

Невструев (*подходит*). Хорошо, хорошо, я сейчас пойду посмотрю, только успокойтесь — лежите смирно. (*Уходит*).

Пауза.

Входит Померанцев, Любушин снова ворочается.

Любушин. Кто это, кто это вошел?

Померанцев. Это я — успокойтесь.

Любушин (*с усилием приподнимается на локте*). Как еще рано. Как бесконечно тянется эта ночь... Иди... иди посмотри, скоро ли рассвет. Мне кажется... я очень... ослабел... Только бы дожить... до рассвета... только бы до... рассвета. Она приедет на рассвете. Иди же, иди на перрон. Там теперь так хорошо... с полей потянуло предрассветной прохладой... а мне... а мне все вот жарко... дайте мне пить... (*Ему дают — он жадно пьет*). Как хорошо ехать ранним утром... поезд бежит по голубым полям... всюду так тихо... свежо... паровоз звонко кричит и будит уснувшее эхо... вот он влетел на мост... мелькают косые пролеты... а внизу раскрылась широкая река... и хочется вздохнуть глубоко... глубоко... и так жадно пить прохладный воздух... вот мелькают спящие домики... шевелится занавеска на чьем-то окне. Девушка вышла к колодцу... блестит роса на цветах... и вдруг показалось солнце... и золотые купола вспыхнули волшебным блеском... а на синей горе раскинулся город. Никогда... никогда я не вижу реки... облаков над золотыми куполами. Иди же, посмотри на восток... не виден ли рассвет. Как бесконечно тянется эта ночь... Маруся... голубка... мне... так тяжело. Входит Шара и осторожно спрашивает о Любушине. Ей отвечают так же неслышно.

Снова слышен протяжный гудок паровоза и вслед за ним отдаленный частый звон колокола.

Любушин в сильнейшем волнении снова поднимается на своем ложе, весь охваченный неудержимым порывом, который еще раз увлекает его слабеющее тело.

Любушин. Это она! Это она! Я вижу, как она стоит у дверей вагона. Я слышу, как она шепчет: «Подожди... подожди... я сейчас буду с тобой». Маруся!

Сухотин (*пытаясь его удержать*). Ради бога, успокойтесь, вы убиваете себя.

Шара. Господи. Что с ним будет, несчастным!

Слышен грохот влетающего на перрон поезда, огни которого проносятся мимо окон, мелькая в темноте залы причудливым и жутким миражем.

Любушин (*почти вставая, сжимает руки Сухотина*). Маруся! Маруся. Это она... она идет сюда, благоухающая, прекрасная, я слышу легкие шаги... она бежит по звонким плитам перрона, протянув мне свои милые ручки. Пустите же, пустите меня к ней.— Маруся, родная!

За сценой слышен короткий шум, тревога, и в следующую минуту в комнату вбегает Маруся. Не обращая внимания на возгласы изумления, она бросается с криком «Миша» к Любушину, и оба замирают в безмолвном объятии.

Маруся. Миша!

Невструев и Шалюмо, вошедшие сейчас же за ней, подходят к Шаре и Померанцеву и остаются налево у входа. Сухотин подходит к ним, оставив Любушина.

Все это происходит очень быстро.

Голоса. Господи! Что такое! Маруся! Живая Маруся! Ничего не понимаю! Она ничего не знает о крушении!

Маруся на коленях перед Любушиным, который склонился к ней.

Светает.

Маруся. Ну, полно, ну, полно, успокойся, не плачь, не плачь, милый мальчик, я здесь, с тобой, навсегда — бедный мой мальчик.

Любушин. Ты пришла, ты пришла, ты вернулась, моя радость (*жадно целует ее руки*), моя единственная, любимая, родная. Если бы ты знала, как я страдал без тебя... Как долго, как ужасно долго тянулась эта ночь... не уходи, не уходи от меня... моя ласточка... Только

теперь, в эти ужасные часы, я понял... как невыразимо я люблю тебя, моя девочка... Мне было так больно... так мучительно больно. Дай мне твои теплые ручки... твои милые ручки.

Маруся. Ну полно, теперь все прошло, все прошло, как тяжелейший сон. Я не оставляю тебя никогда, мой родной, мой любимый.

Любушин. Не уходи... не уходи. Здесь все время толпились и шептались чьи-то черные тени... Я не хочу умирать. Маруся — нет, нет, если бы ты знала, как это страшно. Удержи, удержи меня, моя девочка... мне кажется, я куда-то плыву... (*Жадно целует ее руки*). Я опять... весь... дрожу... (*Падает*). Почему же... почему же так холодно! Дай мне твои ручки... Маруся, родная, любимая, не нужно меня отдавать им, не нужно... ты скажи им, скажи им, что ты купишь мне новую шляпу... та ведь упала... в реку... когда мы ехали мостом... почему же я должен умереть? Ты ведь слышала, как я кричал, чтобы ты вернулась...

Маруся. Милый, родной, успокойся, все пройдет — я с тобой, я с тобой, твоя Маруся.

Шалюмо (*на авансцене*). Но почему она не знает о крушении?

Невструев. Да ведь иначе и не могло быть. Ее спасла телеграмма — его телеграмма. Она сошла с поезда в Ворожбе, а поезд разбился на 30 верст дальше. Это его любовь, его призыв удержали ее на самом краю пропасти.

Шалюмо. И, кажется, он заплатит жизнью за это...

Сухотин. Да — он бросился под колеса судьбы, чтобы спасти Марусю. Теперь, когда я припоминаю все происшедшее, я вижу, как судьба влекла ее к пропасти. Чтобы ее спасти, нужен был выкуп, и он его заплатил.

Шара. Боже мой, что это такое!

После короткого шума, дверь распахивается и вбегает Нина. Она сильно возбуждена, глаза горят, движения порывисты. В руке у нее телеграмма. Увидя Шару и других, она говорит глухим и страстным голосом.

Нина. Мальванов убит... Какая ужасная нелепость. Так вот куда привела его эта проклятая судьбой девчон-

ка. Я говорила, что она обречена — но он! Такой веселый, радостный, ясный.

Маруся оборачивается на звук ее голоса.

Светает.

Нина вне себя от изумления подбегает к ней прежде чем ее успевают остановить.

Нина (*протягивая к Марусе согнутую руку, словно защищаясь от призрака*). Ты! Ты здесь! Ты, что заманила его в пропасть, под колеса вагонов — ты здесь и жива. Не может быть... это... это...

Шара и Сухотин бросаются к ней.

Шара. Тише. Ты с ума сошла, разве ты не видишь, безумная!

Нина (*отталкивая ее*). Прочь! Оставь меня. Нет, пусть она раньше ответит мне, почему она жива! Почему она жива, а Мальванов убит!

Маруся (*подходит испуганная*). Игорь убит! Как убит? Кто сказал вам это? Боже мой... Так вот о каком крушении говорили в поезде... Игорь убит. Господи, да что же это такое? (*Она закрывает лицо руками*).

Короткая пауза.

Нина. Да, Игорь убит, а ты жива! Игорь убит под колесами вагонов, а ты спаслась! Стало быть ты бросила его, ты оставила его, своего мужа, которого ты сама заманила в пропасть, под колеса вагонов, как проклятый блудящий огонек. (*Любушин приподнимается*).

Маруся. Игорь убит... да что же, да что же это такое! (*Она шатается, ей страшно*).

Нина. А ты спаслась, ты спаслась! Так если ты обманула судьбу, я заплачу тебе за все (*она быстро достает из кармана револьвер и поднимает его на Марусю. Но в ту же минуту следивший за ними Любушин бросается между ними и выбивает из рук Нины револьвер*).

Любушин. Прочь! (*Выбивает револьвер*). Не смей ее... (*шатается и падает на пол. Сухотин и Невструев, бросившись на помощь, едва успевают его поддержать*). Не смей ее... (*Его поддерживают и кладут на диван. Нина потрясена*).

Маруся (*бросается к нему*). Миша, любимый, родной!

Любушин (*едва дышит*). Маруся... невеста... родная... дай твои ручки... тебя... люблю... люблю... (*Умирает*).

Маруся склоняется над ним и горько плачет.

Красные лучи рассвета заливают комнату ярким торжествующим светом.

Большая пауза.

Маруся встает, вытирает слезы платком и долго смотрит на Любушина. Потом, нагнувшись, нежно целует его долгим поцелуем. Потом оборачивается и медленно подходит к Нине, которая невольно отступает, затихшая, почти робкая, покоренная трагическим величием Марусиной осанки.

Маруся (*с тихой глубокой печалью*). Вы хотели знать, почему я жива, почему я вернулась... Я вернулась потому, что он застрелился, когда я уехала... и послал мне телеграмму, чтобы я простилась с ним. Да, меня увлекла судьба, и я должна была погибнуть, и, видит бог, как я хотела бы этого... Но в последнюю минуту он заплатил за меня выкуп... Да, в эту страшную минуту он отдал жизнь, чтобы крикнуть мне через поля, в глубину ночи «вернись»... и я вернулась... Я вернулась, чтобы увидеть, как он умер, думая обо мне, только обо мне одной... И когда он метался здесь в предсмертной тоске, его душа, его последняя мысль летела ко мне в глубину ночи и трепетала и вилась возле поезда, уносившего меня к смерти, и билась, как птица, о стекла вагона, и звала и звала меня назад... и я вернулась. Я вернулась, чтобы еще раз он оттолкнул от меня смерть и заплатил за меня своей жизнью. Зачем? Я не знаю.

Нина, потрясенная, опускается у его ног и приникает губами к ее руке.

Теперь бы мы мчались вместе с ним, навстречу золотому солнцу, полные беспредельной любви, о которой он не умел говорить, когда был жив. (*Она тихо подходит к Любушину и склоняется у его тела*). Зачем, зачем ты не захотел взять меня с собой в этот далекий... далекий путь... в свадебную нашу поездку.

Слышен далекий, протяжный, гармонический гудок паровоза. Нина в прежней позе, закрыв лицо руками.

Занавес тихо падает при звуке замирающего гудка.

ИСТИНА

Драма в 5 действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Вера
Доктор Липский-Мейнор
Челин
Иванов
Нина Алмазян
Лиза
Мальчик с козой
Медсестра

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Большая, красиво и строго убранная комната. В глубине—окна и балконная дверь, выходящие на море. Слева входная дверь, справа— в другие комнаты. Справа же, ближе к авансцене, на высоте двух ступенек небольшая дверь, завешенная тяжелой портьерой. Рояль. На полу комнаты два закрытых чемодана. В комнате никого нет.

I

Слышен звонок. Другой. Через комнату проходит девушка-медсестра в белом халате, направляясь к входной двери. Через минуту она возвращается с неопределенного возраста, хорошо одетым гражданином.

Л и п с к и й (*осматриваясь*). Могу я видеть профессора Пчелинцева? Сергея Петровича.

М е д с е с т р а. Профессор Пчелинцев умер.

Л и п с к и й. Не может быть! Когда? А кто же здесь живет?

М е д с е с т р а. Дочь профессора. Но она очень больна и никого не принимает.

Л и п с к и й. Дочь? Да, да... Я помню.

В комнату входит Алмазян. Это средних лет красивая женщина с властным и строгим выражением лица, с шапкой курчавых и совершенно седых волос.

А л м а з я н. В чем дело? Кого вам нужно? (*Девушке*). Идите к Вере.

Девушка уходит.

Л и п с к и й. Я доктор Липский. Старый друг и товарищ Сергея Петровича. Нсужели это правда? Когда он умер, при каких обстоятельствах?

А л м а з я н. Да, он умер. Пятого апреля. Накануне нашего приезда.

Л и п с к и й. Вы дочь Сергея Петровича?

А л м а з я н (*сухо*). Нет. Я просто знакомая его дочери, Веры. Мы вместе были на фронте. Извините, мне надо идти к больной.

Л и п с к и й. Конечно, конечно, пожалуйста. Я не буду вам мешать... Но может быть, я могу вам помочь. Я ведь немного врач.

А л м а з я н (*холодно*). Едва ли. Вера тяжело ранена. (*С внезапным возбуждением*). Она спасала бойцов из горящего танка. Поняли? У нее обожжено лицо, и она почти ослепла. (*Потеряв самообладание, садится в кресло*).

Л и п с к и й. Бедная девушка... (*Делает несколько шагов по комнате и подходит к окну. В наступившей тишине слышен шум прибора*).

А л м а з я н (*встает*). Она долго, больше года лежала в госпитале в Москве. Я сама привезла ее сюда.

Л и п с к и й. А! Вероятно, Сергей Петрович был болен и вызвал вас телеграммой?

А л м а з я н. Нет, он ничем не болел. Он умер внезапно, за работой, в своей лаборатории. Вот здесь. (*Она показывает на завешенную дверь*).

Л и п с к и й (*быстро подходит к двери и отдергивает портьеру. На темном дубе двери видна нарисованная белой краской большая греческая буква омега*). А! Омега... Узнаю Сергея Петровича... Простите... Вы ничего там... Там никого не было после его смерти? То есть, кого-нибудь чужого?

А л м а з я н. Нет. Комната все время заперта.

Л и п с к и й. А скажите, оборудование сохранилось? Немцы ничего не тронули?

А л м а з я н (*резко*). Все оборудование новое. Кроме свинцовой двери — с этой омегой.

Входит девушка-медсестра.

Сестра. Вера Сергеевна вас просит. Ей нехорошо.

Алмазян поспешно уходит вместе с девушкой.

Липский (*снова подходит к двери и задумчиво смотрит на нее*). Омега... Он умер на пороге цели. Я не напрасно спешил сюда. Я должен проникнуть за эту дверь, пока еще не поздно...

II

Возвращается Алмазян, уже не скрывая своего волнения.

Алмазян. Ей снова плохо. Не знаю, что и придумать.

Липский. Извините... Я сейчас уйду.

Алмазян. И хуже всего, что я должна уехать. Сегодня же вечером. (*Садится в кресло*).

Липский (*решительно*). Разрешите мне взглянуть на больную.

Алмазян (*резко*). Неужели вы думаете, что мы не испробовали всех средств?.. Еще в Москве. Ее два года лечили лучшие специалисты. Увы... это непоправимо.

Липский. Вы думаете? Когда, много лет назад, я был в Баку...

Алмазян (*живо*). Вы были в Баку? Давно?

Липский. В молодости я много путешествовал. Был в Персии, Индии, даже Тибете. Так вот, во время этих странствий я познакомился с одним английским ученым — его звали сэр Генри Стоней.

Алмазян. Где — в Баку?

Липский. Вернее, в Багдаде. В Баку мы приехали вместе немного позже.

Алмазян. В каком году?

Липский. Не все ли равно? Кажется, в 32-ом.

Алмазян (*быстро*). А не в 1918?

Липский (*спокойно*). В 1918 году мне было 17 лет, и я интересовался не столько наукой, сколько футболом.

За дверью шаги и шум.

Алмазян (*прислушивается*). Кто это?

Шум стихает.

Липский. Тогда же я изучил тибетскую медицину.

Алмазян. У Генри Стоней?

Липский. Да, и у него тоже. Вы хорошо запоминаете имена.

А л м а з я н. Да, я хорошо запоминаю имена, и многие врезались мне в память на всю жизнь. Особенно в 1918 году. Впрочем, это вас не касается.

Л и п с к и й. Конечно. И вот среди многих интересных соединений, которые мне удалось изучить и проверить, я нашел одно поистине чудесное средство от ожогов. Правда, оно опасно — с ним необходима исключительная осторожность, но результаты прямо поразительные. Я видел ужасные раны, которые исчезали бесследно.

Короткий шум за дверью.

А л м а з я н (*встает, возмущенная*). И вы берегли его для себя! В то время, как тысячи обожженных на войне бойцов слепли и оставались изуродованными на всю жизнь!

Л и п с к и й. Это пока лабораторный препарат. Нужна еще большая работа, чтобы он стал массовым, как всегда в медицине. Как друг покойного, я хотел вам помочь... Но если вы мне не доверяете, тогда, конечно... Извините.

А л м а з я н. Да, я вам не доверяю. И по многим причинам. И я надеюсь их выяснить.

Л и п с к и й. Пожалуйста. Если вас интересует история медицины.

А л м а з я н (*резко*). Меня интересует история революции, которую я сама... (*остановилась*) которую я сама делала вместе с другими в течение тридцати лет. И я сумею найти наших врагов, где б они ни были. Однако — пока я вас не задерживаю.

Л и п с к и й (*пожав плечами*). Дело ваше. Я хотел вам помочь. Прощайте.

Вбегает девушка-медсестра.

Медсестра. Нина Прокофьевна! Вера просила... (*Отводит ее в сторону и тихо говорит с нею. Алмазян молча слушает, нахмутив брови*).

А л м а з я н (*после минутного раздумья, Липскому*). Вера хочет вас видеть. Я остаюсь до завтра.

Л и п с к и й (*кланяется*). К вашим услугам.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Каменистый, местами ступенчатый переулочек в небольшом приморском городке. В глубине направо гранитное крыльцо изящного особняка с узким парадным входом, скрытым в глубокой нише. Слева открывается вид на море.

I

Вечер. Входят Иванов и Челин, оба в дорожном платье, с чемоданами в руках.

Иванов (*ставит на землю чемодан*). Очевидно, здесь. Дальше и домов нет. А если есть, то разрушены. Удивительно, как этот уцелел. Интересно, сохранилась ли лаборатория?

Проходит девочка.

Иванов. Послушай, девочка, ты не знаешь, где тут дом профессора Пчелинцева?

Девочка качает головой и убегает.

Иванов (*оглядывается*). И спросить не у кого.

Челин. Странная девочка... и такая неясная, словно мечта.

Иванов. Должно быть, глупа, оттого и молчит, как мечта.

Челин. Не все то глупо, что не отвечает, Степан. Истина тоже молчит.

Иванов. Э, нет,— моя, наша истина не молчит. Она говорит, она отвечает миллионами фактов, которые мы вырываем у природы. Умей только видеть и слышать.

Проходит мальчик с козой.

Иванов. Эй, хлопче!

Мальчик. Ну?

Иванов. Ты знаешь какие-нибудь факты?

Мальчик *(спокойно)*. Ну, конечно.

Иванов. Да что ты говоришь! Ну, например, скажи хоть один.

Мальчик. Я сейчас буду ужинать. Факт.

Иванов. Ну, это еще не факт, а теория.

Мальчик. Как не факт! А коза на что? Ого! И какое еще молоко!

Иванов. Ну, допустим. А еще?

Мальчик *(подумав)*. А завтра выходной день. Факт.

Иванов *(встревоженный)*. Да неужели? Ах, черт возьми! Значит, исполком будет закрыт... Что же тогда делать? Как же это мы забыли?

Мальчик *(наставительно)*. Видите, сами всех фактов не знаете. Нно! Пошла! Нно! *(Идет)*.

Иванов. Постой! Может быть, ты знаешь, где дом профессора Пчелинцева?

Мальчик *(показывает на дом)*. Только его нет дома. Он умер. Нно! *(Уходит)*.

Иванов. Ну, это мы и без тебя знаем. Тоже — провозвестник истины нашелся. Хорошо, если тут кто-нибудь есть. А ежели пусто? Ночуй тогда, где хочешь. *(Смотрит на небо)*. А тут и стемнело. Давай позвоним, что ли?

Идут к крыльцу. Иванов принимается звонить.

Иванов. Неужели никого нет? *(Снова звонит)*. И звонка не слышно. А может, звонок испорчен? Попробуем постучать. *(Энергично стучит в дверь)*. Что за безобразия!

Челин. Как видишь, и факты не всегда отвечают.

Иванов. Напротив. Факты говорят, что в этом доме никого нет. *(Снова стучит)*.

Челин. Во-первых, это не факт, а только теория — и притом довольно сомнительная. Вполне возможно, что там кто-то есть, но не желает нас впустить. А во-вторых...

Иванов *(стучит)*. А во-вторых?

Челин. А во-вторых, ты сам, как и все, впрочем, физики, не можешь обойтись без теории.

Иванов. Да, но мы исходим из реальных явлений.

Челин. И не умеете их объяснить. И приходите к нам, математикам.

И в а н о в. А вы норовите подsunуть нам какой-нибудь символ вместо живой природы. Дай срок — научимся обходиться без вас. Я уверен, что ты и сейчас населил этот дом какими-нибудь фантастическими существами.

Ч е л и н. Нет ничего фантастичнее жизни. *(Отступает и смотрит в окно)*. Ничего не видно. Скверная история. Придется искать гостиницы.

И в а н о в *(сходит с крыльца)*. Чорт знает, что такое! Я начинаю серьезно беспокоиться. А что, если дом пустой? Дом пустой, имущество продано и все бумаги Пчелнцева пошли на базар,— даже подумать страшно. *(Тоже заглядывает в окно)*.

Ч е л и н. Не может быть. Исполком не допустил бы этого. Ведь он получил нашу телеграмму. Так или иначе, а мы должны делать свое дело — принять научное наследство профессора.

Стемнело. Над морем стал молодой месяц.

И в а н о в. Легко сказать. Исполком закрыт, дом заперт, кругом ни души,— вот и принимай, как знаешь. А завтра выходной день. В общем, подожди здесь с вещами, а я сбегая вниз,— постараюсь найти комнату и машину. А может, за это время и тут кто-нибудь выйдет. Смотри. *(Поспешно уходит)*.

II

Челин осматривается, обходит дом, возвращается. Смотрит на море, откуда долетают звуки далекого оркестра.

Справа, из-за угла дома выходит В е р а. Синяя вуаль, спадающая легкими складками с ее головы, почти закрывает ее лицо.

Челин, увидя Веру, направляется к ней. Вера, что только сейчас его заметила, вскрикивает и взбегает по ступенькам крыльца.

Ч е л и н. Простите, я вас напугал. Я только хотел вас спросить.

В е р а *(молчит, открывая дверь)*.

Ч е л и н. Я только хотел узнать...

В е р а. Извините — я ничего не знаю. *(Исчезает за дверью, которая захлопывается. Ее вуаль падает и остается на крыльце)*.

Ч е л и н. Какая странная встреча. Чего она испугалась, эта девушка с закрытым лицом? *(Идет на крыльцо и поднимает вуаль)*. Это ее вуаль.

Слева слышен автомобильный гудок и шум машины. В ту же минуту входит радостно возбужденный Иванов.

Иванов. Ну, все в порядке. Есть комната, есть машина, свежие постели, через полчаса шашлык, помидоры и холодное пиво. Сколько замечательных фактов! Бери чемодан, идем, машина за углом.

Челин. Чудесно, чудесно!

Иванов (*смотрит на него*). Да что с тобой? У тебя такой вид, словно ты встретил самое Истину или по крайней мере женщину четвертого измерения из страны Лобачевского или Эйнштейна. Возле дома профессора Пчелинцева это не так уже странно.

Челин (*не слушая*). Ее лицо было закрыто.

Иванов (*испуганно*). Что такое? Кого ты видел? (*Видит в руках Челина вуаль*). Откуда эта материя? Гм... Вуаль вполне реальная и, кажется, заграничная.

Челин. Как видишь, и математик может найти нечто реальное. Но кто она... и чего испугалась? (*После недолгого раздумья*). Идем.

Иванов. Да кто «она»? Ты ее видел?

Челин. Нет.

Оба уходят налево, забрав чемоданы. Шум отъезжающей машины.

Пауза.

Месяц скрылся. Стало совсем темно. Двери особняка медленно открываются. Осторожно выходит Вера. Она ищет вуаль.

Вера. Нигде нет... Неужели он ее унес? Какое у него хорошее лицо. Откуда он? Почему мне кажется, что я его где-то видела...

Из тех же дверей выходит Липский.

Липский. Что вы здесь делаете, Вера Сергеевна?

Вера. Я уронила вуаль.

Липский. Я ведь просил вас не выходить хотя бы первое время. Иначе я не ручаюсь ни за что.

Вера. Господи! Когда же это кончится! Неужели нельзя выходить даже вечером. Я отвыкла от людей, боюсь посмотреть им в лицо... Мне кажется, что все меня преследуют!

Л и п с к и й. Это не кажется, а сущая правда. Вы живете в доме, где решается судьба человечества.

В е р а. Какой вздор! Судьба человечества решалась в недавних битвах — я имею право говорить это. Я тоже была там!

Л и п с к и й. Да, но борьба продолжается.

З а т е м н е н и е.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Комната первой картины. Утро следующего дня. Однако в комнате почти темно, так как тяжелые занавеси плотно закрывают окна и только пробивающиеся через немногие щели ослепительные блики солнца напоминают о сверкающем утре, которое царит за окном.

1

В е р а играет на рояле. Ее лицо не закрыто, но в комнате недостаточно светло, чтобы разглядеть черты этого лица.

Неслышно входит Л и п с к и й и молча слушает музыку.

В е р а почувствовала наконец его присутствие и встает испуганная

В е р а. Это вы!

Л и п с к и й. Да, это я. Извините, но я врач и должен вас видеть, нравится это вам или нет. Как вы себя чувствуете?

В е р а. Отвратительно. Я пугаюсь собственной тени.

Л и п с к и й. И это говорит девушка, побывавшая в горящих танках.

В е р а. Скоро вы вернете мне свободу?

Л и п с к и й. Я вернул вам зрение и лицо. Неужели вам этого мало?

В е р а. Мало. Вот уже больше месяца, как я не смею выйти на солнце, не смею ступить шага без вашего разрешения. Когда это кончится?

Л и п с к и й (*берет ее за плечи и подводит к окну. Внимательно осматривает лицо, глаза*). Не волнуйтесь. Все идет прекрасно. Еще три-четыре дня и вы будете...

В е р а. Как, еще четыре дня! Но я вполне здорова!

Л и п с к и й. Вы же знаете, что только позавчера я приступил к решающему этапу, который требует исключительной осторожности. Если теперь прекратить облучение или, не дай бог, выйти на солнце, вы рискуете потерять все, чего добились с таким трудом.

В е р а. И долго это протянется?
Л и п с к и й. По крайней мере шесть сеансов.

Резкий звонок.

В е р а. А! Звонок. *(Хочет подойти к окну)*.

Л и п с к и й *(видимо встревоженный)*. Вера Сергеевна!
Что вы делаете! Идите к себе.

В е р а. Опять под замок! А может быть, это Нина Профьевна.

Л и п с к и й *(еще больше встревоженный)*. Разве она должна приехать?

Звонок повторяется.

Вбегает знакомая уже нам сестра. Липский подходит к окну и смотрит.

С е с т р а. Звонят.

Л и п с к и й. Так и есть. Вчерашние. Скажите, что никого нет дома. Что Вера Сергеевна больна.

В е р а *(возмущенная)*. А может быть, по важному делу! *(Подчеркнуто)*. Не забывайте, что я дочь Пчелинцева.

Стук в двери.

Л и п с к и й. А я уполномоченный по приему бумаг покойного — вы же видели мандат, который мне прислали. *(Сестре)*. Ну что ж, идите отворять, Вера Сергеевна!

Вера уходит. Липский следует за ней. Сестра идет отворять.

II

Входят Челин и Иванов в сопровождении сестры и Лизы. Это молодая девушка, веселая, живая, в нарядном костюме водного спорта.

Ч е л и н *(медсестре)*. Передайте ему, что мы из Академии наук.

С е с т р а. Сейчас. *(Уходит)*.

Л и з а. Наконец-то! *(Жмет обоим руки)*. А я уже не знала что и думать — после вашей телеграммы.

И в а н о в. А, вы ее получили? Значит, все в порядке?

Л и з а. Да, то есть, не совсем. Извините, что я в таком виде: прямо с «Ласточки» — это моя яхта. Сегодня ведь выходной день, так я с утра на море. И вдруг вижу —

кто-то идет от исполкома, неизвестные люди. Я сразу догадалась, что это вы. Так и кинулась на всех парусах — где уж тут было переодеться.

Иванов. Ну, конечно, конечно, очень рады.

Лиза. Я же завкультотдела исполкома. Я и телеграмму вашу получила, и все.

Иванов. Очень рады. Как ваша фамилия?

Лиза. Ну, что там фамилия, — меня все зовут Лиза.

Иванов. Ну, значит, все в порядке. Опечатали шкафы? Забрали бумаги Пчелинцева?

Лиза (*смутилась*). Да... но понимаете... мы не могли опечатать.

Иванов. Как! Почему?! Да что это тут такая темень? (*Поднимает одну из штор*).

Челин внимательно рассматривает аппараты и приборы на столе.

Лиза. Когда мы получили вашу телеграмму, мы сейчас же пошли сюда с Михайлом Петровичем — это наш председатель. И вдруг оказывается, что тут уже живут.

Иванов. Кто?

Лиза. Во-первых, дочь покойного профессора.

Челин (*быстро оборачивается*). Дочь?

Лиза. Да. А, во-вторых, один ученый.

Иванов (*встревоженно*). Как ученый?! Откуда? Кто?

Лиза (*еще больше смутилась*). Он... он говорит, что приехал из Лондона.

Иванов. Как из Лондона! Хорошее дело! Ну, Лиза, извините, не знаю вашей фамилии, — вы, кажется, здорово сдрейфили.

Челин (*строго*). Допустить чужого человека! Да вы знаете, какую ценность представляют бумаги Пчелинцева! Его лаборатория, снимки.

Лиза (*окончательно растерялась*). Но у него мандат от Ленинградского физико-технического института. Кроме того, справка, что он родственник покойного. Ну, что я могла поделать?

Челин. Родственник, родственник! Да где же он, по крайней мере. (*Подходит к дверям направо*). Заперта. Тут несомненный умысел.

Лиза (*чуть не плачет*). Боже мой, что я наделала!.. Дура несчастная!

Иванов. Не волнуйтесь, Лиза,— может, еще ничего не потеряно.

Челин (*стучит в дверь. Ждет*).

Лиза (*Иванову, тихо*). Как его фамилия? Он профессор?

Иванов. Профессор. Челин.

Лиза. Челин. Он такой суровый. Какое у него чудное лицо — строгое и задумчивое.

Иванов. У меня тоже чудное.

Лиза. А ваша фамилия как?

Иванов (*вздыхнувши*). Не спрашивайте. Иванов. Полная обезличка — хочу переменить.

Лиза. Да что вы! Вот совпадение,— я тоже хочу менять.

Иванов. Да неужели! А ваша как?

Челин (*снова стучит*). Эй! Кто там!

III

Неожиданно дверь открывается, и на пороге появляется Липский. Он молча и с очевидным неудовольствием смотрит на присутствующих.

Липский. Что вам здесь нужно, граждане? Зачем вы ломаете дверь?

Челин (*достает из кармана бумаги*). Я командирован Академией наук принять научное наследство Пчелинцева. Считаю совершенно недопустимым, что здесь кто-то живет и распоряжается.

Иванов (*приближается*). И в течение двух дней не выпускает нас в дом.

Липский (*оценив положение, сухо*). Я ближайший родственник покойного,— он сам вызвал меня перед смертью из Лондона.

Челин. Научное наследство советского ученого принадлежит нашей науке.

Липский. До сих пор я думал, что есть только одна наука — мировая. (*Челин поднимает руку*). Впрочем, я не собираюсь спорить. У меня тоже есть мандат от (*показывает*) вашего же ленинградского Института. Пожалуйста.

Челин (*берет мандат и просматривает*). Это не меняет дела. Я сейчас же отправлю телеграмму в Москву,

а пока прошу предоставить нам этот дом и все бумаги Пчелинцева.

Л и п с к и й. Вы не имеете... *(сдерживается)*. Хорошо. Я подчинюсь. Сила на вашей стороне.

Ч е л и н *(сухо)*. Не сила, а право.

Л и п с к и й. И потом,— могу же я занимать в доме моего родственника и друга хотя бы одну комнату. Кроме того, здесь живет дочь покойного. Она тяжело ранена на фронте и, надеюсь, заслуживает элементарного уважения.

Ч е л и н. Вы можете занимать хоть и целый дом. С нас довольно одной комнаты и лаборатории. Но мы должны сейчас же изъять и опечатать все бумаги и аппараты.

Л и п с к и й. Это насилие! Я тоже работаю над ними. Я доктор Кембриджского университета, лауреат Нобелевской премии.

Ч е л и н *(спокойно)*. Когда будет нужно, мы пригласим вас гостем, а пока,— позвольте уж нам быть хозяевами в доме.

Л и з а. Правильно!

Ч е л и н *(Иванову)*. Приготовь сургуч и свечу. *(Идет к столу)*.

И в а н о в *(хлопочет со свечой)*. Ладно.

Л и з а *(тихо, Иванову)*. Ах, какая я несчастная! Он, наверное, на меня рассердился. *(Зажигает свечу)*. Скажите,— он, наверное, знает все на свете?

И в а н о в *(шаря по карманам)*. И куда я его к чорту засунул? Ага, вот он! *(Вынимает палочку сургуча)*. Все на свете, милая Лиза, знать никак невозможно.

Л и з а. Какие вы счастливые—кто много знает. Я вон все книжки прочитала в нашем клубе и сама везде покупаю, а в науке ничего не понимаю.

И в а н о в. А вы где учились?

Ч е л и н *(отходит от окна)*. Ну, что,— готово?

И в а н о в. Готово.

Ч е л и н. Хорошо. Так. Ты пойдешь с товарищем *(смотрит на Лизу)* и с доктором,— извините, как ваша фамилия?

Л и п с к и й. Доктор Липский.

Ч е л и н. И с доктором Липским отберете бумаги. Что можно перенести,— несите, ну, хоть в эту комнату. Остальное — шкафы, столы — опечатайте.

И в а н о в. Ладно.

Челин. А я пока напишу телеграмму в Академию.
(Идет к столу).

Лиза (смущенная). Я уж не знаю, удобно ли мне в таком виде. (Иванову, тихо). Товарищ Челин, наверное, недоволен, он так строго на меня посмотрел.

Иванов. Не смущайтесь, Лиза. Вообразите, что вы на море. Прошу вас, доктор.

Лиза (достает из сумочки и надевает большие круглые очки в черной оправе).

Иванов (удивленный). Свят, свят! На что вам эти окуляры, Лиза? А еще спортсменка! У вас же должен быть морской глаз.

Лиза. О, на море я чудно вижу,— это же только читать.

Иванов. А читать любите?

Лиза. Ужасно.

Все трое выходят в правую дверь.

IV

Челин садится за стол, достает из портфеля бумагу и перо-автомат и принимается писать. Несколько минут сидит он так, склонившись над столом, погрузившись в работу. Внезапно за правой дверью слышен короткий шум и вслед за тем в комнату входит девушка-медсестра. Не обращая внимания на Челина, она подходит к окну и опускает штору. Челин поднимает голову.

Челин. Оставьте! Зачем вы это делаете? (Девушка не отвечает и убегает).

Вера (входит). Извините. Это я попросила закрыть. У меня... у меня больные глаза. Мне вреден свет. (Она прижимает к лицу платок).

Челин (встает смущенный). Пожалуйста... Вот почему... вы носите вуаль на улице. Она у меня... я забыл ее дома... извините.

Вера. Ах, да не в этом дело! Скажите, что вам нужно в нашем доме?

Челин. Как что? Вы дочь Пчелинцева?

Вера (с гордостью). Да.

Челин (взволнованный). Я слышал... вы были ранены?

Вера. Это вас не касается... Что вам здесь нужно?

Челин. Дочь такого ученого... героиня великой вой-

ны... Неужели вам не известно, что значат работы вашего отца? В этом доме, где он жил и работал.

В е р а (*быстро*). И где решается судьба человечества?

Ч е л и н (*удивленный*). Кто сказал вам это?

В е р а. Доктор Липский. (*Внезапно схватывает Челина за руку*). Неужели это правда? (*В сильном волнении*). Он сказал еще, что борьба продолжается!

Ч е л и н. Вот видите! Он знает больше, чем вы! Разве можно допустить, чтобы такая огромная ценность досталась в руки врага? (*Встревоженный*). Я и то боюсь, что мы уже опоздали!

В эту минуту за дверью слышен громкий разговор, спор, резкие возгласы. В комнату входит видимо возбужденный доктор Липский, за ним спокойный Иванов и смущенная Лиза, с порядочной шкатулкой в руках. Вера быстро уходит.

Л и п с к и й. Это насилие! Я не позволю издеваться! Я дам телеграмму в институт.

Ч е л и н (*оглядывается, ища глазами Веру, затем обращается к Иванову*). В чем дело?

Л и з а (*ставит шкатулку на стол*). Уф!

И в а н о в. Не знаю. Я опечатал бумаги.

Л и п с к и й. Он опечатал мои личные бумаги. Это неслыханное самоуправство!

И в а н о в (*спокойно*). Я должен был опечатать все бумаги, которые были в кабинете, — возможно, что там были и ваши. Они в этой шкатулке. (*Поднимает штору*).

Ч е л и н. Ты поступил вполне правильно. Мы разберем бумаги, и ваши будут возвращены вам обратно.

Л и п с к и й. Это насилие!

Ч е л и н (*Иванову*). Вы обошли все комнаты?

И в а н о в. Там все. Осталась эта комната.

Л и п с к и й. Они не пощадили даже спальни дочери покойного профессора.

Л и з а. Неправда, мы там ничего не трогали.

И в а н о в (*обходит комнату, заглядывая во все углы*). Ба! А это что? (*Он отодвигает тяжелый занавес на правой стене первого плана*). А это что за двери?

Л и п с к и й (*пожимает плечами*). Как видите.

Челин подходит к двери.

Ч е л и н. Это лаборатория.

Лиза (*Иванову*). Что это такое? Что это написано на двери?

Иванов. Это, Лиза, греческая буква Омега,— последняя буква греческого алфавита.

Челин (*сухо*). Что за этой дверью?

Липский (*с насмешкой*). Не знаю. Наверное, золотые слитки или зарезанные женщины, как в сказке о «Синей бороде».

Челин. Прошу вас не острить и сейчас же открыть нам дверь.

Липский. К сожалению, это невозможно. Я не имею ключа от этой двери, а местные слесаря не берутся ее взломать.

Челин. Как же вы смели говорить, что Пчелинцев поручил вам разобрать его научное наследство? И не дал ключа?

Липский (*молчит, нагло улыбаясь*).

Лиза (*тихо, Иванову*). Зачем он написал на двери эту букву? Зачем?

Иванов. Не знаю, Лиза. Быть может, он нашел какие-нибудь новые лучи,— их ведь называют греческими буквами. А может быть, просто тут его последние выводы,— ведь омега — это символ конца.

Челин. Вы слышите?

Липский. Да, слышу. Но почему вы не допускаете, что воля покойного в том и заключалась, чтобы не дать никому — и особенно вам — ключа от этой двери.

Иванов. Это наглость!

Челин. И во всяком случае клевета.

Липский. Вы думаете? Вот письмо. (*Вынимает из кармана конверт*). Можете его прочитать.

Челин (*берет письмо*). Снова нелепые фокусы! (*Швыряет письмо на стол*). Оно зашифровано!

Липский. Конечно. А что же вы хотели, чтобы истины мирового значения были доступны всякому?

Челин. Да! Мы именно к этому и стремимся.

Лиза (*с увлечением*). Да, да! Истина должна быть понятна всем! Всем!

Иванов. Вы просто морочите нам голову. Это шарлатанство.

Липский. В этой шкатулке, которую вы у меня отняли и запечатали (*он подходит к шкатулке, Лиза защи-*

щает ее руками), есть пакет Пчелинцева на имя вашего института, такого же содержания. Он запечатан, но я могу вам сказать, в чем заключается воля покойного.

Челин. Какова бы она ни была, мы не станем держать в тайне открытые им истины.

Липский. Не зарекайтесь. А что, если эти открытия разойдутся с вашим мировоззрением?

Челин (*отступает, пораженный*). С моим мировоззрением?

Липский. Что если эти открытия поколеблют,— да что поколеблют,— разрушат все представления человека о природе?

Иванов. Они не поколеблют материализма.

Лиза (*внезапно вскрикивает и вспрыгивает на кресло*). Ай! Мышь! Мышь! Побежала оттуда!

Иванов (*снимает Лизу с кресла*). Как вам не стыдно, Лиза! А еще спортсменка.

Лиза. На море я ничего не боюсь. Извините, профессор... но мышей не могу видеть... Ай!

Иванов. Нехорошо, Лиза, непохвально. Доктор Липский может подумать, что вы испугались его откровений, которые угрожают материализму!

Липский (*пожимает плечами*). Вам угодно шутить, но в основном вы угадали. Профессор Пчелинцев искренне сочувствует вашему строительству. Но так как его открытия такого рода, что могли бы ослабить в массах энтузиазм и волю к строительству так называемой новой жизни...

Челин. Вы наглец и шарлатан! Я не позволю вам.

Иванов (*удерживает Челина*). Успокойся, Роман, к чему? (*К Липскому*). Не беспокойтесь, пролетариат не боится знания и не испугается никаких новых выводов. Потому что он умеет идти вперед и превратить каждый синтез в тезис новых исканий.

Челин. И не боится закрытых дверей,— как эти, например. (*Он с силой толкает дубовую дверь — она бесшумно открывается*).

Лиза. Ах! Открылась!

Челин (*с насмешкой*). Такова, должно быть, цена и прочих ваших тайн. Ну да — дверь обита свинцом — это лаборатория.

Липский (*спокойно*). Войти не трудно. (*Про себя*). Воздуху и дуракам двери всегда открыты.

Иванов. Да, тут целая лаборатория! (*Входит. Челин идет за ним*).

Липский (*Лизе*). Не бойтесь, мадемуазель, идите смело. Мышей там нет, ручаюсь. Одни только формулы и аппараты. Но вам они не опасны — они страшны только тем, кто понимает их язык.

Лиза. Не ваше дело. Я тоже научусь их понимать. (*Входит в комнату*).

Липский (*один*). Идите, глупцы. Вы хотите заглянуть Истине в очи. Осторожно — ослепнете.

V

Липский. Однако, необходимо действовать. Что же придумать? Неужели отступить? Теперь, возле самой цели. А! У меня остается эта девушка.

Шум и разговор за внутренней дверью, и в комнату входит Алмазян. Девушка-медсестра выглядывает из-за двери.

Липский (*отступает пораженный*). Вы!

Алмазян (*спокойно*). Не ждали?

Липский (*овладев собой*). Очень рад.

Алмазян. Я ведь обещала вернуться. Правда, мне пришлось немало поездить, чтобы проверить мои догадки и мою память. Ведь прошло 29 лет...

Липский. Извините, я должен идти. К Вере Сергеевне. К тому же я не понимаю...

Алмазян. Вы слишком хорошо понимаете! Вы говорили мне, что 29 лет назад вы интересовались только футболом. Я побывала в Баку и выяснила многое. Вас звали тогда Липский-Мейнор и вы интересовались диктатурой Центрокаспия и разгромом Бакинской коммуны! Я невеста Арсена Аветисова, которого вы убили в 1918 году!

Липский. Вы раскаетесь в этой лжи! (*Быстро уходит, хлопнув и заперев за собою дверь*).

VI

Алмазян (*идет к двери и стучит*). Откройте! Негодяй... (*Подбегает к окну*). Вера! Катя!

Открывается балконная дверь, и в комнату вбегает, забывая всякую осторожность и не закрывая лица, сильно взволнованная В е р а.

В е р а. Нина! Что ты наделала! Липский сел в машину и уехал! Я погибла!

А л м а з я н. Вера! Вера! Какое счастье! Ты здорова и снова прекрасна, с чистым милым лицом, с ясными глазами! Какое чудо!

В е р а. Это не чудо, а гибель. Я в его власти, только он может меня спасти, лекарство у него, а он уехал! Я снова ослепну и сгорю. Господи, что делать... *(Садится у стола и рыдает)*.

А л м а з я н *(потрясенная)*. Не может быть. И я ему доверилась!

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Та же комната несколько дней спустя. На столе много книг и различных приборов. На отдельном лабораторном столе налево — сложный аппарат, возле которого хлопочет И в а н о в. Аппарат состоит в основном из большой металлической коробки с микроскопом сбоку и нескольких стеклянных трубочек. Иванов старательно прилаживает части аппарата, включает ток, отчего в окошечке снизу коробки вспыхивает ослепительный луч вольтовой дуги. Смотрит в микроскоп, выключает ток. Внезапно с другой стороны в стеклянных трубках начинает дрожать голубая волна света.

I

Между тем Л и з а уже давно заглядывает в открытое окно. Несмело зовет.

Л и з а. Степан Васильевич! Степа!

Но Иванов не слышит.

Л и з а осторожно влазит в окно и неслышно подходит к столу. Стоит так, любуясь. Когда вспыхивает вольтова дуга, вскрикивает.

И в а н о в (*нисколько не удивленный ее появлением*). И зачем визжать. Стойте и смотрите молча.

Л и з а. Как интересно... Можно мне посмотреть?

Вспыхивают дрожащие синие огоньки.

Л и з а. Вот красота! Что это такое, Степа?

И в а н о в (*не отрываясь от микроскопа*). Лучи для ионизации воздуха

Л и з а. Можно мне посмотреть?

И в а н о в. Ну ладно, смотрите,

Лиза (*жадно припадает к микроскопу*). Золотые звездочки! Одна, две, четыре! Неужели это атомы, Степа?

Иванов (*записывает в тетради*). Еще чего захотели. Это просто капельки. Атомов еще никто не видел.

Лиза (*перестает смотреть в микроскоп и надевает очки*). Что это вы записываете, Степа? Боже, какая тарабарщина!

Иванов (*поднимает голову и смотрит на Лизу*). Ой, не могу видеть ваших окуляров, Лиза.

Лиза (*вздыхает*). Неужели я никогда не буду этого понимать?

Иванов (*смотрит в микроскоп*). Чего понимать?

Лиза. Да вот этих всех... формул. А как же хочется,— страх!

Иванов. Надо учиться, Лиза.

Лиза (*смотрит через плечо и читает вслух*). 5, запятая; 307, точка, 10, потом маленькое 17, фу! Ну разве мыслимо это понять? Степа! Неужели без этой тарабарщины нельзя подойти к истине? Цифры, числа, греческие буквы,— кошмар!

Иванов (*пишет*). Ничего не поделаешь, Лиза. Наука. Истина не легко дается.

Лиза. Не легко, но ведь вы,— вы-то знаете, в чем тут дело? Так неужели нельзя рассказать об этом простыми, понятными всем словами? Когда Ленин говорил о вещах, которые изменили потом целый мир,— ведь его понимали все! О, я уверена, он бы сумел и тут все объяснить — без формул, без вот этих иероглифов,— одним своим ясным разумом.

Иванов. Ленин сам учился всю жизнь и от вас потребовал бы того же. Истины нельзя подарить, Лиза. Каждый должен добыть ее сам. Все на свете нужно добывать, Лиза, даже фамилию. (*Вздыхает*). Если своя не нравится. (*Пишет*).

Лиза (*смеется*). Ну, что вы выдумываете! Пошел в загс и подал объявление,— вот и все. Я сама думаю это сделать.

Иванов (*бросает тетрадь и схватывает Лизу за руку*). Не смейте, не смейте этого делать!

Лиза (*удивляясь*). Почему? Вы же сами хотели переменить свою фамилию?

Иванов (*убежденно*). Да, но я не могу выдумывать. Я физик, я признаю только факты.

Лиза. Ну, так что ж из этого?

Иванов. Я не хочу выдумывать себе фамилию, как это делают ежедневно сотни разных Сукиных, Негодяевых и Дураковых. Когда я переменно всюю фамилию, то только на такую, которая действительно существует.

Лиза. Так это будет чужая!

Иванов. Ага! В том-то и дело. Вот я и ищу такого человека, который бы отказался от своей фамилии. Когда вы сказали давеча, что хотите менять фамилию, я ужасно обрадовался. Уступите ее мне, если она вам не нравится.

Лиза (*смутилась*). Да... но ведь вы не знаете, какая она. Может, она и вам не понравится.

Иванов (*берет ее за руки*). А вы скажите.

Лиза. Нет... не могу.

Иванов. Неужели такая плохая?

Лиза. Не плохая, а... а... Ну, словом,— я не могу.

Иванов. Ну, так я сам узнаю.

Лиза. А вы же обещали.

Иванов. Ну, тогда скажите сами.

Лиза. Да зачем непременно мою? Возьмите чью-нибудь другую.

Иванов. Да неужели вы не понимаете, что я... что я вас... (*Привлекает ее к себе*).

Лиза (*вырывается*). Пустите! Кто-то идет.

Иванов (*не пускает*). А как это было бы чудесно! Вы бы учились сначала дома, со мною, потом в институте. А через каких-нибудь два года вы бы увидели с удивлением, что нет никаких страшных формул,— что все это ясные, понятные слова, которыми говорит Истина.

Лиза. Ах! Неужели это возможно! Да, да, я буду учиться, я буду. Но я... но я не могу... не сердитесь,— я не могу того, о чем... (*Садится и плачет*).

Иванов (*встревоженный*). Лиза, Лиза, что с вами?.. Ну, полно, не плачьте! Ну, что с ней поделаешь!

Лиза (*вскакивает и обвивает его шею руками*). Вы такой хороший, вы такой милый... но что я поделаю, если я... если я... И зачем вы не один сюда приехали!

Иванов (*поняв*). Вы... вы любите его... Челина!

Лиза. Ах, не нужно, не нужно об этом! (*Вытирает глаза*). Прощайте! Я еще зайду. Позже. (*Исчезает*).

Иванов. Так. Она его любит. Факт. Это выходит, как говорил тот парень с козой, — сами, дескать, всех фактов не знаете. И еще один факт: девушки предпочитают не факты, а гипотезы.

II

Стемнело. Из балконной двери выходит Челин. В руках у него несколько толстых тетрадей, которые он кладет на стол. Вид у него утомленный и подавленный.

Челин. Ты что тут делаешь?

Иванов. Так, ничего особенного. Проверял одну — гм... теорию. *(Чешет затылок)*.

Челин. Ну и что же?

Иванов *(вздыхает)*. Ошибся... факты не подтвердили.

Челин. Да, да... *(Проводит рукой по лбу)*. Что это так темно? Неужели вечер? Сколько же я просидел в саду?

Иванов. Как видишь. Даже не обедал. Хочешь, принесу чего-нибудь?

Челин. Спасибо, не хочется. Если бы ты знал, как трудно читать эти тетради...словно впотьмах, с дрожащей свечой в фонаре пробираешься по бесконечным коридорам и лестницам. На одно мгновение мелькает ослепительный свет, — и снова еще больший мрак и бездонные провалы под ногами. И не знаешь, что в конце — черный хаос или закрытое лицо Истины.

Иванов. Кстати о закрытых лицах. Ты видел когда-нибудь эту девушку? Дочь Пчелинцева?

Челин. Да, один раз — и то в темноте. В первый день, когда мы приехали.

Иванов. Это правда, что у нее обожженное лицо? Говорят, что ее лечит этот наш приятель — доктор Липский.

Челин. Не знаю... Я едва различал ее черты в то утро. Но в ней столько прелести: в походке, повороте головы, в каждом движении. Бедная девушка. Мне кажется, я мог бы полюбить ее даже изуродованной... Впрочем, она не может быть безобразной... Ты говоришь, он ее лечит? Да ведь, кажется, он уехал — тогда же.

Иванов. Не нравится мне этот доктор Кембриджского университета. Боюсь, что он здорово тут напортил, пока нас не было. Оттого у тебя и неблагоприятно с тетра-

дями — украл половину, вот тебе и хаос в бутылке из-под уксуса.

Челин (*достаёт из кармана связку ключей*). Я пойду в лабораторию. Если я не вернусь к ужину, делай что хочешь. Может, я целую ночь просижу над записями. Не пускай ко мне никого.

Иванов. Ты иди на вышку — там не так душно. Кажется, собирается гроза. Хочешь, принесу пива?

Челин (*не отвечает и принимается отворять свинцовую дверь с омегой*).

Иванов. Ну, бог с тобой, сиди хоть и целую ночь.

Челин отворяет и входит, снова заперев за собою дверь.

Иванов. Интересно все-таки, куда она пошла? Пойду поищу. А и впрямь гроза будет — вон какие тучи... и море шумит. Чего доброго, побежала на яхту! В такую-то погоду. (*Уходит*).

III

Слышны голоса, и через балконную дверь в комнату входят Алмазян и девушка-медсестра. Алмазян видимо взволнована.

Алмазян. Вы наверно знаете, что Вера в Симеизе? Медсестра. Утром она получила телеграмму и очень взволновалась. Сейчас же оделась, закутала лицо вуалью...

Алмазян. Разве она всегда это делает?

Медсестра. Нет, но сегодня ей стало хуже. Лицо опять покраснело, появились пятна.

Алмазян. Какой негодяй! Что же делать, что?

Медсестра. Потом пошла на пристань.

Алмазян. Ее не было в Симеизе. Я объездила весь город, все санатории, все гостиницы. (*Падает устало в кресло*). Скоро ночь... где она могла деться... А тут еще непогода надвигается. Неужели этот негодяй задержал ее у себя, чтобы... да нет! Разве этим он спасется от преследования!

С шумом открывается балконная дверь. Входит Вера. Она без вуали и тоже видимо утомлена и взволнована.

Нина (*вскакивает*). Вера! Голубка! Наконец-то! Где ты была?

Вера (*стоя*). Я была у Липского.

Н и н а. Ты получила от него телеграмму? Где он, в Симеизе?

В е р а (*качая головой*). Не в городе... В одной деревне... в горах.

Н и н а. Несчастливая! Он запретил тебе говорить? Да ты понимаешь, в какую пропасть ты готова упасть! Ведь это матерый фашист, связанный со всей международной реакцией.

В е р а. Готова упасть! А сейчас я не в пропасти? Господи! Да ты знаешь, что я обречена. Что если завтра же — да что там завтра — сегодня, сейчас же — он не возобновит своего проклятого лечения, я ослепну, кожа начнет разлагаться и мясо отвалится от щек!

Н и н а. Он тебя отравил! Как я могла ему довериться! Ведь он предупреждал, что это опасно!

В е р а. Может быть, уже завтра я проснусь прокаженной, с вывороченными веками и провалившимися губами! Нет, лучше умереть, сегодня, сейчас же, сейчас!

Н и н а. Успокойся, успокойся, родная! Чего же, чего же он все-таки хочет от тебя? Чтобы я уехала? Но почему же он не уедет сам, если так меня боится? Ах, да! Ему нужен этот дом, эта лаборатория, где хранятся такие ценности...

В е р а. Да, да. Он уже говорил мне о шкатулке, которую опечатал Челин. Будто бы там и его бумаги.

А л м а з я н. И он заставляет тебя их украсть? Неужели ты пойдешь на это?

В е р а. Ах, да не мучь меня хоть ты. Сейчас мне нужно одно — унять эту зловещую боль, от которой стынет мозг...

А л м а з я н. Чего он требует? Чтобы я уехала?

В е р а. Сейчас — этого. Он должен еще ночью сделать мне инъекцию, чтобы остановить процесс. Я должна пойти туда, на вышку, и зажечь там свет, чтобы он знал, что можно прийти. (*Бежит к свинцовой двери с омегой и толкает ее, дверь не поддается*). Боже мой! Она заперта! Ключи, скорей ключи! Они у них, у Челина. Что же делать? (*Шагается*). Это действительно омега — роковая дверь конца!

А л м а з я н (*резко*). Сядь!

В е р а (*садится, пораженная*).

А л м а з я н. И это дочь Пчелинцева! Героиня великой войны, тысячу раз смотревшая в глаза смерти, девушка,

которая буквально бросалась в огонь и без колебания отдала родине свою красоту.

В е р а (*встает, тоже резко*). Да, я сделала все это, я спасала людей, рискуя своим зрением, жизнью, красотой! Но если я ослепла, обезображена, разбита, если я выполнила свой долг перед родиной и людьми — имею я право на помощь? Если нашелся человек, который меня выечил...

А л м а з я н (*горячо*). Этот человек враг и негодяй! Поджигатель третьей войны против нашей родины!

В е р а (*так же*). Но он великий ученый! У него в руках спасение моей жизни!

А л м а з я н. Какой ценой?

В е р а. Когда человек гибнет, его спасают, не спрашивая имени! Мы сами говорим, что наука принадлежит всем! И если сейчас он сильнее нас — не он, а его культура...

А л м а з я н. И это говорит дочь великого советского ученого! Да знаешь ли ты, кто этот человек, из рук которого ты хочешь получить спасение?

В е р а. Месяц назад ты сама согласилась на это.

А л м а з я н. Тогда я еще не знала всей правды. Сейчас все нити в моих руках, и ты хочешь, чтобы я выпустила из своих рук предателя, убийцу моего мужа и его друзей! Человека, которому я поклялась отомстить и которого искала тридцать лет!

В е р а (*глухо*). Зачем же я должна заплатить за это... В эту последнюю ночь... Последнюю ночь... ведь завтра я не увижу солнца.

А л м а з я н (*с глубоким волнением*). Последняя ночь! А хочешь, я расскажу тебе о последней ночи, какую пережила я двадцать девять лет тому назад!

В е р а. Свет... Зажги свет... там наверху...

А л м а з я н (*не слушая*). Это было в те страшные дни восемнадцатого года, когда погибала бакинская коммуна, задыхаясь в кольце врагов... дашнаки, муссаватисты, турки напирали со всех сторон... Но предателям было мало этого. Они хотели взорвать коммуноу изнутри. В Баку появилось несколько англичан, говорили, что это группа ученых туристов, приехавших из Персии. Долго рассказывать, но я и Арсен проследили, чем они занимались.

В е р а. Липский был среди них?

А л м а з я н. Об этом я узнала только теперь. В то

время я знала одного Генри Стоней, о котором так неосторожно проговорился Липский.

За окнами гром и шум моря.

В е р а. Господи! И зачем он приехал сюда!

А л м а з я н. Когда мы их выследили и узнали о заговоре дашнаков и меньшевиков, которые уже тогда решили предать нас англичанам,— они убили Арсена. И сейчас, через двадцать девять лет, я помню эту страшную ночь... Мы возвращались с Арсеном из совета. Буря бушевала в городе... Море шумело и кидалось на берег. Когда мы подходили к нашему дому, из стоявшего возле него автомобиля вышло четыре человека и подошли к нам. Один из них спросил: «Вы Арсен Аветисов?» Тогда другой крикнул по-английски: «Стреляй, Мейнор,— это он!» *(Опускает голову на руки в безмолвном рыдании).*

В е р а. Нет, нет, не может быть!

А л м а з я н *(встает)*. Двадцать девять лет я берегла в мозгу это имя — Мейнор; судьба привела его сюда, и ты хочешь...

В е р а. Нет, нет! Я не приму спасения из его рук, беги за ним, я скажу тебе, где он живет, вот... *(Она достает из сумочки записку и отдает Алмазян)*. Иди... Но оставь... оставь меня одну... *(Она падает без сил возле двери и вздрагивает от безмолвных рыданий)*.

А л м а з я н. Нет! Я не брошу тебя так. Я пойду к Софроновичу и приведу его сюда. Может быть, Липский нарочно тебя пугает.

В е р а *(поднимает голову)*. Софроновича тоже нет в городе... Он в горах, на своей даче... Ты не доберешься к нему в такую погоду. *(Снова падает на ступеньки)*.

А л м а з я н. У меня машина... Я найду и привезу его, чего бы это мне ни стоило.

Убегает. Гром и буря усиливаются.

IV

Тихо отворяется свинцовая дверь, и в комнату входит Челлин. Увидя лежащую на ступеньках Веру, он останавливается пораженный.

Ч е л л и н. Кто здесь? *(Молния освещает Веру)*. Это вы! Что с вами?

В е р а (*встает*). Извините, мне стало нехорошо... я сейчас уйду.

Ч е л и н. Нет, нет, не уходите, останьтесь. Вам нужно успокоиться. (*Берет ее руки*). Вы вся дрожите.

В е р а. Оставьте меня, умоляю.

Ч е л и н. Бедная девушка... Как бы я хотел помочь вам... или хотя бы утешить... как бедное обиженное дитя. (*Целует ее руки*).. Поцеловать ваши заплаканные глаза...

В е р а. Оставьте... Не прикасайтесь ко мне... Вы не решились бы сказать мне это при свете. Прощайте!

Бежит к двери направо, но в эту минуту балконная дверь с шумом растворяется и вместе с ворвавшимся ветром в комнату входит Л и п с к и й.

В е р а (*пораженная*). Вы!

Л и п с к и й. Я пришел на ваш зов.

В е р а. Неправда! Я вас не звала. Уйдите.

Л и п с к и й. Не звали? А кто же зажег свет там, на вышке? Или это ловушка? Впрочем, нет — пять минут назад я видел вашу машину. Она лежала разбитая под размытым дождем откосом.

В е р а (*вскрикивая*). Нина!

Ч е л и н (*делает шаг вперед*). Свет наверху зажег я.

В е р а. Нина! (*Убегает в правую дверь*).

Л и п с к и й (*приближается и включает свет*).

Ч е л и н. Чего вам здесь нужно?

Л и п с к и й. Я вам помешал? Вы работали? Не могу ли я вам помочь?

Ч е л и н. Я не нуждаюсь в вашей помощи.

Л и п с к и й. Как знать. Значит, для вас все ясно? В этих тетрадах?

Ч е л и н. Пока все в порядке. Как видите, мир не рушится.

Л и п с к и й. Очень рад. Стало быть, и эта буква вас не тревожит?..

Ч е л и н. Какая буква?

Л и п с к и й. Омега, что начертана на этих дверях. Предел человеческих знаний.

Ч е л и н. Какой вздор! Я завтра же велю ее замазать и написать «альфа» — первая, а не последняя буква!

Л и п с к и й. Вы бы не сказали так, если бы дочитали до конца эти тетради.

Ч е л и н. Какая ложь! Предел человеческих знаний!

Ленин говорил лишь о пределах приближения наших знаний к абсолютной, объективной истине, но нет и не может быть пределов запросам человеческого ума. Если бы даже нашелся безумец, который запечатает мир самым безнадежным синтезом,— мы, материалисты, сейчас же сорвем эту печать тезисами новых исканий. Истина всегда в движении и ее нельзя припечатать к стене вашей дурацкой омегой.

Л и п с к и й. Нет, я вижу, что вы не прочитали до конца этих тетрадей. Вы все еще полны детской веры в то, что мир устроен прекрасно, по всем правилам здорового материализма. А если и есть противоречия — вроде структуры протона и нейтрона или корпускулярных и волновых свойств,—то это совсем не страшно. Все это не более, как различные повороты одного и того же лица Истины, которая поворачивается к нам то профилем, то фасом, то в три четверти, но всегда приятно улыбается.

Ч е л и н. Да, такова наша Истина, и не вам над ней глумиться. Тысячи лет вы старались закрыть прекрасное лицо Истины. Тысячи лет вы уверяли людей, что оно ужасно — это закрытое лицо,— и в страхе цепенели люди, не смея сорвать покрывала. Берегитесь, пришел конец вашей подлой лжи! Человечество проснулось и уже протянуло руки к запретному покрывалу. Оно срывает его отовсюду, оно гонит прочь старых богов, оно смеется над старыми сказками, оно не хочет больше трагедий,— оно хочет жить и бороться.

Л и п с к и й (*насмешливо*). И не боится никаких покрывал!

Ч е л и н. Да, не боится никаких покрывал,— по крайней мере мы — люди советской страны.

Л и п с к и й. Увидим. Вы уже дрогнули перед загадкой этих тетрадей. А что... а что, если хаос заглянет вам когда-нибудь в лицо?

Ч е л и н. Извините, у меня нет времени для этих бесполезных споров.

Вбегает медсестра.

С е с т р а (*очень взволнованная*). Вере Сергеевне очень плохо! Ради бога... помогите... У нее бред.

Ч е л и н (*глубоко взволнованный, Липскому*). Да что же в конце концов с этой девушкой! Вы же ее лечили, доктор!

Л и п с к и й (*пожав плечами*). Что же я мог поделывать? Она сама виновата. У нее тяжелая форма эрисипеляс, обычная при таких ранах. Она отказывалась от режима, который был необходим. И боюсь, что теперь дело непоправимо. (*К сестре*). Идемте.

Ч е л и н (*бросаясь за ним вслед*). Вы должны ее спасти! Слышите?

Л и п с к и й (*уходя*). Берегитесь! Ваш оптимизм в опасности. Хаос стучится в дверь. (*Уходит*).

Ч е л и н (*садится к столу, сжав виски руками*).

v

Буря стихла. Осторожно входит Л и з а и останавливается смущенная на пороге.

Ч е л и н (*поднимает голову*). Кто здесь?

Л и з а (*несмело*). Это я, Роман Борисович.

Ч е л и н. Лиза? Что вам нужно? Я занят.

Л и з а (*не уходит*). Я была на почте. Как вы просили. Липский не посылал никаких писем. Только телеграммы.

Ч е л и н. Ага, тем хуже. Хорошо. Спасибо.

Л и з а (*нерешительно приближается*).

Ч е л и н (*с неудовольствием*). Ну, что вам еще, Лиза? Вы же видите, я занят.

Л и з а. Не сердитесь, Роман Борисович. Я только хотела вас спросить.

Ч е л и н (*с досадой откидывается в кресле*). Неужели это так спешно?

Л и з а. Не спешно, а... Ведь вы скоро уедете,— а у кого же я тогда спрошу?

Ч е л и н (*смягчаясь*). Ну, хорошо. В чем дело?

Л и з а. Что такое (*смотрит на бумажку, которую держит в руках*) безразмерные величины?

Ч е л и н (*встает*). Безразмерные величины? Зачем вам это, Лиза?

Л и з а. Зачем, зачем! Я хочу учиться, я хочу все знать, все знать, как вы.

Ч е л и н (*горько*). Как я...

Л и з а. Да, да, вы знаете все, для вас нет тайн в природе,— вы читаете ее, как открытую книгу.

Ч е л и н. Она открыта мне не больше, чем вам.

передо мной, словно стена, встают эти ужасные цифры, которые нельзя понять, нельзя вообразить даже. Я читала, что есть какое-то число, что если б его только написать, то нужно, чтобы восемьсот тысяч человек непрерывно писали двести лет.

Челлин. Ну, и что из этого?

Лиза. Как что? Так зачем же эти числа, которых мы не можем даже представить,— ведь это иллюзия... это кошмар.

Челлин. О, если бы только это!..

Лиза. А туманности, о которых я недавно читала, что они удаляются от нас со скоростью восемьдесят тысяч километров в секунду,— а ведь их миллионы и в каждой из них миллиарды звезд таких, как наше солнце,— разве можно себе это представить? (*Торопливо*). Вы не сердитесь, что я вам говорю, но я не сплю из-за этих цифр. Например, это... (*Надевает свои очки, достает и показывает Челлину листок из блокнота*).

Челлин (*бегло взглянул*). Ну, что ж тут особенного,— это масса одного электрона. Попросите Степу,— он вам расскажет, как ее вычислить.

Лиза (*горячо*). Да, да, но как понять все это? (*В волнении, сама не замечая, берет его руки*). Ведь для вас все ясно, вам ничто не мешает видеть смысл мира через эти непонятные знаки.

Челлин (*взволнованный сам*). Ничто не мешает! (*Оставляет Лизу и принимается ходить по комнате*). Вы сами не понимаете вашего счастья! Высшего счастья неведения. Кто вас просит заглядывать в лицо Истине? Вы думаете, что оно так прекрасно? Сколько лет я пытался уверить себя в том же... (*Снимает с нее очки*). Сбросьте, сбросьте эти глупые очки, идите на море, смотрите на его игру, вдыхайте его аромат, и тогда вы узнаете мир лучше, чем из тысячи книг. Поверьте (*он берет в руки ее голову*), они не дадут вам счастья. Они только проведут горькие морщины на вашем чистом лбу. Идите (*отталкивает ее плечи*), идите и не ищите разумного мира, он не заменит вам прекрасного мира невежд.

Лиза (*отступает пораженная*). И вы, — и вы говорите мне это! Боже мой! Вы боитесь истины, вы, советский ученый, большевик!

Челлин. Уйдите.

Л и з а. Нет, нет,— это неправда! Я ведь сама слышала, как вы клеймили тогда доктора Липского,— какие это были чудесные, смелые слова!

Ч е л и н. Слова! Десять минут назад я говорил с ним еще остроумнее, еще смелее. Я говорил, что мы сорвем покрывало с прекрасного лица Истины, что мы смеемся над страданиями старого мира.

Л и з а (*берет его руки, с радостным волнением*). Вы! Вы говорили это!

Ч е л и н. Да, я говорил... но, должно быть, маленькая песчинка попала в стройный механизм мироздания... и я увидел на мгновение черный мрак хаоса, от которого слишком рано отрекся...

Входит Липский.

Ч е л и н (*бросается к нему*). Ну, что же? Чего вы молчите? Где Вера?

Л и п с к и й. У себя. Дома.

Ч е л и н. Она... ее лицо?

Л и п с к и й. Да, это было прекрасное лицо, но боюсь, что мы никогда его больше не увидим. Впрочем, вы, кажется, и раньше его не видели.

Ч е л и н (*отшатнулся*). Никогда! Хаос... (*Идет к окну и смотрит в темноту ночи*).

Л и з а (*плачет, отвернувшись*).

Л и п с к и й (*молча улыбается*).

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Сад при доме Пчелинцева. Справа крыльцо дома, слева полукруглая мраморная скамья с колоннами, за которой видно море. По середине круглый бассейн с фонтаном. Возле него мраморная садовая скамья. Кипарисы и миндальные деревья. Утро.

I

Слева из глубины выходит турок — подозрительная личность в полосатой майке и рыжем пиджаке. Озираясь и прячась за кустами, он пробирается к крыльцу и скрывается за стеклянными дверями.

Минуту спустя слева же выходит Лиза. Так же осторожно, как и турок, она пробирается к дому по его следам. Останавливается в нерешительности возле бассейна.

Из глубины появляется Иванов с мокрым полотенцем на плече.

Иванов. Лизанька! Что вы тут делаете?

Лиза (*оборачивается, испуганная*). Тише! Чего вы кричите? (*Отходит в сторону*).

Иванов. В чем дело? Вы кого-нибудь ждете?

Лиза (*не отвечая*). А я-то, дура, удивлялась, почему он никуда не пишет. Даже в Ялте на почте справлялась. Ну, конечно же, — все через турка идет.

Иванов. Через какого «турка»?

Лиза. Ну, ничего, — я его выслежу.

Иванов. Да о ком вы говорите?

Лиза (*берет Иванова под руку*). И как это мне раньше в голову не пришло! Вы понимаете, Степа, — это первый мошенник в городе. И наверно контрабандист, недаром же вечно на море.

Иванов. Ага! И вы думаете, что Липский пользуется его услугами? Любопытно. Нужно сказать Роману.

Лиза. И наверно уже давно. А теперь вот сюда повадился. Я его второй раз здесь вижу.

Иванов. Чорт возьми! Уж не думает ли наш дорогой доктор удрать отсюда на корабле этого пирата! Чтоб не тревожить советских таможен своими чемаданами!

Лиза (*смотрит на Иванова*). Ну! Какой вы умный, Степа! Я сама об этом только сейчас подумала!

Иванов. Ну, где уже мне до вас, я ведь даже фамилии вашей никак не угадаю. Одно знаю,— что на букву Н.

Лиза (*всплеснув руками*). Степа, как вы узнали?

Иванов. Путем строгого анализа фактов. У вас метка на носовом платке — Е. Н.

Лиза. Ну!

Иванов. Смотрите — по уговору,—если угадаю, будет моя.

Лиза. Не радуйтесь.

Иванов. Неужели такая вредная? Я только одного боюсь, чтобы не была «Непейпива»,— без пива я не могу и на такую самокритику не согласен, а других не испугаюсь, хотя бы Носорогова или даже Нахалова. Скажите, может быть Насморкова?

Лиза. Ах, да оставьте, Степа,— как вам не стыдно, скажите лучше, как Роман Борисович? Легче ему?

Иванов. Легче. Сегодня опять засел за работу.

Лиза. И часто у него такие мигрени?

Иванов. Кто ж это знает, волноваться ему нельзя.

Лиза. Бедный Роман Борисович. (*Вздыхает*). И все из-за этой несчастной. Тсс, кажется он идет.

Иванов. Кто?

Лиза. Турок. Идемте скорее, чтобы он нас не заметил. (*Увлекает Иванова влево*).

Иванов (*упираясь*). Постойте! Может быть, «Незаметная»? Такой я тоже не хочу, это еще хуже Иванова. «Степан Незаметный». Боже сохрани! Благодарю покорно!

Лиза (*бросая его руку*). А ну вас! (*Убегает*).

II

Иванов. Славная девочка, эх!..

Входит Челнин.

Иванов. Ну, как твое здоровье?

Челлин. Ты давно здесь? Никого не видел?

Иванов. Тут, брат, интересные вещи выясняются. Похоже на то, что наш приятель доктор Липский собирается незаметно смыться.

Челлин (*быстро*). А Вера? Тоже уезжает? Ты ее не видел?

Иванов. Веру? Да ведь она не выходит. С той самой ночи.

Челлин. Неужели то правда... Изуродована, быть может, ослепла... «Вы не решились бы сказать мне это при свете...» ответила она в ту ночь, когда я хотел ее поцеловать.

Иванов (*очень серьезно*). Послушай, Роман, так нельзя. Вот уже неделя, как ты разбираешь тетради Пчелинцева и становишься все мрачнее и мрачнее. Нехорошо, брат. Липский первый будет смеяться над нами. Не забывай, что ты большевик и советский ученый.

Челлин. Но что же мне делать, если почва проваливается под ногами? Ты не читал этих проклятых тетрадей и не знаешь, какие пропасти открываются там на каждом шагу. Мир иррационален — вот единственный вывод, который может примирить противоречия этих кошмарных теорий.

Иванов. Эти кошмары существуют только в вашем воображении — подобных тебе—математиков! Ты опять забыл, что ваши теории — только схемы, только символы реальных явлений. Мы бы давно свернули себе шею, если бы приняли ваши призраки за живые законы жизни.

Челлин. Ваши законы трещат по всем швам. Уже Ньютон сомневался в их прочности, когда говорил о движениях, которые не похожи ни на одно из известных в природе: Эйнштейн искривил пространство, волновая теория противоречит теории квант.

Иванов. Да, для буржуазной науки! Но мы не боимся противоречий: диалектика помогает нам всегда и во всем находить синтез — высшую и реальную правду. Истина не стоит на месте, ее лицо беспрестанно меняется, как каждое живое лицо.

Челлин. Живое лицо... А что, если не лицо, а хаос? Что, если истина так же ужасна, как сожженное лицо этой несчастной Веры? «Вы не решились бы сказать мне

это при свете...» Какой ужасный упрек в этих словах... Оставь меня, мне слишком тяжело об этом говорить.

Иванов. Вот и толкуй с ним. Я уверен, что Липский утащил половину тетрадей, чтобы сбить его с толку.

Челин уходит куда-то вниз по дороге к морю и скрывается в гуще деревьев.

III

Входит Лиза.

Лиза (*осторожно выглядывает из-за кустов*). Не было турка?

Иванов. Поздно вы хватились вашего турка, Лизанька. Он, должно быть, уехал вместе с тетрадами профессора Пчелинцева. Недаром же Челин жалуется, что у него украли ось, на которой вертится мир. Эх! Погибает мир не за понюх табаку, а все из-за вас, Лиза!

Лиза (*испуганно*). Вы видели Романа Борисовича? Ну, что, как он себя чувствует?

Иванов. Вы лучше спросите, как я себя чувствую, видя все эти кислосладости. (*С сердцем*). Как! Чтобы советский ученый, с честным советским именем и с приличной фамилией — не то, что у меня — раскис при виде какой-то барышни и даже не при виде, а без всякого вида, и стал кричать, что мир погибает, — этого, воля ваша, терпеть никак невозможно.

Лиза (*взволнована*). Он ее любит! Я так и думала... Несчастный, как он должен мучиться, зная, что она изуродована, не смея взглянуть ей в лицо.

Иванов. Пойдите, пойдите, как это вы сказали — «не смея», может быть, «Несмелая»?

Лиза. Ах, отстаньте вы с вашими глупостями!

Иванов. Нет, это тоже ни к чорту не годится: «Степан Несмелый». Хуже всякого Дуракова. Ученый должен быть прежде всего смелым.

IV

Входит Липский.

Липский (*подходит к Иванову и Лизе*). Доброго утра. Извольте гулять? Извините, товарищи, но у меня к вам большая просьба. Вы знаете, конечно, какое ужасное

горе постигло мою племянницу. Этот сад — единственное место, где она может теперь гулять, и вы понимаете...

Иванов. Вы хотите, чтобы мы сюда не ходили?

Липский. Я бы очень вас об этом просил.

Иванов. Ладно. Идем, Лиза. Оказывается, она его племянница. Гм...

Уходят налево. Липский идет за ними.

Липский. Я, конечно, не смею вас беспокоить, но вы понимаете, что бедная девушка в таком состоянии, и к тому же ее лицо...

Ушли все трое.

Минуто сцена пуста. С крыльца осторожно выходит турок, осматривается и быстро скрывается в кустах.

Вслед за тем по ступенькам сбегает видимо взволнованная Вера. Ее лицо открыто и, если не считать мало заметных пятен, вовсе не обезображено. За нею бежит медсестра с вуалью в руке.

Медсестра. Вера Сергеевна! Вера! Наденьте вуаль! Вы забыли... *(протягивает ей вуаль)*.

Вера. Оставь меня в покое! Убери эту тряпку — хватит, довольно.

Медсестра *(испуганно)*. Ради бога! Вам же нельзя выходить... Ну что с ней поделаю? Доктор опять будет сердиться.

Вера. Дьявол! *(Садится на скамью у бассейна)*.

Медсестра. Господь с вами! Ведь он снова вас спас!

Вера. В обмен на душу, которую я ему продала! Ну, говори же скорей *(берет ее руки)*, что с Ниной? Ты ее видела? Неужели она до сих пор не пришла в сознание?

Медсестра. Приходит, но очень редко... Слава богу, теперь спокойнее, а то все бросалась, бредила... Доктор Софронович говорит, что травматических повреждений нет, только сотрясение большого мозга.

Вера. Это я, это я виновна в ее гибели.

Медсестра. Да нет же, Вера, ей лучше. Продолговатый мозг не тронут. Она поправится.

Вера. Такая женщина, такая душа! Бросилась в ночь, в бурю, чтобы спасти меня, чтобы уличить... Бросается... бредит... Я знаю, о чем она думает. Успокойся, Нина, я не выпущу его из рук. Иди, Поля, иди.

Медсестра *(умоляюще)*. Наденьте.

В е р а. Ладно, давай. (*Берет вуаль и набрасывает на голову*). Иди.

М е д с е с т р а (*уходит, но сейчас же возвращается*). Да, чуть не забыла. (*Достает из сумочки плоскую, похожую на портсигар, металлическую коробочку*). Это не ваше? Я думала — портсигар, но внутри какие-то бумаги.

В е р а (*берет и с удивлением разглядывает коробочку*). Где ты ее нашла?

М е д с е с т р а. Она лежала под кадкой с пальмой. должно быть, ее уронили, когда переносили и опечатавали бумаги. А она закатилась.

В е р а (*раскрывает коробочку и рассматривает бумаги*). Цифры, формулы... а на крышке альфа... Да — это папина коробочка. Я помню, как она лежала у него на столе. Ты никому не говорила? Смотри, не говори, особенно Липскому.

М е д с е с т р а. Нет, нет, что вы! Разве я не понимаю?

В е р а (*отдает коробочку*). Спрячь ее в мой стол, в верхний ящик и запири на ключ.

М е д с е с т р а. Хорошо. Ну, я пойду в больницу, к Нине Прокофьевне. (*Уходит в дом*).

В е р а. Не тут ли разгадка? Ну, погоди, я тебе все припомню!

V

Быстро входит Л и п с к и й. Оглянувшись по сторонам, он подходит к Вере и поправляет ее вуаль.

Л и п с к и й. Какая неосторожность! Неужели вас не научила прошлая беда, которую я с таким трудом прогнал.

В е р а (*в гневе*). Чтобы держать меня в страхе и вечном рабстве? Как я презираю себя за это. За то, что испугалась призрака, вызванного вами, маски без глаз и с провалившимся ртом.

Л и п с к и й. Это вовсе не призрак. Это реальная угроза, которая... возвращается.

В е р а (*в еще большем гневе*). А — угроза! Но не забывайте, что и у меня есть призрак, который заставит вас побледнеть! Я знаю многое, доктор Мейнор!

Л и п с к и й (*отступает в ярости*). Вы! Вы с ума сошли! (*Быстро овладев собою*). Впрочем, это бред, который скоро окончится. Ведь автор его при смерти, да и меня здесь ничто не удерживает.

В е р а. Неужели ничто? Скажите лучше прямо — чего вам от меня нужно? Ведь не даром же вы все время навязываете цену за спасение моего лица. Назовите же, наконец, последнюю! Что я должна сделать? Но смотрите — без новых призраков! Берегитесь меня обмануть!

Л и п с к и й. Вот это настоящие слова! Да, я хочу вашей помощи, Вера. Мне нужны... мне нужны несколько листов из записок вашего отца.

В е р а. А! Я так и думала.

Л и п с к и й. Их напрасно ищет Челин. Он чувствует, что чего-то не хватает, что почва колеблется под его ногами, что он запутался в этих тетрадях, которых не в силах понять. Глупец! Он опечатал их, не зная, что для него самого они остаются книгой за семью печатями.

В е р а (*про себя*). Неправда! он не отступит перед истиной. (*Громко*). Ну, так чего же вы хотите?

Л и п с к и й. А между тем разгадка у него же в руках. Он опечатал большую шкатулку, но не знает, что у нее двойное дно. И там на этом дне спрятаны важнейшие страницы из всего, что написал Пчелинцев.

В е р а. А!

Л и п с к и й. Вы должны достать мне эти страницы.

В е р а. Это все?

Л и п с к и й. Нет, не все. Вы видите — я откровенен с вами. Где-то затерялась — должно быть, в суматохе при этом же глупом опечатании, маленькая платиновая коробочка.

В е р а (*вздвргнув*). А! С альфой на крышке?

Л и п с к и й (*хватая ее за руку*). Вы ее помните?

В е р а. Ну еще бы. Я думала, что она у вас.

Л и п с к и й. Она где-нибудь там, среди опечатанных бумаг, вы должны ее найти. За один этот ящичек я освобожу вас навсегда от всех угроз и призраков.

В е р а. А что в этом ящичке?

Л и п с к и й. Женский вопрос. Не все ли вам равно?

В е р а (*гордо*). Нет, не все. Я дочь Пчелинцева.

Л и п с к и й. Ну, тогда я скажу вам кратко: энергия звезд.

В е р а (*встает*). Прощайте. (*Идет*).

Л и п с к и й (*озадаченный*). Куда вы?

В е р а. К Челину. Энергия звезд должна принадлежать нам — людям, у которых звезда на знамени.

Л и п с к и й (*кричит*). Вы расклетесь в этом! (*Хватает ее за руку*). Сейчас же ступайте домой!

В е р а. Пустите меня!

VI

В эту минуту вбегает девушка-медсестра.

Медсестра. Вера Сергеевна! Сейчас звонили из больницы. Нина Прокофьевна пришла в себя. Она хочет вас видеть. Идемте!

Л и п с к и й. Проклятье! (*Поспешно уходит в дом*).

В е р а. Что ты говоришь! Какое счастье! Идем, сейчас же идем!

Медсестра. Только сначала закройте — это же по самому солнцу (*заботливо укутывает ее вуалью*).

В е р а. Ах, да скорее, скорее! Только бы она была жива!

Из глубины сада входит Челин. Он видимо взволнован. Увидя Веру, он решительно направляется к ней.

Челин. Вера! Простите... Но я должен вам это сказать. Я так хотел вас видеть.

В е р а. Извините... я спешу. Мне тоже нужно вам многое сказать. Иди, Поля, я сейчас... я тебя догоню.

Медсестра. Хорошо — я обожду у калитки.

Уходит в глубь сада.

Челин. Слишком много мыслей, чтобы их выразить сразу. Помните ту страшную ночь, когда я зажег свет на вышке, когда разбилась машина Алмазян и хаос заглянул в окно. Когда вы лежали бессильная, раздавленная у свинцовой двери омеги и когда я сам не знал, что за этой дверью — свет или мрак.

В е р а (*взволнованная*). Да, да, — свет, только свет! Только сейчас я узнала правду! Липский скрыл от вас лучшие страницы Пчелинцева — они спрятаны в двойном дне шкатулки, которую вы опечатали. И есть еще одна рукопись.

Челин (*в глубоком волнении*). Я сомневался в науке, истине, реальности. И вот теперь вы возвращаете меня к жизни. Помните, как вы сказали мне тогда — вы не решились бы поцеловать меня при свете! Если бы вы знали, что именно к свету привели меня эти слова! Не думайте, что я полюбил вас из жалости, сострадания...

Вера (*удивленная*). Вы... меня полюбили. Зная, что я...

Челин (*беря ее руки*). Неужели вы думаете, что меня могли бы испугать ожоги и раны на вашем лице? Снимите эту вуаль — для меня вы всегда прекрасны, как прекрасна истина, которую вы научили меня понимать!

Вера (*вскрикивает*). Нет, нет — это слишком хорошо! Слишком чудесна такая любовь, ее не бывает на свете. Сегодня, сегодня в шесть часов (*оглядывается*) приходите к развалинам гемуэзской крепости. Я принесу вам то, о чем говорила, — рукопись «альфа» — об источнике энергии звезд.

Челин (*в сильном волнении*). Синтез гелия! Образование гелия из ядер водорода! Не может быть! Это то, что способно изменить мир!

Вера. Да, да, до свидания! Я очень спешу. Помните же — в шесть часов.

Быстро уходит вглубь.

Челин (*один*). Какое полное счастье! Теперь я могу сказать вместе с Фаустом «Мгновенье, стой, прекрасно ты!»

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Развалины на берегу моря. Глухое уединенное место. На первом плане гряда обломков и колонн, заросшая кустами репейника и словно усыпанная множеством яркокрасных цветов дикого мака. Каменная скамья. За обломками море. Время перед вечером.

I

На яхте подъезжает Лиза.

Лиза (*взбирается на берег и говорит сидящему в лодке мальчику*). Отойди немного в сторону, туда — в заливчик. Осторожно здесь между скалами, не наткнись. Когда будет нужно, я свистну.

Голос из яхты. Ладно, я пока выкупаюсь.

Лиза. Не смей здесь купаться. Тут страшная глубина. Да еще камни. Слышишь?

Голос из яхты. Факт.

Лиза. Не «факт», а не смей! Тут в прошлом году один мальчик вроде тебя полез за козой и упал — всю голову разбил о камни.

Яхта отходит.

Лиза. Если и тут их нет, я уж не знаю, где их искать. (*Осматривается*). Ага! Я так и думала — они там, в развалинах. (*Осторожно пробирается к колоннам, где мелькает красная феска турка*).

II

Входит, опираясь на руку медсестры, Нина Алмазян. Она видимо обессилена после перенесенной болезни, двигается с трудом и сразу же садится на каменную скамью. Но в лице прежняя суровая решимость, а глаза еще сильнее горят неугасимой жаждой мести.

Медсестра. Ну, вот видите! Разве можно вам ходить, да еще в гору. Обещали, что только домой вернуться, а сами...

А л м а з я н. Ничего, Поля... мне уже лучше. Я не могу ждать. Если я не найду его сегодня, завтра уже будет поздно. Ты ведь сама видела, что он исчез, как только узнал, что я очнулась. Он знает, что пощады не будет. Идем.

Медсестра. Боже мой... Ну, куда вам идти. Вы же шатаетесь.

А л м а з я н *(встает)*. Это от непривычки, Поля. Пусть не слушаются ноги, зато сердце не выдаст. Оно горит неугасимым огнем, который удесятерит мои силы. Идем дальше. *(Опираясь на руку медсестры, уходит направо)*.

III

Входит видимо усталый И в а н о в, садится на скамью и вытирает лоб платком.

И в а н о в. Ф-фу... высоко. А ведь это Лизина яхта! Ну да! Гей, на яхте! Ну да, и мальчишка ее, наш старый приятель, любитель фактов, с козой.

Голос снизу: Го-го!

И в а н о в. А где Лиза?

Г о л о с. Да там же, наверху! У вас!

И в а н о в. Факт?

Г о л о с. Факт.

И в а н о в *(встает)*. Так где же она, разбойница? В развалинах, что ли? *(Кричит в сторону развалин)*. Лиза! Лизанька! Ау! Где вы? *(Слушает)*. Никакого результата. Лиза!

Сверху из развалин сбегает Л и з а. Она запыхалась и очень сердита. Сбежавши, сразу же напускается на Иванова.

Л и з а. Чего вы кричите? Чего вы орете? Все дело испортили! Чего вы кричали, я спрашиваю?

И в а н о в. Но, Лизанька, я же видел вашу яхту... и Петьку с козой.

Л и з а. Яхту! Яхту! Сами вы коза! Я целый час караулю этих мошенников, чуть не на животе ползла по камням, наткнулась на сколопендр, поцарапала все руки об колючки — и вдруг! Только что устроилась в уголке,

в двух шагах от них и начала слушать... крик: «Лиза! Лиза!» Ну, конечно, они моментально скрылись, хорошо еще, что меня не открыли.

Иванов. Откуда же я знал, Лизанька? Да кто «они»? Неужели Липский?

Лиза. Сколопендры, ящерицы, мыши — я чуть не умерла со страху. Ну, а кто же! Вы знаете, это форменный шпион. Он действительно собирается бежать морем, на яхте турка. Ясно, что с бумагами Пчелинцева. Повидимому, он получил какие-то тревожные вести и спешит удрать. Еще пять минут, и я бы узнала — когда и откуда. А вы подняли крик. Эх! Все дело испортили.

Иванов. Откуда же я знал, Лиза? Ну, да ведь главное вы узнали.

Лиза. Главное, главное... Ну, ничего, я их выслежу. Да! Совсем забыла. Тут вам два письма из Москвы и одно Роману Борисовичу.

Иванов. Мне из Москвы? Должно быть, из института. *(Распечатывает)*. Какие-то вырезки из французских газет. Что такое? *(Быстро пробегает вырезки)*. Караул! Лиза! Держите меня! Ура! *(Внезапно хватая Лизу за талию, поднимает вверх и звонко целует в обе щеки)*. Да вы знаете, что здесь такое?

Лиза *(рассердилась)*. Да как вы смеете! Как вам не стыдно! Как вы смеете целоваться!

Иванов *(возбужденный)*. Да вы послушайте сначала, в чем дело, — когда узнаете, сами целоваться начнете. Мои опыты подтвердились! О них пишут в «Отчетах Парижской Академии», в журналах английского...

Лиза. Да что вы говорите! Какие опыты?

Иванов. По исследованию поглощения и рассеивания быстрых бета-лучей... Вы помните, я показывал вам искорки в камере Вильсона? Ах, Лиза, какая это удача!

Лиза *(печально)*. Да ведь я ничего не понимаю.

Иванов *(снова звонко целует ее в обе щеки)*. Будете понимать, Лиза, будете!

Из-за обломков слышно многозначительное покашливание и возглас «факт», вслед за чем на мгновение показывается и сейчас же исчезает физиономия мальчика с яхты.

Иванов. Конечно, факт.

Лиза. Вы опять! Да как вы смеете! Я ведь вам сказала, что я вас не люблю.

Иванов (*возбужденно и уверенно*). Ну, как не любить! Это вам так только кажется.

Голос из-за обломков. Факт.

Иванов. Конечно, факт. Вы только подумайте, как это важно! Теперь можно будет решить вопрос о взаимодействии релятивистских бета-частиц с полями атомных ядер! Так и в газетах ихних написано: «Замечательный опыт русского ученого». И тут же говорится, что работа — «замечательная работа мистера Иванова есть крупное завоевание в области физики атомного ядра!» А если бы они знали мои теперешние опыты! Да, теперь мне не нужно менять фамилии. Будьте уверены! Иванов — это уже факт!

Лиза (*печально*). Не захотели моей фамилии... Брежете.

Иванов. Да что вы, Лизанька! Вам ведь самой ва-ша не нравится. Теперь у вас будет общая — моя. (*Протягивает к ней руки*).

Лиза (*отскакивает*). Нет, нет, — только, пожалуйста, без опытов. Я и так верю.

Иванов. Без опытов, Лизанька, истина остается бесплодной. Право, давайте поженимся. Еще год-два — и мы будем работать вместе, как супруги Кюри или Жолио. Ах, Лиза, как бы это было славно!.. Я ведь одинокий, бобль, меня никто не любит, говорят — толстый.

Лиза. А вы больше пива пейте.

Иванов. И вы! Прощайте... Не хотите разделить моей радости, ну, что ж! Буду просто себе Иванов — без супруги Ивановой. (*Идет к дороге*).

Лиза (*подбегает к нему и целует*). Да перестаньте, чучело! А то разревусь.

Иванов. Лизанька! Милая! (*Хочет ее обнять*).

Лиза. Нет, нет! Я ведь еще не Иванова. До свиданья, мне пора. Еду! (*Бежит к спуску*). Петя! Ау!

Иванов. Да постойте! И я с вами.

Лиза. Нет, мне ведь нужно на пост береговой охраны. Надо поговорить. Увидимся вечером. А вы несите лучше письмо Челину.

Иванов. Ну, хорошо. Смотрите же, Лизанька! Вечером. Я тогда вам все объясню.

Лиза. Ладно. До вечера! (*Убегает вниз*).

Иванов. Да, это уже факт, а не одна теория, как прежде. (*Уходит*).

Входит Вера с закрытым лицом. Медленно снимает вуаль и садится на скамью, глядя на море

Из развалин выходит Липский. Он внимательно осматривается вокруг и, увидя Веру, быстро подходит к ней. Заслышав шаги, она встает в изумлении и досаде.

Липский. Я так и думал! Вы все-таки решились на это! Вы пришли к Челину.

Вера. Да, я пришла к Челину. Наследство моего отца принадлежит стране, где он жил и работал. О, я давно разгадала ваши подлые планы, еще раньше, чем вы признались в них утром. Я знала, что вы скрыли какие-то бумаги отца, я уже говорила об этом с Челиным. Вы и ему пытались набросить покрывало на глаза, как набросили мне. Теперь мы оба скинули прочь это покрывало. Еще сегодня я сказала ему о двойном дне шкапки.

Липский (*схватывает ее руку*). Вы раскаетесь в этом! А, так вот до чего дошла дочь Пчелинцева! Ворует документы для своего любовника!

Вера. Я беру то, что принадлежит человечеству. Да, я люблю Челина и он полюбил меня, даже не видя моего лица, думая, что оно обезображено. И только сегодня я покажусь ему с открытым лицом!

Липский. Сейчас же отдайте мне то, что вы принесли ему. Коробочку с альфой на крышке. (*Снова хватает ее руку*).

Вера. Пустите! Я буду кричать! Я буду звать на помощь!

Липский. На помощь? Единственную помощь, в которой вы нуждаетесь, могу вам дать только я! Если вы не отдадите мне сейчас же этой коробочки, завтра же ваше лицо снова станет ужасной раной! Идите тогда с ним к вашему Челину!

Вера. Пусть! Я уже раз отдала мое лицо родине, не отступлю и сейчас перед моим долгом.

Липский (*ломает ей руки*). Отдай сейчас же или я тебя убью!

Вера (*вырывается*). Пустите! Челин! Ко мне!

Липский. Молчи!

Вера (*бежит на камни у берега и кричит*). Спасите!

V

Л и п с к и й (*бежит за ней. Борьба*). Отдай, проклятая!
Входит, опираясь на руку медсестры, Алмазян.

А л м а з я н (*увидя Веру и Липского, отталкивает медсестру и с неожиданной для ее слабого тела силой бросается к ним*). Прочь! Пусты ее, негодяй! (*Достает револьвер*).

В е р а. Нина! (*Плоская коробочка блеснула в ее поднятой руке. Липский схватывает эту руку. Последним усилием Вера освобождает руку и бросает коробочку Нине*).

Л и п с к и й (*в ярости*). То будь же ты проклята!
(*Сталкивает ее в море*).

Крик Веры.

А л м а з я н. Убийца! (*Стреляет в Липского, он, зашатавшись, падает в море*).

М е д с е с т р а. Боже мой, Вера! Спасите, спасите ее!

А л м а з я н (*поднимает коробочку и идет за медсестрой*). Только бы застать ее живой!

VI

С противоположной стороны входят Иванов и Челин.

Ч е л и н (*оглядываясь*). Ее еще нет.

И в а н о в. Кого?

Ч е л и н. Веры. Она должна быть здесь.

И в а н о в. Вера?

Ч е л и н. Да. О, если бы ты знал, как я счастлив теперь! Да, да, тебе это можно сказать. Ты был свидетелем моих мук и ошибок! Ты видел, как метался мой ум над тетрадами Пчелинцева, не находя выхода из всех противоречий вселенной... Я посидел за эти дни безнадежных поисков истины.

И в а н о в. Ты искал ее не там, где нужно.

Ч е л и н. Да, я не понял, что ее нужно искать в движении, в бытии, в противоречиях!

И в а н о в. Ты испугался диалектики, и в этом твоя вина...

Ч е л и н. Но теперь я снова спокоен. Я понял мир не

умом, а чувством, я понял не потому, что Вера нашла и вернула мне украденные выводы Пчелинцева,— я ощутил Истину в тот момент, когда все отшатнулись от ее закрытого лица. Этот символ сказал мне все. Тысячи лет, тысячи мудрецов твердили людям: не открывайте лица Истины, оно ужасно. Страдание — удел человека, хаос — основа мира!

Иванов. Но ведь лицо Веры... оно действительно...

Челин. Неправда! Оно должно быть прекрасным. Как и почему — я не знаю, но я убежден в этом.

На море показалась яхта.

Иванов. Берегись, Роман! Ты снова на ложном пути! Да нельзя превратить Истину в символ, в теорию, как это делаете вы, математики. Истина — борьба, деяние, жизнь! Она отражение динамического процесса, ее лицо подвижно и изменчиво. Она умрет у тебя на руках, если ты вздумаешь снять слепок с ее живого лица!

VII

Крик снизу. Сюда! На помощь!

Иванов. Что такое? Что это за крик?

Челин. Что такое? Кто-то тонет?

Иванов. Яхта! Это Лизина «Ласточка».

Оба бегут к берегу.

Иванов. Это Лиза и какие-то... Они кого-то несут... Идут сюда.

Снизу на берег всходит Лиза, мальчик с яхты и медсестра. Они несут безжизненную Веру. Ее тело и лицо закрыты большим платком. Ее кладут на скамью.

Челин и Иванов бросаются к этой группе.

Лиза. Скорее за доктором, Петя!

Мальчик. Я мигом! (*Убегает*).

Иванов. Лизанька! Что такое? Вы были в воде! Что такое?

Челин. Нет, нет... Только не это! Неужели? (*Кричит*). Вера!

Лиза. Нет, нет, успокойтесь, Роман Борисович... Я сама сначала подумала... Это какая-то неизвестная женщина, очень красивая... Значит, не она.

Иванов. Где вы ее нашли?

Лиза. Господи, как я перепугалась! Она кричала... тонула, билась о камни.

Иванов (*берет руки Лизы*). Лиза! Вы сами вся мокрая! Ваши руки в крови! Вы ранены!

Лиза. Нет, нет, ничего... Там ведь острые камни... У берега прибой.. Ее всю побило, пока я доплыла и вытащила...

Вера (*стонет*). Где Челин?

Челин. Вера! Вера! (*Срывает с нее платок и бросается к ее ногам*). Вера, родная! (*Целует ей руки*).

Все поражены. Входит Алмазян.

Лиза. Что такое?.. значит, она не... не изуродована?

Иванов. Ничего не понимаю!..

Челин. Вера! Любимая! Правда моей жизни! Бедное мое дитя!

Вера. Милый... Я боролась... Я не хотела отдать ему... Платиновая коробка... с буквой... альфа... формула энергии звезд... тяжело... дышать...

Челин. Вера!

Алмазян (*опускается у ног Веры*). Успокойся, родная. Она у меня. Я передам ее нашей родине.

Иванов (*берет ее руку и слушает пульс*).

Челин. Отнесем ее в город, скорее!

Иванов (*многозначительно смотрит на Челина*). Ее нельзя трогать с места.

Челин. Да приведите же скорее доктора! Вера! Скажи же хоть одно слово! Она умирает! (*Целует и согревает ей руки*).

Вера. Не руки... Поцелуй мое лицо... милый.

Лиза плачет.

Челин (*целует ее*). Помнишь, я говорил... Я верил, что ты прекрасна... моя любимая... единая... Я не могу, я не должен тебя потерять... Ну, скажи же хоть слово!... Посмотри на меня... Вера!

Иванов (*опускает руку Веры*). Конеч.

Челин (*падает к ее ногам и плачет*). Зачем, зачем я увидел твое прекрасное лицо, твою чудесную улыбку, чтобы в ту же минуту потерять тебя навеки... Проклятье

смерти! Проклятье жизни, которая бессильна удержать истину на земле!

А л м а з я н (*встает и кладет руку на плечо Челина. Строго*). Вы не смеете так говорить, Челин. И жизнь, и Истину мы должны завоевывать каждый день.

З а н а в е с

1948

К О Н Е Ц

ПРИМІТКИ

«ЯРОСЛАВ МУДРИЙ»

Драматична поема на 5 дій

Вперше надрукована окремим виданням у 1946 році в Укрдержлітвидав. Друкується за збіркою—І. Кочерга, «П'єси», Держлітвидав, Київ, 1951 р. В 1948 році п'єса «Ярослав Мудрий» була поставлена Харківським державним драматичним театром ім. Т. Шевченка.

ПРОРОК

Драматична поема на 5 дій

Друкується за машинописним рукописом, що зберігається в архіві письменника. На першій сторінці рукопису є штамп Репертуарного Управління: «Дозволено до роботи т-ру ім. Франка з автором... 15 грудня 1948 р.» Вказана дата, певне, є і датою закінчення письменником роботи над п'єсою.

Таким чином, драматичну поему «Пророк» можна вважати останнім закінченим твором драматурга. Висловлене у передмові до цього видання припущення про те, що останнім твором І. Кочерги є драматична казка «Цар Салтан» (за мотивами казки О. С. Пушкіна), є помилковим. Титульна сторінка машинописного рукопису цієї казки, що зберігається в архіві письменника, датована 1939 роком.

Драматична поема І. Кочерги «Пророк» на сценах театрів не ставилася.

ПЕСНЯ В БОКАЛЕ

Драма в 5 действиях

Це перший драматичний твір І. Кочерги, написаний російською мовою. Драматург протягом свого життя написав чимало п'єс російською мовою; нерідко він писав твір спочатку російською мовою, а потім перекладав на українську або навпаки, тому зараз існують варіанти окремих п'єс, написаних двома мовами. «Песня в бокале»

написана І. Кочергою в 1910 році, друкується вона за автографом, що зберігся в архіві письменника.

До революції п'єса на сценах театрів не ставилася. Вперше вона з'явилася на сцені радянського театру в 1926 р.; цього року її було поставлено в Харківському народному театрі.

ВЫКУП

(Свадебная поездка Маруси)

Драма в 5 действиях

Написана російською мовою, друкується за машинописним рукописом, який зберігся в архіві письменника. Про друкування цього твору за життя письменника відомостей немає. На останній сторінці рукопису, що являє собою зшиті аркуші паперу звичайного розміру, на обох сторінках, заповнених текстом, підпис письменника і помітка, зроблена його рукою: «VIII. 1924 г.». Це, певне, і є дата написання твору. Сценічна історія п'єси не досліджена.

ИСТИНА

Драма в 5 действиях

Написана російською мовою. Друкується вперше за машинописним рукописом, який зберігається в архіві письменника. П'єса в 1948 році була подана на республіканський конкурс, до цього року відноситься і її написання. На титульній сторінці рукопису, зверху там, де повинно стояти прізвище автора, написано: «Девіз: «Альфа». Це і є той девіз, під яким п'єса подавалася на закритий республіканський конкурс в 1948 році. «Истина» є оригінальним драматичним твором, однак своєю проблематикою і, в значній мірі, розгортанням сюжету вона близька до другої драми І. Кочерги «Ім'я».

З М І С Т

	Стор.
Ярослав Мудрий	5
Пророк	115
Песня в бокале	221
Выкуп (Свадебная поездка Маруси)	323
Истина	401
Примітки	455

Редактор *В. Г. Бойко*
Художник *В. К. Стец:нко*
Художній редактор *К. К. Калугін*
Технічний редактор *О. Г. Олешкевич*
Коректор *О. К. Бобренко*

*

Иван Антонович Кочерга.
Сочинения в 3 томах. Том третий
(На украинском языке)

*

БФ 15986. Здано на виробництво 22/VI 1956 р.
Підписано до друку 19/X 1956 р.
Формат паперу 84×108/зв. Паперових арк. 7,187.
Друк арк 23,575 Оліково видавн. арк. 21,828.
Ціна 12 крб. 90 коп. Замовл. № 542. Тираж 8000.

*

Книжково-журнальна фабрика Головвидзв
Міністерства культури УРСР. Київ, вул. Воровського, 21.

